

АП:И

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 17 (303), 2026 // apni.ru

часть II

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 17 (303)

Часть II

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Зуфарович, кандидат технических наук (Высokотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Юсупова Феруза Зойировна, доктор философии (PhD) (Навоийский государственный горно-технологический университет)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Антипов А.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....7

Детенышева Е.О.

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ
СТОРОН..... 11

Животков М.М.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ..... 13

Костоян А.А.

СПЕЦИФИКА ДЕТЕРМИНАЦИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 17

Кузнецов Е.Е.

ПРОБЛЕМА СМЕШЕНИЯ ЛИЧНОГО И КОММЕРЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ 20

Монгуш С.Р.

ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ: НОВЕЛЛЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 27

Осаволук М.В.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 31

Пинаева В.Г.

ФИДУЦИАРНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАЦИИ:
СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА..... 35

Тимофеев П.П.

КОРПОРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ
ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 38

Чечеткина Д.Д.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ В ИСПРАВЛЕНИИ
ОСУЖДЕННОГО 43

Чечеткина Д.Д.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА
ЗДОРОВЬЮ 49

Чижова А.А.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА В СТРОИТЕЛЬНОЙ
ОТРАСЛИ..... 56

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Zhang Shuwei

USER SATISFACTION STRATEGY OF NEW CHINESE ENERGY VEHICLES
IN THE KAZAKHSTAN MARKET 61

Виденеев К.А., Макарова Л.М.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ
БЛАГОНАДЕЖНОСТИ В ЦЕЛЯХ ПОД/ФТ 65

Виденеев К.А., Макарова Л.М.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ
ФИНАНСОВОЙ БЛАГОНАДЕЖНОСТИ 68

Мамедова С.И.

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БРЕНДА 72

Мокану П.

АДАПТАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ К РЕАЛИЯМ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОТ ФОРМАЛЬНОГО COMPLIANCE К ГИБРИДНЫМ
МОДЕЛЯМ 76

Осипова В.В.

ВНУТРЕННИЙ АУДИТ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СЕРВИСА
В ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ 80

Семидоцкая О.С.

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОПТИМИЗАЦИЮ УПРАВЛЕНИЯ
ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ В КОРПОРАТИВНОМ СЕКТОРЕ 84

Сидоренко М.С.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РОССИЙСКУЮ
ЭКОНОМИКУ 90

ПЕДАГОГИКА

Dong Yufei

COMPARATIVE ANALYSIS OF MINOR LANGUAGE (JAPANESE) CURRICULUM
CONSTRUCTION AND TEACHING MANAGEMENT IN CHINESE AND KAZAKH
UNIVERSITIES 93

Hu Ruohan

SELF-REGULATED LEARNING AS A PROTECTIVE FACTOR FOR ADOLESCENT
PSYCHOLOGICAL ADJUSTMENT IN AI-ENHANCED LEARNING ENVIRONMENTS:
AN EMPIRICAL STUDY 99

Li Yuan

RESEARCH ON THE INFLUENCING FACTORS AND CULTIVATION PATH
OF STUDENTS' PROFESSIONAL SELF-REALIZATION IN CHINESE NORMAL
UNIVERSITIES 105

Агошкова В.Ф., Некрасова Н.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОНСТРУКТИВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 109

Ильченко Е.А., Зубова Н.Н., Кузнецова О.Г.

РОЛЬ ИГРЫ В ПРОЦЕССЕ РАННЕЙ ПРОФОРИЕНТАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ..... 113

Лобанова И.В., Богатырёва Е.А.

НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕЙ РАБОТЫ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ
С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА С УМСТВЕННОЙ
ОТСТАЛОСТЬЮ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ)..... 118

Пахомова Н.И.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГОПЕДИЧЕСКОГО МАССАЖА ДЛЯ КОРРЕКЦИИ
ЗВУКОПРОИЗНОШЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ
РЕЧИ 122

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Гордиенко А.С., Гудкова Е.Р., Токарев Г.Н.

КОРРЕКЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ
СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ВОСПИТАТЕЛЯ
МБДОУ Д/С № 33 г. АЗОВА) 125

Шагиахметова К.И.

УПРАВЛЕНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЕМ ФУТБОЛИСТОВ
В УСЛОВИЯХ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МАСТЕРСТВА 128

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АНТИПОВ Антон Владимирович

студент, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу современной мировой практики государственного управления, фокусируясь на актуальных проблемах правоприменительной деятельности и сравнительном анализе зарубежных моделей. В рамках исследования проводится тщательное изучение международных стандартов, что позволяет выявить ключевые тенденции и перспективы развития данного института. Определяются направления совершенствования механизма государственного управления.

Ключевые слова: зарубежные практики государственное управление, актуальные проблемы государственного управления, *New Public Management*.

Введение

В мировой практике принято выделять две основные модели государственного управления, сформировавшиеся в рамках различных правовых семей: англосаксонскую и романо-германскую. Их различают подходы к правовому регулированию, организационная культура и приоритеты в деятельности государственного аппарата.

Англосаксонская модель, часто именуемая «Public Administration» или «New Public Management» (NPM), характерна для таких стран, как США, Великобритания, Канада, Австралия. Ключевой особенностью этой модели является применение принципов и методов частного корпоративного менеджмента в государственном секторе. Основной акцент делается не на строгом соблюдении формальных процедур, а на достижении конкретных результатов, эффективности и экономичности расходования бюджетных средств, а также на клиентоориентированности и качестве предоставления публичных услуг. С точки зрения Д. А. Гайнанова, в рамках данной модели «государственный служащий рассматривается не как чиновник-исполнитель, а как менеджер, ответственный за достижение показателей эффективности (KPI)» [1, с. 98]. Эта оценка точно улавливает сущностный сдвиг от бюрократической парадигмы к менеджеральной.

Этот подход, возникший в ответ на вызовы времени, стремился внедрить рыночные модели управления в публичный сектор с целью

повышения эффективности и результативности государственных услуг.

Согласно утверждению одного из основоположников *New Public Management* (NPM), Кристофера Худа, суть данного подхода заключается в интеграции предпринимательских принципов в систему государственного управления. Практическое воплощение этой концепции выражалось в применении механизмов рыночной конкуренции и корпоративного менеджмента в деятельности государственных учреждений. NPM основывается на идее синергии управленческих принципов в частном и публичном секторах, что предполагает их адаптацию к специфике государственной сферы.

Основные элементы NPM включали:

1. Децентрализацию и деконцентрацию власти: перераспределение полномочий и ресурсов на более низкие уровни управления, что способствовало повышению оперативности и гибкости государственных структур.
2. Конкуренцию и аутсорсинг: активное использование рыночных механизмов, таких как конкурсные закупки и аутсорсинг, для повышения эффективности государственных услуг.
3. Фокус на результаты и эффективность: смещение акцента с процесса на результат, внедрение систем оценки эффективности и результативности деятельности государственных учреждений.

4. Клиентоориентированность: ориентация на потребности и ожидания граждан, предоставление услуг, соответствующих высоким стандартам качества и удовлетворяющих запросы населения.

5. Корпоративное управление: внедрение принципов корпоративного управления, включая прозрачность, подотчетность и ответственность, что способствовало повышению доверия к государственным институтам.

Эти реформы были направлены на повышение эффективности, прозрачности и качества государственных услуг, а также на адаптацию государственного сектора к новым экономическим и социальным реалиям. Однако внедрение NPM сопровождалось критикой, связанной с потенциальным риском потери социальной ориентированности государства и коммерциализации публичных услуг, что вызывало обеспокоенность относительно сохранения социальной справедливости и доступности государственных услуг для всех слоев населения.

Профессиональные управленцы в своей деятельности не акцентируют внимание на специфике объектов управления, поскольку организационная структура публичных учреждений и коммерческих предприятий в значительной степени схожа. В рамках данного подхода граждане рассматриваются как клиенты публичных организаций, стремящиеся получить определенные управленческие услуги.

Мотивация и оценка результативности деятельности государственных служащих базируются на применении аналогичных критериев, используемых в коммерческих структурах. Рыночный подход в государственном управлении предполагает его предпринимательскую направленность, что требует пересмотра традиционных методов оценки эффективности управленческой деятельности. В рамках данного подхода акцент переносится с оценки процесса управления на оценку его конечных результатов. Это предполагает оптимизацию затрат и даже постановку вопроса о рентабельности функционирования государственных учреждений.

Напротив, романо-германская (континентальная) модель, исторически сложившаяся во Франции, Германии и получившая распространение во многих странах континентальной Европы, основана на доминировании публичного, в первую очередь административного, права. В этой системе деятельность администрации строго регламентирована правовыми

нормами, центральное место занимает принцип законности, а организационная структура строится на основе жесткой иерархии и субординации. Как подчеркивает А. Ю. Саломатин, «для континентальной модели характерно четкое разделение публичного и частного права, а также наличие специальной системы административной юстиции для разрешения споров между гражданами и властью». Это наблюдение указывает на фундаментальное отличие, заключающееся в высоком уровне юридизации управленческих отношений [3].

Наднациональные и международные организации, такие как ООН, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), играют значительную роль в формировании глобальных стандартов управления. Ими была разработана и активно продвигается концепция «надлежащего управления» (Good Governance), которая представляет собой совокупность принципов, призванных обеспечить эффективность, легитимность и подотчетность публичной власти.

Ключевыми принципами Good Governance являются верховенство права (Rule of Law), прозрачность (Transparency), подотчетность (Accountability), участие граждан (Participation), а также эффективность и результативность (Effectiveness and Efficiency). Эти принципы закреплены в таких документах, как Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, конвенции против коррупции, а также в рекомендациях ОЭСР по вопросам государственного управления [5].

Одной из главных мировых тенденций последних десятилетий является цифровая трансформация государственного управления. Развитие информационно-коммуникационных технологий коренным образом меняет способы взаимодействия государства, граждан и бизнеса, создавая основу для построения «электронного правительства» (e-Government).

Концепция e-Government предполагает использование цифровых технологий для повышения эффективности внутренней деятельности госаппарата, а также для предоставления государственных услуг в электронной форме. Ведущие страны в этой области, такие как Эстония, Южная Корея, Сингапур, Дания, добились впечатляющих результатов: практически все государственные услуги доступны онлайн 24/7, внедрены цифровые удостоверения личности, а документооборот полностью переведен в электронный формат.

В настоящее время наблюдается переход от концепции e-Government к более продвинутой модели «цифрового правительства» (Digital Government), которая предполагает не просто автоматизацию существующих процессов, а их коренной реинжиниринг на основе данных. Это включает в себя проактивное предоставление услуг, использование искусственного интеллекта (ИИ) и анализа больших данных для принятия управленческих решений.

Например, в Великобритании ИИ используется для выявления мошенничества с налогами и социальными выплатами, а в Сингапуре создается «цифровой двойник» города для моделирования транспортных потоков и планирования городского развития. Как справедливо указывает А. В. Воронков, «применение ИИ позволяет перейти от реагирующего к предиктивному управлению, то есть к предсказанию и предотвращению проблем до их возникновения» [6, с. 14]. Этот тезис акцентирует внимание на революционном потенциале новых технологий для сферы публичного администрирования.

Изучение и адаптация зарубежного опыта являются важным ресурсом для модернизации российской системы государственного управления. Однако этот процесс должен носить не характер слепого копирования, а предполагать творческое осмысление и учет национальных особенностей.

Проведенный анализ позволил сформировать комплексное представление о государственном управлении как о многоаспектной и динамично развивающейся категории. Государственное управление прошло значительную историческую эволюцию: от всеобъемлющей деятельности монарха по обеспечению «всеобщего блага» до функционально обособленной подзаконной деятельности исполнительной власти. Установлено, что в современной доктрине государственное управление рассматривается как более широкое понятие, чем «исполнительная власть», поскольку включает деятельность иных уполномоченных субъектов, и в то же время является ядром более

общей категории «публичное управление», охватывающей также деятельность местного самоуправления и институтов гражданского общества. Кроме того, анализ показал, что существенные функции управления сегодня претерпевают качественную трансформацию под воздействием цифровизации, смещая акценты от принуждения к сервисному и проактивному взаимодействию с гражданами.

Государственное управление представляет собой не статичный правовой институт, а сложную динамическую систему, находящуюся в процессе постоянной эволюции. Основными драйверами этой эволюции выступают как внутренние факторы (конституционные реформы, развитие законодательства), так и внешние (влияние международных стандартов, заимствование передового зарубежного опыта).

Литература

1. Гайнанов Д.А. Теория и механизмы современного государственного управления: учебное пособие / Д.А. Гайнанов, А.Г. Атаева, И.Д. Закиров. – Москва: ИНФРА-М, 2025, С. 98.
2. Устав города Москвы: закон г. Москвы от 28.06.1995: (ред. от 01.01.2025) // Ведомости Московской городской Думы. – 1995. – № 4.
3. Саломатин А.Ю. Всемирная история государства и государственного управления: учебное пособие / А.Ю. Саломатин. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024, С. 221.
4. Идиатуллина К.С. Государственное управление развитием региона и промышленная политика: монография / К.С. Идиатуллина [и др.]. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2022, С. 68.
5. Всеобщая декларация прав человека [Текст]: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. – 1995. – № 67.
6. Воронков А.В. Искусственный интеллект в государственном управлении: зарубежный опыт и российские перспективы [Текст] / А.В. Воронков // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 2. – С. 14.

ANTIPOV Anton Vladimirovich

Student, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the modern world practice of public administration, focusing on the current problems of law enforcement and comparative analysis of foreign models. Within the framework of the research, a thorough study of international standards is carried out, which makes it possible to identify key trends and prospects for the development of this institute. The directions of improving the mechanism of public administration are determined.*

Keywords: *foreign practices of public administration, actual problems of public administration, New Public Management.*

ДЕТЕНЬШЕВА Екатерина Олеговна

магистрантка, Московский университет «Синергия», Россия, г. Москва

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

Аннотация. В статье исследуется институт примирения сторон в уголовном процессе как средство гуманизации уголовного судопроизводства и снижения социальной напряжённости. Анализируются правовые основания и процессуальные особенности прекращения уголовного дела или уголовного преследования в соответствии со ст. 25 УПК РФ. В работе подробно рассматриваются условия применения данного института (преступления небольшой или средней тяжести, заявление потерпевшего, добровольность примирения, согласие прокурора или уполномоченного органа), а также порядок процедуры – от подачи заявления до вынесения постановления судом.

Ключевые слова: примирение сторон, уголовное судопроизводство, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, ст. 25 УПК РФ, преступления небольшой тяжести.

Введение

Примирение сторон в уголовном процессе является важным институтом, направленным на урегулирование конфликта между потерпевшим и обвиняемым путем добровольного согласия и взаимного прощения. В российском уголовно-процессуальном законодательстве порядок прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон закреплён в статье 25 УПК РФ. Данная статья рассматривается как средство гуманизации уголовного судопроизводства, снижение социальной напряжённости и восстановление справедливости без применения суровых уголовных мер. Цель данной статьи – исследовать правовые основания, процессуальные особенности и проблемы применения института примирения сторон в уголовном процессе.

Законодательная база

Статья 25 УПК РФ предусматривает основание для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, если стороны конфликта примирились. Основные условия применения данного института включают наличие заявления потерпевшего с просьбой о прекращении дела, добровольное и осознанное примирение с обвиняемым, а также согласие прокурора или уполномоченного органа. Прекращение дела на этом основании возможно только при преступлениях небольшой или средней тяжести, кроме случаев, когда иное предусмотрено законом. Такой подход

демонстрирует баланс между интересами общества к наказанию и защитой прав потерпевших.

Процессуальные особенности

Процедура прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон начинается с подачи потерпевшим заявления о примирении в следственные органы или суд. Далее проверяется добровольность и искренность примирения, а также наличие условий для прекращения дела. Важную роль играет позиция прокурора, который должен согласовать прекращение дела, исходя из интересов правосудия и общественной безопасности. Суд, с учетом всех обстоятельств, выносит постановление о прекращении уголовного дела. При этом важно, чтобы примирение не было формальным и действительно способствовало разрешению конфликта.

Практические проблемы применения

В судебной практике нередки случаи, когда примирение сторон используется формально для уклонения от ответственности. Возникают сложности с доказательством реального характера примирения, а также с оценкой добровольности потерпевшего. Кроме того, остается неурегулированным вопрос о примирении при преступлениях средней тяжести и с участием повторных нарушителей. Отмечается необходимость совершенствования законодательства и разработки методических рекомендаций для правоохранительных органов и судов по правильному применению этой нормы.

Заключение

Институт прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон играет важную роль в гуманизации уголовного процесса и снижении социальной напряженности. Однако для эффективности применения необходимы четкие критерии оценки примирения, повышение правовой культуры участников процесса и внедрение механизмов контроля за реальностью такого согласия. Развитие судебной практики и законодательных инициатив позволит расширить возможности применения этого института, сохранив при этом баланс между интересами общества и правами граждан.

Литература

1. Кулик Я.В. Прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон // Уголовное право и процесс. 2025.
2. Статья 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
3. Обзор судебной практики по прекращению уголовных дел в связи с примирением сторон / Материалы судебных заседаний, 2024.
4. Иванов С.А. Примирение сторон в уголовном судопроизводстве: теория и практика. – М., 2023.
5. Петрова Н.В. Проблемы применения института примирения сторон в уголовном процессе // Журнал российского права. 2024.

DETENYSHEVA Ekaterina Olegovna

Master's Student, Moscow University "Synergy", Russia, Moscow

TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION IN CONNECTION WITH RECONCILIATION OF THE PARTIES

Abstract. *The article examines the institution of reconciliation of the parties in the criminal process as a means of humanizing criminal proceedings and reducing social tension. The legal grounds and procedural features of the termination of a criminal case or criminal prosecution in accordance with Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are analyzed. The paper examines in detail the conditions for the application of this institution (crimes of minor or moderate severity, victim's statement, voluntary reconciliation, consent of the prosecutor or authorized body), as well as the procedure from filing an application to the court ruling.*

Keywords: *reconciliation of the parties, criminal proceedings, termination of a criminal case, termination of criminal prosecution, Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, minor crimes.*

ЖИВОТКОВ Максим Михайлович

студент, Российский университет транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва

*Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса
и правоохранительной деятельности Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат юридических наук Горовой Виктор Владимирович*

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проект анализирует правовые механизмы защиты исторической правды и противодействия фальсификации истории в России в условиях глобализации и информационных войн. Рассматривается роль госорганов (в т. ч. Роскомнадзора) в блокировке недостоверного контента и меры по развитию медиаграмотности. В заключение предлагается законопроект по укреплению защиты исторической памяти и установлению ответственности за фальсификацию исторических фактов.

Ключевые слова: историческая правда, противодействие фальсификации истории, правовая защита, национальная идентичность, патриотическое воспитание.

В современном мире вопросы сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории становятся всё более острыми. Историческая правда – это не только фундамент национальной идентичности, но и основа для патриотического воспитания, формирования общественного сознания и укрепления суверенитета государства. В условиях глобализации и информационных войн целенаправленные искажения исторических фактов превращаются в инструмент политического давления, подрыва доверия к государству и дестабилизации общества.

В Российской Федерации вопросы защиты исторической правды закреплены на законодательном уровне, что подчёркивает их приоритетность для государства и общества. Однако в последние десятилетия наблюдаются активные попытки фальсификации истории России как за рубежом, так и внутри страны. Особенно остро эта проблема проявляется в искажении роли СССР во Второй мировой войне, пересмотре истории Древней Руси, а также в попытках принизить вклад России в мировую цивилизацию.

Искажение роли СССР во Второй мировой войне

В ряде европейских стран, а также в некоторых зарубежных и российских СМИ предпринимаются попытки принизить или полностью отрицать решающий вклад Советского Союза в

победу над нацизмом. Основные направления такой фальсификации:

Принижение вклада СССР. Делаются попытки уравнивать или даже поставить ниже вклад западных союзников по сравнению с ролью Красной Армии. При этом игнорируются колоссальные человеческие потери СССР (около 27 миллионов человек), тотальный характер войны на Восточном фронте, где были разгромлены основные силы вермахта, и освобождение Красной Армией стран Восточной и Центральной Европы.

Попытки возложить на СССР ответственность за развязывание войны. В качестве главного аргумента используется «Пакт Молотова – Риббентропа», при этом Мюнхенское соглашение 1938 года, отдавшее Чехословакию Гитлеру, замалчивается.

Как Украина меняет историю Руси

В современной Украине активно пересматривается историческая память о Древней Руси. Этот процесс стал частью государственной политики, направленной на формирование отдельной украинской идентичности.

Терминология и концепция. В украинской историографии внедряется термин «Украина-Русь», который подчёркивает преемственность между Древней Русью и современной Украиной. Этот подход был популяризирован историком М. С. Грушевским.

Героизация исторических фигур. В учебниках и публичных нарративах акцент делается на таких личностях, как князь Владимир и гетман Богдан Хмельницкий.

Голодомор. Голод 1932–1933 годов трактуется как геноцид украинского народа.

В эпоху цифровизации фальсификация истории активно распространяется через интернет-платформы. Социальные сети, блоги и видеохостинги становятся площадками для тиражирования как достоверных знаний, так и откровенных фальсификаций. Это требует от государства не только законодательных мер, но и активного присутствия в цифровом пространстве для формирования позитивного исторического нарратива.

Лучшим способом противодействия искажению истории является системное историческое просвещение с раннего возраста. Важно не только знать факты, но и уметь критически оценивать источники информации, отличать научные данные от пропаганды и мифов.

Механизмы работы Роскомнадзора по выявлению и блокировке недостоверного контента

Роскомнадзор выступает главным государственным регулятором в сфере контроля за распространением информации в российском сегменте интернета. В рамках противодействия фальсификации истории ведомство:

- ведёт мониторинг публикаций в СМИ, социальных сетях, блогах и на видеохостингах с целью выявления материалов, искажающих исторические факты, оправдывающих нацизм или принижающих роль России и СССР в мировой истории;
- использует реестр запрещённой информации, на основании которого принимаются решения о блокировке доступа к интернет-ресурсам, распространяющим заведомо ложные сведения о прошлом;
- взаимодействует с судебными органами для оперативного ограничения доступа к контенту, признанному экстремистским или содержащим признаки реабилитации нацизма;
- направляет предупреждения владельцам сайтов и администраторам платформ с требованием удалить недостоверный контент.

Сотрудничество государства с интернет-платформами и СМИ

Эффективное противодействие дезинформации невозможно без конструктивного диалога между государством и крупными цифровыми платформами. В последние годы

наблюдается тенденция к усилению такого сотрудничества:

- заключаются соглашения о совместной работе по выявлению и маркировке фейкового контента, в том числе исторических фальсификаций;
- интернет-платформы внедряют алгоритмы фактчекинга и модерации, которые позволяют автоматически выявлять и ограничивать распространение материалов, признанных недостоверными экспертным сообществом;
- ведётся работа по повышению прозрачности работы рекомендательных алгоритмов, чтобы снизить риски попадания пользователей в «информационные пузыри», где циркулируют искажённые исторические нарративы.

Меры по развитию медиаграмотности и критического мышления

Фундаментальным инструментом защиты от фальсификаций является формирование у населения, особенно у молодёжи, навыков критического анализа информации. Для этого необходимо:

- интегрировать курсы по медиаграмотности и цифровой гигиене в школьные и вузовские программы, обучая школьников и студентов отличать факты от мнений, распознавать манипуляции и проверять источники;
- проводить общественные кампании и просветительские акции, направленные на повышение осведомлённости о методах распространения фейков;
- поддерживать создание образовательных онлайн-ресурсов, где будут собраны проверенные исторические материалы, экспертные комментарии и инструменты для самостоятельной проверки фактов;
- развивать молодёжные проекты (например, в рамках движения «Юнармия» и других общественных организаций), направленные на изучение истории через исследовательскую деятельность и работу с архивами.

Проект закона

На основе приведённых примеров искажения истории Российской Федерации, а также анализа действующих законов и деятельности государственных и общественных организаций, направленных на сохранение исторической правды, в заключительной части проекта будет разработан и предложен собственный проект закона. Этот документ призван стать современным и эффективным инструментом для дальнейшего укрепления защиты

отечественной истории, противодействия фальсификациям и формирования уважительного отношения к историческому наследию России.

«О защите исторической правды и противодействии фальсификации истории в Российской Федерации»

1. Общие положения

1.1. Настоящий Федеральный закон определяет правовые основы защиты исторической правды, сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории в Российской Федерации.

1.2. Закон направлен на укрепление национального единства, патриотического воспитания, защиту суверенитета и формирование уважительного отношения к историческому наследию России.

2. Основные понятия

2.1. Историческая правда – достоверное, научно обоснованное знание о событиях и фактах прошлого, отражающее объективную роль России и её народов в мировой истории.

2.2. Фальсификация истории – сознательное искажение, замалчивание или подмена исторических фактов в политических, идеологических или иных целях, наносящих ущерб интересам Российской Федерации.

3. Основные направления государственной политики

3.1. Государство обеспечивает защиту исторической правды, противодействует попыткам фальсификации истории, в том числе через:

- развитие исторического образования;
- поддержку научных исследований;
- сохранение и популяризацию памятников истории и культуры;
- информационное противодействие искажению исторических фактов.

3.2. Запрещается публичное распространение заведомо ложных сведений, искажающих ключевые события отечественной истории, если это направлено на подрыв государственного суверенитета, национального единства или дискредитацию институтов власти.

4. Полномочия государственных органов

4.1. Президент Российской Федерации определяет стратегию защиты исторической правды.

4.2. Правительство РФ утверждает государственные программы по сохранению исторической памяти, финансирует научные и образовательные проекты.

4.3. Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования разрабатывают образовательные стандарты, исключая искажение истории.

4.4. Министерство культуры и Российский военно-исторический общество реализуют проекты по сохранению памятников, созданию музеев, выставок, проведению памятных мероприятий.

5. Ответственность за фальсификацию истории

5.1. За публичное распространение заведомо ложных сведений, искажающих ключевые события отечественной истории с целью нанесения ущерба интересам РФ, устанавливается административная и, в отдельных случаях, уголовная ответственность.

5.2. Средства массовой информации, образовательные организации и интернет-ресурсы обязаны обеспечивать достоверность исторических сведений.

5.3. За нарушение настоящего закона предусматриваются меры ответственности в соответствии с законодательством РФ.

Заключение

В рамках проведённого исследования был проведён комплексный анализ правовых механизмов, направленных на защиту исторической правды и противодействие фальсификации истории в Российской Федерации. Подчеркивается, что в условиях современных информационных вызовов и глобализации сохранение достоверной исторической памяти становится неотъемлемым условием обеспечения национального суверенитета, культурной идентичности и общественной стабильности. В работе рассмотрены основные направления фальсификации истории, включая искажение роли СССР во Второй мировой войне и пересмотр истории Древней Руси, а также проанализированы существующие правовые нормы, деятельность государственных органов и институтов, механизмы противодействия дезинформации в цифровой среде.

На основе проведённого анализа был разработан проект федерального закона «О защите исторической правды и противодействии фальсификации истории в Российской Федерации», который систематизирует правовые основы этой сферы, определяет полномочия государственных органов, устанавливает ответственность за публичное распространение заведомо ложных исторических сведений и направлен на укрепление национального

единства и патриотического воспитания. Таким образом, проект демонстрирует актуальность и практическую значимость совершенствования законодательства для формирования устойчивого общественного сознания, основанного на объективных и научно обоснованных знаниях о прошлом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования

01.07.2020). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).

ZHIVOTKOV Maxim Michailovich

Student, Russian University of Transport (MIIT), Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement at the Russian University of Transport (MIIT),
Candidate of Law Sciences Gorovoy Viktor Vladimirovich*

LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING HISTORICAL TRUTH AND COUNTERING HISTORICAL FALSIFICATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The project analyzes the legal mechanisms for protecting historical truth and countering the falsification of history in Russia in the context of globalization and information wars. It examines the role of government agencies (including Roskomnadzor) in blocking inaccurate content and measures for developing media literacy. In conclusion, the project proposes a bill to strengthen the protection of historical memory and establish liability for the falsification of historical facts.*

Keywords: *historical truth, countering falsification of history, legal protection, national identity, patriotic education.*

КОСТОЯН Анжелика Айковна

студентка, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

СПЕЦИФИКА ДЕТЕРМИНАЦИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности определения и предупреждения женской преступности в современных условиях. Анализируются социально-экономические и психологические факторы, влияющие на преступное поведение женщин, а также особенности их криминологической характеристики. Особое внимание уделяется разработке эффективных мер профилактики и превенции женской преступности, а также вопросам адаптации правоохранительной системы к современным вызовам.

Ключевые слова: женская преступность, детерминация, профилактика, ресоциализация, домашнее насилие, социальная адаптация.

Женская преступность отличается от мужской по мотивации, видам преступлений и социально-демографическим характеристикам. В последние годы её структура и динамика существенно изменились, что требует новых подходов к профилактике.

Современные тенденции таковы: растёт число экономических преступлений, нарушений, связанных с наркотиками, и актов семейного насилия. Изменяется и возрастная структура: среди осуждённых становится больше женщин средних и старших лет, но некоторые категории, например, наркодилеры, «молодеют».

Анализ данных за 2022–2024 годы показывает, что женская преступность характеризуется высокой долей корыстных преступлений, таких как против собственности (42,3%) и в сфере экономики (17,5%), что превышает показатели в общей структуре преступности. У женщин реже регистрируются преступления против личности (13,8%), что ниже среднего по стране (22,1%). В наркобизнесе наблюдается рост участия женщин: их доля увеличилась с 9,5% в 2014 году до 10,5% в 2022, при этом возрастная структура сместилась: с молодежи (18–29 лет) на лиц старше 40 лет. В 2024 году за первое полугодие зарегистрировано 64,6 тыс. преступлений, совершённых женщинами, что составляет 17% от всех преступников, при этом проблема домашнего насилия остаётся актуальной – по данным правозащитных организаций, за 2022–2023 годы жертвами стали не менее 2 284 женщин. За последние десять лет наблюдается рост числа женщин, осуждённых

за экономические преступления (в 4 раза), что подчеркивает изменение структуры их преступной деятельности. Статистика свидетельствует о сложной ситуации: несмотря на снижение некоторых показателей, сохраняется высокий уровень латентных преступлений и общественной опасности, особенно в сфере семейного насилия.

Яркой иллюстрацией того, как перечисленные факторы переплетаются в реальной жизни, служат следующие примеры из судебной практики:

1. Петрова М. А. была признана невменяемой и направлена на принудительное лечение за убийство и покушение на убийство. Её преступления были мотивированы местью за пережитое в подростковом возрасте изнасилование. Петрова целенаправленно выбирала жертв, похожих на обидчика. Этот случай показывает, как детская психологическая травма может привести к агрессивному и преступному поведению во взрослом возрасте.

2. Гайдамачук, она представлялась соцработником, проникала в квартиры пожилых женщин, убивала их молотком или топором и грабила. Совершила 17 убийств и одно покушение на убийство. Была признана вменяемой и приговорена к 20 годам колонии. Её преступления были вызваны сочетанием психологической травмы, материальной нужды и импульсивности.

Женская преступность в России: тенденции:

- Статистика. За 2023–2025 годы зарегистрировано более 180 тыс. преступлений, совершённых женщинами. Почти две трети из

них – против собственности. Растёт число экономических преступлений и коррупции.

- Организованная преступность. Увеличивается количество преступлений, совершённых женщинами в составе организованных групп.

- Рецидивизм. Около трети освобождённых женщин совершают повторное преступление в течение трёх лет из-за отсутствия социальной поддержки и трудностей с трудоустройством.

- Цифровые преступления. Активно развиваются мошенничества с банковскими картами, онлайн-кредитами и криптовалютами, особенно среди молодых женщин с низкой правовой осведомлённостью.

- Домашнее насилие. Семейные конфликты и домашнее насилие часто приводят к спонтанным преступлениям в состоянии эмоционального напряжения. Многие случаи скрываются из-за страха и стигмы.

Повторные преступления женщин после наказания связаны с трудностями в адаптации – трудоустройством, жильем и социальными связями. Неэффективные механизмы ресоциализации способствуют рецидиву. Для борьбы необходимы комплексные меры поддержки и профилактики.

Для борьбы с женской преступностью необходима комплексная стратегия поддержка работающих матерей льготы на переподготовку развитие кризисных центров и помощи одиноким родителям. Правовые меры включают ужесточение наказаний за семейное насилие и защиту свидетелей. Психологическая помощь бесплатные консультации и группы поддержки. Образовательные программы юридические курсы и просветительские кампании. Гуманизация тюрем создание условий для реабилитации и подготовки к работе.

Ключевые выводы показывают, что женская преступность связана с социально-экономическими трудностями, психологическими проблемами и недостаточной профилактикой.

Материальная неустроенность и слабое межведомственное взаимодействие толкают женщин к преступлениям. Успех возможен при системном подходе с участием государства, общества и бизнеса. Для предупреждения необходимо сместить акцент с карательных мер на социально-реабилитационные программы, создание кризисных центров и механизмы раннего выявления девиантного поведения. Только комплексные меры помогут снизить уровень женской преступности.

Литература

1. Баженовой Т.А. «Гендерный аспект преступности: криминологический анализ» (СПб.: СПбГУ, 2019).
2. Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России: дис., к.ю.н. – М., 2006.
3. Комиссарова Т.В. Профилактика насильственных преступлений, совершаемых женщинами // Юридическая наука. – 2022. – № 5. – С. 67-72.
4. Соловьёва Л.П. Современные тенденции преступности женщин в России. – М.: Юрайт, 2024. – 216 с.
5. Михайлова С.В. Факторы, способствующие росту женской преступности. – М.: Юрлитинформ, 2022.
6. Лушников М.В. Проблемы ресоциализации женщин, освобождённых из мест лишения свободы. // Вестник пенитенциарной системы, 2020.
7. Арсеньева М.И., Серебрякова В.Л. Особенности формирования противоправного поведения женщин и некоторые аспекты его предупреждения // Вопросы борьбы с преступностью. – № 36. М; – 1982.
8. Антонян Ю.М. Женская преступность и ее предупреждение. – М.: Юрлитинформ, 2021
9. Долгова А.И. Криминология. Учебник. – М.: Норма, 2022.
10. МВД России. Отчет о состоянии преступности в РФ за 2023, 2024, 2025.

KOSTOYAN Anzhelika Aykovna

Student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

SPECIFICITY OF DETERMINATION AND PREVENTION OF WOMEN'S CRIME IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *This article examines the features of defining and preventing female crime in modern conditions. It analyzes the socio-economic and psychological factors that influence women's criminal behavior, as well as the specifics of their criminological characteristics. Special attention is given to developing effective measures for the prevention and control of female crime, as well as adapting the law enforcement system to modern challenges.*

Keywords: *female crime, determination, prevention, resocialization, domestic violence, and social adaptation.*

КУЗНЕЦОВ Егор Евгеньевич

магистрант, Сибирский юридический университет, Россия, г. Омск

ПРОБЛЕМА СМЕШЕНИЯ ЛИЧНОГО И КОММЕРЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового статуса индивидуального предпринимателя в российской правовой системе, обусловленная двойственной природой данного субъекта: с одной стороны, индивидуальный предприниматель выступает участником хозяйственного оборота, а с другой – сохраняет статус физического лица без образования юридического лица. Особое внимание уделяется проблеме смешения личного и коммерческого имущества предпринимателя, вытекающей из положений статей 23 и 24 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, правовой статус, имущественная ответственность, смешение имущества, коммерческое имущество, статья 24 ГК РФ, исполнительский иммунитет, банкротство индивидуального предпринимателя.

Введение в проблематику правового статуса индивидуального предпринимателя

Институт индивидуального предпринимательства в российской правовой системе характеризуется фундаментальным дуализмом, порождающим комплекс глубоких теоретических и практических проблем в сфере гражданского оборота. С одной стороны, вступая в экономические отношения, индивидуальный предприниматель (далее – ИП) действует как самостоятельный субъект хозяйственной деятельности, генерирующий прибыль, создающий рабочие места, несущий бремя уплаты налогов и вступающий в сложные договорные конструкции. С другой стороны, с точки зрения догматики гражданского права, индивидуальный предприниматель остается физическим лицом – гражданином, чья правоспособность не претерпевает сущностных изменений в момент государственной регистрации.

Согласно положениям статьи 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. При этом Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» устанавливает, что к предпринимательской

деятельности граждан применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения.

Тем не менее, данная фикция применения норм о юридических лицах разбивается о жесткую реальность вещного права. В российском законодательстве отсутствует механизм обособления имущества гражданина, используемого им в личных, семейных или бытовых целях, от имущества, непосредственно задействованного в извлечении коммерческой прибыли. Данная проблема, классифицируемая в цивилистике как «проблема смешения личного и коммерческого имущества», проистекает из императивного правила статьи 24 ГК РФ. В соответствии с указанной нормой, гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание.

Отсутствие механизма создания обособленного коммерческого патримония индивидуального предпринимателя приводит к серьезным коллизиям в сфере налогообложения, семейного права, исполнительного производства и института несостоятельности (банкротства), что требует комплексного научного анализа действующего законодательства и правоприменительной практики.

Доктринальное толкование статьи 24 ГК РФ и единство имущественной массы

Статья 24 ГК РФ устанавливает фундаментальный принцип полной имущественной ответственности гражданина. В контексте ведения бизнеса это означает, что кредиторы ИП по коммерческим обязательствам (банки, контрагенты, налоговые органы) имеют право удовлетворять свои требования за счет любого имущества физического лица. В эту категорию попадает и то имущество, которое было приобретено задолго до получения статуса ИП или никогда не использовалось в бизнесе (личная недвижимость, транспортные средства, средства на сберегательных счетах). Симметрично, личные кредиторы гражданина (взыскатели алиментов, кредиторы по потребительским займам) вправе претендовать на активы, задействованные в коммерческом обороте (товары на складе, коммерческая недвижимость, производственное оборудование).

В постатейных комментариях к

Гражданскому кодексу Российской Федерации, в частности в трудах под редакцией А. Г. Карапетова, С. П. Гришаева, В. А. Хохлова и Л. В. Санниковой, последовательно проводится мысль о невозможности вещно-правового разделения имущества индивидуального предпринимателя на «личное» и «коммерческое». Субъектом права собственности в Российской Федерации всегда выступает физическое лицо (гражданин), а не его статусная оболочка. Право собственности едино, и гражданское законодательство не выделяет такого специфического объекта гражданских прав, как «имущество индивидуального предпринимателя».

В связи с этим правовой статус ИП не является формой ограничения коммерческих рисков, в отличие от конструкции общества с ограниченной ответственностью (ООО). Напротив, этот статус переносит волатильность коммерческого оборота непосредственно на сферу жизнеобеспечения физического лица.

Таблица

Критерий сравнения	Индивидуальный предприниматель (ИП)	Общество с ограниченной ответственностью (ООО)
Субъект права собственности	Физическое лицо (гражданин)	Юридическое лицо (корпорация)
Имущественная обособленность	Отсутствует. Единая имущественная масса.	Присутствует. Имущество учредителя отделено от имущества общества.
Пределы ответственности (ст. 24 ГК РФ)	Всем принадлежащим гражданину имуществом	В пределах стоимости принадлежащих участнику долей в уставном капитале
Взыскание личных долгов с бизнеса	Допускается обращение взыскания на любые бизнес-активы	Не допускается (возможно обращение взыскания только на саму долю в уставном капитале)
Судьба долгов при прекращении деятельности	Долги сохраняются за физическим лицом	Долги прекращаются при ликвидации (за исключением случаев привлечения к субсидиарной ответственности)

Сравнительно-правовой анализ доказывает, что, предоставляя гражданам налоговые преференции и упрощенный порядок регистрации, государство компенсирует это установлением абсолютной имущественной уязвимости индивидуального предпринимателя.

Исполнительский иммунитет: пределы взыскания и коллизии с единственным жильем

Декларируя полную имущественную ответственность, статья 24 ГК РФ вводит важнейшее исключение: взыскание не может быть обращено на имущество, перечень которого устанавливается гражданским процессуальным

законодательством. Данный перечень закреплен в статье 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), формирующей институт исполнительского иммунитета.

Центральным элементом исполнительского иммунитета выступает защита жилищных прав. Как следует из анализа правоприменительной практики и нормативной базы, если квартира или дом является единственным пригодным помещением для постоянного проживания должника и членов его семьи, она не может быть включена в конкурсную массу должника в случае его банкротства или изъята в

рамках сводного исполнительного производства (за исключением ситуаций, когда жилье является предметом ипотеки).

В контексте смешения личного и коммерческого имущества данная процессуальная гарантия порождает специфические экономические стратегии поведения индивидуальных предпринимателей. Осознавая риски, вытекающие из статьи 24 ГК РФ, многие субъекты малого бизнеса аккумулируют бизнес-прибыль не на банковских счетах и не в средствах производства, а в приобретении дорогостоящей жилой недвижимости. В результате образуется дисбаланс: кредиторы, профинансировавшие предпринимательскую деятельность, остаются с непогашенными требованиями, тогда как должник сохраняет за собой высоколиквидный актив, защищенный статусом «единственного жилья».

Долгое время суды формально применяли статью 446 ГПК РФ. Однако в последние годы Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ начали формировать доктрину «роскошного жилья». Суды стали оценивать параметры недвижимости, и в исключительных случаях допускать ее реализацию с предоставлением должнику замещающего жилья по социальным нормативам. Тем не менее, базовая гарантия неприкосновенности жилища остается главным барьером на пути реализации принципа полной ответственности гражданина по обязательствам бизнеса.

Дополнительные коллизии возникают при применении исполнительского иммунитета к имуществу, необходимому для профессиональных занятий гражданина-должника. Является ли дорогостоящее производственное оборудование (например, полиграфические станки или парк транспортных средств) таким имуществом? Судебная практика отвечает на этот вопрос отрицательно: исполнительский иммунитет направлен на защиту личного труда физического лица, а не на сохранение материально-технической базы субъекта предпринимательской деятельности. Таким образом, бизнес-активы ИП подлежат изъятию в первую очередь, даже если они являются единственным источником дохода гражданина.

Налоговые и банковские правоотношения: проблемы квалификации денежных средств

Проблема смешения имущества находит свое самое болезненное выражение во взаимодействии индивидуальных предпринимателей

с налоговыми органами и кредитно-финансовыми учреждениями. Министерство финансов Российской Федерации регулярно публикует разъяснения относительно того, что относится к личным средствам предпринимателя, а также формирует позицию о финансовой ответственности ИП и блокировке его счетов.

С позиций гражданского права деньги на банковских счетах обезличены. Как только средства поступают на счет физического лица, они сливаются в единую имущественную массу. Законодательство не содержит четких легальных критериев, которые позволили бы банку или налоговому органу бесспорно разделить денежные средства на «выручку от коммерческой деятельности» и «личные средства жизнеобеспечения» (такие как заработная плата по трудовому договору, наследство, алименты или социальные пособия).

Федеральная налоговая служба (ФНС) при взыскании налоговых недоимок, возникших в процессе ведения бизнеса, исходит из презумпции статьи 24 ГК РФ. Это позволяет налоговым органам выносить решения о приостановлении операций (блокировке) не только по расчетным счетам ИП (предназначенным для ведения предпринимательской деятельности), но и по текущим лицевым счетам физического лица. Позиция Минфина РФ от ноября 2024 года о финансовой ответственности ИП подтверждает правомерность таких действий фискальных органов.

Данный подход провоцирует негативные социальные последствия. Блокировка личных счетов за долги бизнеса часто парализует жизнедеятельность семьи предпринимателя. Под угрозу списания попадают средства, которые обладают иммунитетом (детские пособия, алименты), поскольку на этапе автоматизированного взыскания через инкассовые поручения система не всегда корректно распознает природу поступающих средств, несмотря на введение специальных кодов видов доходов в банковской практике.

Обратная сторона этой медали – проблемы с налогообложением доходов. При применении упрощенной системы налогообложения (УСН) налоговые органы склонны квалифицировать любые поступления на расчетный счет (а иногда и на личные карты, если они использовались для расчетов с контрагентами) как доход от предпринимательской деятельности. Доказывание того факта, что конкретный перевод являлся возвратом личного займа или

подарком от родственника, ложится на плечи самого предпринимателя, что иллюстрирует репрессивный характер смещения имущества в публичных правоотношениях.

Сохранение обязательств и дебиторской задолженности при утрате статуса ИП

Критическое различие между юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем ярко проявляется на стадии прекращения деятельности. Процедура внесения в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) записи о прекращении деятельности физического лица в качестве ИП не тождественна ликвидации предприятия.

При ликвидации ООО правосубъектность прекращается, а вместе с ней, по общему правилу, прекращаются и обязательства. В случае с физическим лицом субъект права продолжает

свое существование. В правоприменительной практике сформирован незыблемый постулат: долг предпринимателя, прекратившего деятельность, не является безнадежным.

Позиция Минфина РФ о взыскании налоговых долгов с утративших статус ИП, озвученная в июне 2024 года, недвусмысленно указывает, что государство продолжает взыскивать недоимки по налогам, пеням и штрафам с гражданина как с обычного физического лица. Процессуально это выражается в изменении подведомственности: споры о взыскании задолженности с лица, утратившего статус ИП, рассматриваются не в арбитражных судах, а в судах общей юрисдикции, однако материально-правовая основа ответственности (статья 24 ГК РФ) остается неизменной.

Таблица 2

Статус субъекта	Характер имущественной массы	Подведомственность споров по долгам	Судьба непогашенных обязательств
Действующий ИП	Единая (личное + коммерческое)	Арбитражные суды	Подлежат взысканию в общем порядке
Лицо, утратившее статус ИП	Единая (личное + коммерческое)	Суды общей юрисдикции	Сохраняются за физическим лицом

Интересно отметить, что правило о сохранении обязательств действует в обе стороны. Анализ экспертных публикаций показывает, что дебиторская задолженность сохраняется за ИП даже после прекращения им деятельности. Если контрагент не исполнил свои обязательства по оплате товара или услуги до момента исключения ИП из ЕГРИП, гражданин вправе взыскать этот долг в качестве физического лица. Правопреемство в данном случае не оформляется, поскольку не происходит смены лица в обязательстве – кредитором как был, так и остается гражданин.

Семейно-правовые коллизии: совместная собственность и риски бизнеса

Смещение личного и коммерческого имущества индивидуального предпринимателя неизбежно вступает в конфликт с нормами Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ). СК РФ устанавливает законный режим имущества супругов – режим их совместной собственности. Любое имущество, нажитое супругами во время брака, признается совместным, независимо от того, на чье имя оно приобретено.

Согласно статье 34 СК РФ, доходы от предпринимательской деятельности одного из супругов входят в состав совместной

собственности. Из этого следует парадоксальный вывод: товары в обороте, коммерческая недвижимость, специализированная техника, приобретенные индивидуальным предпринимателем в браке за счет доходов от своего бизнеса, автоматически становятся общей совместной собственностью супругов. Второй супруг, даже не принимающий участия в ведении бизнеса, становится полноправным собственником коммерческих активов.

Эта презумпция совместной собственности порождает колоссальные риски при обращении взыскания на имущество ИП. По обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга (и на его долю в общем имуществе). Если бизнес индивидуального предпринимателя терпит крах, кредиторы вправе требовать выдела доли должника-супруга в общем имуществе для обращения на нее взыскания. На практике это приводит к тому, что под удар попадает не только «коммерческая», но и «семейная» часть имущества.

Особую опасность представляет доктрина «общих долгов супругов» (пункт 2 статьи 45 СК РФ). Если кредиторам (например, банку, выдавшему кредит на пополнение оборотных средств ИП) удастся доказать, что все

полученное по обязательству одним из супругов было использовано на нужды семьи, долг может быть признан общим. В такой ситуации взыскание обращается на всё совместно нажитое имущество без необходимости выдела доли. Таким образом, второй супруг де-факто становится солидарным должником по высокорискованным коммерческим обязательствам ИП, что подрывает основы экономической безопасности семьи.

Брачный договор, хотя и является инструментом сепарации активов, не всегда спасает ситуацию ввиду положений статьи 46 СК РФ, обязывающей супруга уведомлять своих кредиторов о заключении, изменении или расторжении брачного договора.

Институт несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя

Закономерным итогом накопления критической массы неисполненных обязательств является процедура банкротства. Статья 25 ГК РФ регламентирует вопросы несостоятельности (банкротства) гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя.

Как отмечается в аналитических материалах, посвященных банкротству ИП в 2023-2024 годах, основания, процедура и последствия банкротства индивидуального предпринимателя претерпели существенную унификацию с процедурами банкротства обычных физических лиц. Ключевой особенностью банкротства индивидуального предпринимателя является порядок формирования конкурсной массы. В нее включается всё имущество должника, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о введении реализации имущества.

Процедура банкротства ИП обнажает латентный конфликт между различными группами кредиторов. Поскольку имущество не обособлено, в рамках одного дела о банкротстве в единый реестр требований кредиторов включаются как коммерческие кредиторы (налоговая служба, поставщики, контрагенты), так и личные (банки по потребительским кредитам, взыскатели алиментов). Это приводит к тому, что средства, вырученные от реализации производственного цеха, могут быть направлены на погашение личного долга предпринимателя перед соседом, а средства от продажи личного автомобиля – на погашение недоимки по НДС. Такая конкуренция существенно снижает прогнозируемость возврата инвестиций для бизнес-кредиторов.

Кроме того, законодатель устанавливает

жесткие последствия завершения процедуры банкротства для ИП. В соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», с момента принятия судом решения о признании ИП банкротом утрачивает силу его государственная регистрация, аннулируются лицензии. Гражданин лишается права вновь регистрироваться в качестве ИП в течение пяти лет с момента завершения процедуры реализации имущества (если он не прекратил статус добровольно до подачи заявления). Эти санкции подчеркивают карательный уклон законодательства в отношении предпринимательского риска.

Перспективы совершенствования законодательства: концепция обособленного имущества

Анализ коллизий, возникающих при применении статьи 24 ГК РФ, приводит научное сообщество к выводу о необходимости концептуального реформирования гражданского законодательства. Ожидаемые изменения законодательства, в том числе прогнозируемые к маю 2026 года, должны быть направлены на разрешение проблемы смешения имущественных масс.

В современной доктрине активно обсуждается рецепция зарубежного опыта, в частности французского института EIRL (*Entrepreneur individuel à responsabilité limitée* – индивидуальный предприниматель с ограниченной ответственностью) или германской концепции коммерческого имущества. Данная правовая модель позволяет физическому лицу без создания юридического лица разделить свое имущество на две обособленные массы: личный патримоний (семейные активы, жилище, личные сбережения) и профессиональный патримоний (оборудование, товары в обороте, коммерческие банковские счета).

Внедрение института «обособленного коммерческого имущества» в российское право (путем модернизации статей 23 и 24 ГК РФ) позволило бы:

1. Ограничить взыскание по коммерческим долгам исключительно профессиональным имуществом, защитив семью предпринимателя и исключив необходимость применения сложных схем с брачными договорами и фиктивными разводами.

2. Разрешить налоговые коллизии, четко разграничив личные средства, обладающие иммунитетом, и коммерческую выручку, подлежащую налогообложению и взысканию.

3. Повысить прозрачность для кредиторов, которые смогли бы адекватно оценивать реальную стоимость бизнес-активов должника, не опираясь на иллюзорные гарантии всего имущества физического лица.

Реализация такой реформы потребует создания механизмов строгого публичного учета коммерческих активов индивидуального предпринимателя, однако именно этот шаг способен вывести малый бизнес в России на качественно новый уровень правовой и экономической защищенности.

Заключение

Проведенное исследование проблемы смешения личного и коммерческого имущества индивидуального предпринимателя позволяет сделать вывод о том, что действующая конструкция статьи 24 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющая принцип неограниченной ответственности гражданина всем своим имуществом, является архаичной и порождает множественные межотраслевые коллизии.

Отсутствие механизма обособления коммерческого имущества приводит к неконтролируемому переносу предпринимательских рисков на личную сферу жизнеобеспечения гражданина и его семьи, вступая в противоречие с институтом совместной собственности супругов и гарантиями исполнительского иммунитета. В то же время, кредиторы и фискальные органы вынуждены сталкиваться со сложностями квалификации денежных средств и конкурировать с личными долгами предпринимателя в процедурах банкротства.

Правоприменительная практика, опирающаяся на разъяснения высших судебных инстанций и ведомств, лишь ситуативно сглаживает последствия этого системного дефекта, но не решает проблему по существу. Сохранение долгов и дебиторской задолженности после прекращения статуса ИП является прямым следствием неделимости правосубъектности физического лица.

Дальнейшее развитие гражданского законодательства должно быть направлено на

преодоление догмы о единой имущественной массе гражданина и внедрение механизмов целевого коммерческого патримония, что обеспечит необходимый баланс интересов между предпринимателем, его семьей, кредиторами и государством.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
5. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2019).
6. Сделки, представительство, исковая давность. Постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации (отв. ред. А.Г. Карапетов) («М-Логос», 2018).
7. Общие положения об обязательствах: учебное пособие (Хохлов В.А.) («Статут», 2015).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» (под ред. Л.В. Санниковой) («Статут», 2016).
9. Письмо (Позиция) Минфина РФ о взыскании налоговых долгов с утративших статус ИП от 11 июня 2024 г.
10. Письмо (Позиция) Минфина РФ о финансовой ответственности ИП и блокировке счетов от 21 ноября 2024 г.
11. Путеводитель КонсультантПлюс «Что нужно знать об обязательствах» (КонсультантПлюс, 2020).

KUZNETSOV Egor Evgenievich

Master's Student, Siberian Law University, Russia, Omsk

THE PROBLEM OF MIXING PERSONAL AND COMMERCIAL PROPERTY OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Abstract. *The article examines the problem of the legal status of an individual entrepreneur in the Russian legal system, due to the dual nature of this entity: on the one hand, an individual entrepreneur acts as a participant in economic turnover, and on the other hand, retains the status of an individual without forming a legal entity. Special attention is paid to the problem of mixing personal and commercial property of an entrepreneur, arising from the provisions of articles 23 and 24 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Keywords: *individual entrepreneur, legal status, property responsibility, mixing of property, commercial property, Article 24 of the Civil Code of the Russian Federation, executive authority, bankruptcy of an individual entrepreneur.*

МОНГУШ Сайсуу Радиковна

магистрантка, Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права

Сибирского федерального университета, доктор юридических наук Шишко Ирина Викторовна

ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ: НОВЕЛЛЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье исследуются новеллы уголовно-правовой охраны конкуренции в Российской Федерации, сформировавшиеся в 2024–2026 гг., с акцентом на обновленную редакцию статьи 178 УК РФ, повышение пороговых значений крупного и особо крупного ущерба и дохода, а также на выделение специальных квалифицирующих признаков (картелях на обязательных торгах, организованной группой, сопряженных с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения). Показано, что современная модель уголовно-правовой охраны конкуренции развивается в двух направлениях: через частичную декриминализацию деяний и через ужесточение реакции на наиболее опасные формы антиконкурентного поведения, затрагивающие публичные закупки.

Ключевые слова: ограничение конкуренции, картель, преступный доход, уголовная ответственность, обязательные торги, организованная группа.

В современных экономических реалиях защита рыночной среды один из ключевых приоритетов государственной политики, требующий выверенного, сбалансированного правового инструментария. Уголовно-правовой запрет на ограничение конкуренции, который закреплен в статье 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], справедливо рассматривается как крайняя мера противодействия картельным сговорам.

Объективная сторона картельного сговора включает: заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации (деяние), ограничение конкуренции (обязательное последствие) и, кроме того, такие альтернативные признаки, как причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству (второе последствие) либо извлечение дохода в крупном размере (доход характеризует масштаб деяния). Безусловно, между деянием и последствиями должна быть установлена причинная связь (равно как и связь между деянием и доходом).

Итак, деяние состоит в заключении между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). Сторонами картеля могут быть только хозяйствующие субъекты-конкуренты,

т. е. хозяйствующие субъекты, осуществляющие продажу товаров на одном товарном рынке или приобретение товаров на одном товарном рынке (иначе говоря, представители только одной стороны рынка), а предметом такого соглашения могут только:

1. Установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;
2. Повышение, снижение или поддержание цен на торгах;
3. Раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);
4. Сокращение или прекращение производства товаров;
5. Отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

По сути, эффективность применения данной нормы напрямую зависит от того, насколько точно законодательные формулировки отражают текущие рыночные процессы, уровень инфляции, специфику девиантного поведения хозяйствующих субъектов [4, с. 63–68; 5, с. 228–232].

В период с 2024 по 2026 год отечественный законодатель и высшие судебные инстанции предприняли существенные шаги по

модернизации уголовно-правовой охраны конкуренции. Как представляется, эти изменения носят комплексный характер. Они частично декриминализируют ограничение конкуренции посредством повышения размерных порогов и одновременно заметно ужесточают ответственность за наиболее разрушительные картельные соглашения – картельные соглашения, повлекшие повышение, снижение или поддержание цен на торгах, проведение которых российский законодатель признает обязательным, а также за ограничение конкуренции с применением насилия или с угрозой его применения, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения.

Так, одним из наиболее ожидаемых бизнес-сообществом изменений стал пересмотр размерных порогов, которые определяют крупный и особо крупный ущерб, а также доход применительно к преступному ограничению конкуренции Федеральным законом от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ были внесены поправки, существенно повысившие эти значения для статьи 178 УК РФ [2]. В сопоставлении с более ранним законодательным толкованием, когда крупным доходом признавалась сумма свыше 50 млн рублей, новый порог был установлен на уровне свыше 80 млн рублей, а особо крупный доход возрос с превышающего 250 млн до превышающего 395 млн рублей. Одновременно с этим, крупный ущерб был увеличен с превышающего 10 млн до превышающего 16 млн рублей, а особо крупный стал превышать 47,5 млн рублей. Вследствие этого отметим, что нормотворец попытался нивелировать влияние инфляционных процессов и обесценивания национальной валюты на уголовную статистику. По-видимому, сохранение прежних «лимитов» приводило к необоснованной криминализации действий субъектов малого и среднего предпринимательства, чей экономический масштаб объективно вырос.

Если весенние изменения 2024 года носили либеральный характер, то принятие Федерального закона от 13 декабря 2024 года № 467-ФЗ продемонстрировало готовность государства жестко реагировать на специфические угрозы в сфере государственных и муниципальных закупок. Указанным нормативным актом статья 178 УК РФ была изложена в существенно обновленной редакции [3].

Во-первых, в части второй предусмотрен новый квалифицирующий признак – заключение картеля на торгах, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством. За данное деяние предусмотрено наказание вплоть до пяти лет лишения свободы. Сговоры на аукционах обладают повышенной общественной опасностью, поскольку напрямую посягают как на конкуренцию, так и на эффективность расходования бюджетных средств.

Во-вторых, в качестве нового квалифицирующего признака в части третьей закреплено совершение преступления «организованной группой». В отличие от предыдущих подходов, где организованность сговора зачастую охватывалась лишь общими нормами Общей части УК РФ, введение специального признака помогает более точно дифференцировать наказание для устойчивых, структурированных объединений, которые систематически извлекают ренту из монополизации рынков.

В-третьих, статья 178 УК РФ дополнена новой частью четвертой; устанавливается более строгая ответственность за ограничение конкуренции, совершенное с применением насилия, угрозой его использования, и впервые в качестве особо квалифицирующего признака выделяется сопряженность с уничтожением или повреждением имущества (а равно угрозой таких действий). Примечательно, что подобная криминализация физического и имущественного принуждения в сфере антимонопольного права отражает реакцию законодателя на случаи задеирования криминальных методов давления на добросовестных участников торгов. Разумно предположить, что интеграция насильственных признаков непосредственно в экономическую статью избавит правоприменителя от необходимости сложной квалификации по совокупности преступлений (например, со статьями 167 или 179 УК РФ).

Анализ новелл был бы неполным без учета трансформации регуляторной среды, которая произошла в рамках вступления в силу так называемого «пятого антимонопольного пакета» на рубеже 2023-2024 годов [7]. Несмотря на то, что данные нормы, главным образом, модифицировали Закон о защите конкуренции и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), они оказывают прямое воздействие на бланкетную диспозицию статьи 178 УК РФ.

По существу, новые правила легализовали механизмы контроля за цифровыми платформами, маркетплейсами, использованием алгоритмов ценообразования. Так, использование участником картеля алгоритма (компьютерной программы), позволяющего принимать антиконкурентные решения автоматически без участия человека, было признано отягчающим обстоятельством в рамках статьи 14.32 КоАП РФ. На основании отмеченного подчеркнем: хотя в тексте уголовного закона digital-алгоритмы пока напрямую не упомянуты, формирование практики по доказыванию «цифровых картелей» в антимонопольном ведомстве неизбежно приведет к появлению соответствующих уголовных дел. Впрочем, доказывание субъективной стороны при автономной работе искусственного интеллекта остается серьезным доктринальным вызовом для следователей.

Важнейшей вехой, которая определила нюансы применения норм об ответственности за картели весной 2026 года, стала эволюция судебной практики Верховного Суда РФ (ВС РФ). Вплоть до недавнего времени органы прокуратуры активно использовали гражданско-правовые механизмы для взыскания в доход государства всей выручки (дохода), полученной компаниями по госконтрактам, заключенным в результате картельного сговора. Однако в марте 2026 года ВС РФ изменил этот подход. Рассматривая спорные ситуации (в частности, отменяя логику предыдущих дел, к примеру ООО «Нижавтодорстрой»), высшая инстанция указала, что картель сам по себе не является самостоятельной сделкой, к которой применимы последствия в виде полного изъятия выручки по правилам недействительности анτισоциальных сделок. Суд подчеркнул, что конфискационные последствия допустимы исключительно при прямом указании закона и должны быть соразмерны. Видимо, тотальное изъятие выручки, без учета понесенных компанией затрат на фактическое исполнение государственного контракта (строительство дороги, поставку оборудования), приводило к банкротству предприятий и нарушало баланс публичных и частных интересов [6]. Вследствие этого отметим, что в 2026 году риски двойного наказания (уголовный/административный штраф плюс гражданская конфискация всего оборота) для бизнеса существенно снизились. Это требует от следственных органов более

тщательного расчета именно криминальной маржи – то есть, чистого преступного дохода, который подлежит изъятию в рамках уголовного судопроизводства.

Таким образом, период 2024–2026 годов стал временем глубокой структурной перестройки уголовно-правовой охраны конкуренции в России. Эволюция статьи 178 УК РФ носит ярко выраженный диалектический характер. С одной стороны, государство предприняло обоснованные шаги по декриминализации части деяний путем существенного повышения суммовых порогов ущерба и дохода, что, несомненно, благоприятно отразится на деловом климате. С другой, законодатель выделил в самостоятельные, более опасные составы те сговоры, которые представляют реальную угрозу для национальной экономики (картели на обязательных торгах, деятельность организованных групп, использование силовых методов конкурентной борьбы).

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.04.2026).
2. Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473935/ (дата обращения: 07.04.2026).
3. Федеральный закон от 13.12.2024 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493070/ (дата обращения: 07.04.2026).
4. Васильев А.М. Влияние содержания регуляторной противоправности на практику применения ст. 178 УК РФ // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 1 (65). С. 63-68.
5. Довлатов А.Н. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1 (213). С. 228-232.
6. Канунцева М. ВС РФ радикально изменил подход к конфискации дохода от картелей

в госзакупках // URL:
<https://kple.ru/publikaczii/vs-rf-radikalno-izmenil-podhod-k-konfiskaczii-dohoda-ot-kartelej-v-goszakupkah/> (дата обращения: 07.04.2026).

7. Нозикова Е. «Пятый антимонопольный пакет»: что нужно знать // URL: <https://pravo.ru/story/247683/> (дата обращения: 07.04.2026).

MONGUSH Saisuu Radikovna

Master's Student, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

*Scientific Advisor - Professor of the Department of Criminal Law at the Siberian Federal University,
Doctor of Law Shishko Irina Viktorovna*

RESTRICTION OF COMPETITION: NOVELTIES IN CRIMINAL LAW

Abstract. *The article examines the novelties of criminal law protection of competition in the Russian Federation, which were formed in 2024-2026, with an emphasis on the updated version of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation, raising the thresholds for large and especially large damage and income, as well as highlighting special qualifying features (cartels at mandatory auctions, organized groups associated with the destruction of or damage to property or the threat of its destruction or damage). It is shown that the modern model of criminal law protection of competition is developing in two directions: through partial decriminalization of acts and through tougher reactions to the most dangerous forms of anticompetitive behavior affecting public procurement.*

Keywords: *restriction of competition, cartel, criminal proceeds, criminal liability, mandatory auctions, organized group.*

ОСАВОЛЮК Максим Владимирович

магистрант, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

*Научный руководитель – профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук Соловьева Татьяна Владимировна*

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются понятие, признаки и некоторые иные аспекты государственного принуждения в рамках цивилистического судопроизводства в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена отсутствием общепринятого определения понятия государственного принуждения в цивилистическом судебном процессе и необходимостью соблюдения баланса между эффективным применением принудительных мер в цивилистических судопроизводствах и допустимым умалением основных прав и свобод участников соответствующих судопроизводств. В данной работе проанализированы позиции различных правоведов, положения действующего законодательства России, касающиеся указанной темы. По итогам научного исследования автором сделаны выводы о том, что государственное принуждение в цивилистическом судопроизводстве представляет собой межотраслевой институт, включающий нормы гражданского, арбитражного и административного процессов, направленный на обеспечение нормального хода судопроизводства посредством властного воздействия суда, выражающегося в применении принудительных мер.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, государственное принуждение, меры процессуального принуждения, обеспечительные меры, превентивные меры, судебные штрафы.

Среди кодифицированных актов, регламентирующих цивилистические судопроизводства (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [1], Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [2] и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [3] (далее – ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ)), только КАС РФ включает в себя обособленный раздел, регулирующий государственное принуждение. Это раздел II «Меры процессуального принуждения», содержащий одноимённую главу 11. Напротив, в ГПК РФ и АПК РФ процессуальные нормы о государственном принуждении не сгруппированы и находятся в разных частях названных кодексов.

Убеждение и принуждение, как известно, являются универсальными способами, посредством которых происходит то или иное влияние и воздействие на участников общественных отношений. Государство, управляя субъектами и, в том числе, осуществляя правовое регулирование, в необходимых случаях обращается к специальным принудительным мерам,

совокупность которых и образует межотраслевой правовой институт – государственное принуждение.

В доктрине нет единообразного подхода к определению понятия государственного принуждения применительно к гражданскому судебному процессу, а обобщённые исследования принуждения в цивилистических судопроизводствах отсутствуют вовсе. Тем не менее, рассмотрим существующие позиции учёных-правоведов.

Нохрин Д. Г. определяет государственное принуждение как метод государственного управления, состоящий в нормативно предусмотренном властном воздействии на поведение субъектов права вне зависимости от их воли, которое осуществляется уполномоченными государственными органами путём применения в установленном процессуальном порядке определённых мер, связанных с наступлением неблагоприятных последствий [7, с. 5]. Мы согласны с данным определением, поскольку оно передаёт действительную сущность государственного принуждения.

Более узко, как совокупность мер властного внешнего воздействия, осуществляемых от имени государства, государственное принуждение предлагает понимать Штода И. С. [5, с. 11], что тоже является на наш взгляд верным и глобально не противоречащим первой позиции, но, в то же время, отражает далеко не все основные признаки этого понятия. В частности, не хватает важной черты принуждения – осуществления её независимо, а зачастую, и против воли принуждаемых субъектов.

Хамрабаева С. А. и Акопян Р. О. государственное принуждение в гражданском судопроизводстве характеризуют следующим образом: «это совершающееся в сфере гражданских процессуальных отношений воздействие со стороны суда на поведение субъектов процессуальной деятельности, направленное на обеспечение выполнения процессуальных обязанностей, если они не выполняются добровольно, либо на пресечение и предотвращение нежелательных в правовом контексте действий в целях обеспечения нормального хода гражданского судопроизводства» [6, с. 284]. Думаем, данное определение корректно конкретизирует государственное принуждение в гражданском судебном процессе, и поддерживаем то, что оно имеет целью обеспечение нормального хода судопроизводства, потому как через процессуальное принуждение государство добивается законности, своевременности и правильности рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде. Кроме того, авторы правильно выделяют в содержании государственного принуждения в гражданском судебном процессе две формы его направленности, а именно: обеспечение выполнения процессуальных обязанностей и предотвращение негативных действий, то есть препятствий на пути разумного движения процесса.

После анализа понятия государственного принуждения логично перейти к рассмотрению его признаков.

А. В. Цихоцкий называет признаками мер процессуального принуждения их закреплённость в ГПК РФ, допустимость применения к лицам, конкретно определённым в ГПК РФ, и наличие процессуального основания осуществления принуждения – определения суда [7, с. 291].

Помимо того, В. В. Бутнев относит к признакам процессуального принуждения ещё

точную регламентацию гражданским процессуальным законодательством его порядка, условий, пределов [8, с. 52], что на наш взгляд является сомнительным, так как ГПК РФ не содержит достаточного количества норм, детально регулирующих все меры процессуального принуждения.

Среди главных признаков государственного принуждения в гражданском судопроизводстве, безусловно, необходимо отметить:

- это особая форма правоприменения, реализуемая судом;
- состоит во внешнем воздействии на сознание и поведение субъектов [4, с. 22];
- осуществляется через конкретные меры (например, предупреждение, привод, судебный штраф и др.);
- её суть в причинении субъекту определённых правоограничений, наложении дополнительной обязанности, воспрепятствовании в реализации права [9, с. 79-80];
- фактическое основание – совершение правонарушений, возникновение тех или иных процессуальных препятствий;
- правовое основание – указание на соответствующую меру в санкции или диспозиции нормы;
- установленная законом процессуальная форма принуждения [4, с. 22];
- цель принуждения – обеспечение нормального хода судебного процесса и защита прав и законных интересов субъектов.

Таким образом, на основании проведённого исследования сформулируем следующие выводы:

1. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве Российской Федерации является межотраслевым институтом, состоящим из совокупности норм, регламентирующих применение мер процессуального принуждения в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах.
2. Сущность государственного принуждения в выше названных судебных процессах заключается во властном воздействии, осуществляемом судом независимо от воли участников судопроизводства с целью обеспечения законности, своевременности и правильности рассмотрения и разрешения дела в суде, то есть нормального хода судопроизводства.
3. К основным признакам государственного принуждения в гражданском

судебном процессе относятся: особая форма правоприменения, осуществляемая судом, внешнее воздействие на субъекты, реализация через применение конкретных процессуальных мер, ограничение прав и возложение обязанностей, фактическое основание в виде совершения правонарушений или процессуальных препятствий, соблюдение установленной законом формы и преследование цели обеспечения нормального хода судопроизводства и защиты прав и законных интересов субъектов.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 20015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юр. наук: 12.00.15 / Нохрин Д.Г.; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 30 с.
5. Штода И.С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юр. наук: 12.00.01 / Штода И.С.; Институт государства и права Российской академии наук. – Москва, 2020. – 25 с.
6. Хамрабаева С.А., Акопян Р.О. Меры принуждения в гражданском процессуальном праве // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 284-286.
7. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юр. наук: 12.00.01 / Цихоцкий А.В.; Сиб. ун-т потребительской кооперации. – Новосибирск, 1998. – 48 с.
8. Бутнев В.В. Гражданская процессуальная ответственность. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 1999. – 62 с.
9. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. (Теоретические проблемы). М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. – 240 с.

OSAVOLYUK Maxim Vladimirovich

Master's Student, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

*Scientific Advisor – Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy,
Doctor of Law Solovyova Tatiana Vladimirovna*

THE CONCEPT AND FEATURES OF STATE ENFORCEMENT IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. *This article discusses the concept, signs and some other aspects of state enforcement in the framework of civil proceedings in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the lack of a generally accepted definition of the concept of state enforcement in the civil judicial process and the need to maintain a balance between the effective use of coercive measures in civil proceedings and the permissible diminution of the fundamental rights and freedoms of participants in the relevant proceedings. In this paper, the positions of various legal scholars and the provisions of the current legislation of Russia on this topic are analyzed. Based on the results of scientific research, the author concludes that state enforcement in civil proceedings is an interdisciplinary institution, including the norms of civil, arbitration and administrative processes, aimed at ensuring the normal course of legal proceedings through the powerful influence of the court, expressed in the application of coercive measures.*

Keywords: *civil proceedings, civil procedure, state enforcement, measures of procedural enforcement, interim measures, preventive measures, judicial fines.*

ПИНАЕВА Валентина Геннадьевна

магистрантка, Всероссийский государственный университет юстиции, Россия, г. Москва

ФИДУЦИАРНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Аннотация. Статья исследует правовую природу фидуциарных обязанностей органов управления корпорации. Предлагается концептуальная модель, включающая требования добросовестности, разумности и лояльности. Анализируется место фидуциарного стандарта в механизме ответственности управленцев и его роль как критерия противоправности и предела судебного контроля.

Ключевые слова: фидуциарные обязанности, органы управления, лояльность, добросовестность, разумность, ответственность.

В российском праве требования добросовестности и разумности составляют основу для установления ответственности органов управления корпорации. Эти стандарты закреплены в ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1]. Однако их содержание формируется преимущественно на уровне судебной практики.

В научной литературе и практике используется термин «фидуциарные обязанности», заимствованный из англо-американского права, хотя его применение часто сопровождается концептуальной неопределённостью. Так, остаётся дискуссионным вопрос о том, представляют ли фидуциарные обязанности самостоятельный правовой институт или являются собирательной категорией уже предусмотренных законом обязанностей [2, с. 2-9].

Указанная неопределённость имеет в первую очередь прикладное значение, поскольку напрямую влияет на практику привлечения директоров к ответственности. При рассмотрении требований о взыскании убытков с директоров суды вынуждены оценивать их поведение с позиций добросовестности и разумности. Однако отсутствие доктринально выверенного понимания фидуциарного характера этих требований приводит к размыванию границы между допустимым деловым риском и противоправным поведением, влекущим гражданско-правовую ответственность. Такое положение создаёт риски как для стабильности корпоративного управления, так и для эффективной защиты интересов корпорации и её кредиторов [3, с. 51].

Доктрина корпоративного права использует модель англо-американского права, где фидуциарные обязанности описываются через duty

of care (обязанность заботливости) и duty of loyalty (обязанность верности) [4, с. 68], что помогает лучше структурировать содержание этих обязанностей. Содержание фидуциарных обязанностей целесообразно рассматривать как единство трёх взаимосвязанных требований. Добросовестность выражается в честном осуществлении управленческих полномочий, исключая злоупотребление и использование корпоративных возможностей в личных интересах. Разумность предполагает принятие решений на основе достаточной информации с учётом характера деятельности корпорации. Лояльность означает безусловный приоритет интересов корпорации над личными интересами управленца. Duty of care охватывает требования разумности, тогда как duty of loyalty соответствует требованию лояльности и пересекается с принципом добросовестности.

Особенность фидуциарных обязанностей связана с двойственным положением органа управления. С одной стороны, орган не выступает самостоятельным субъектом. С другой стороны, действия конкретного физического лица, осуществляющего функции органа, признаются действиями юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Благодаря этому фидуциарные обязанности служат механизмом для разграничения органа и конкретного лица для целей возложения ответственности. В отличие от договорных отношений, фидуциарный характер обязанностей органов управления не может быть устранен по воле управленца – он происходит из самого факта наделения лица статусом органа юридического лица.

Использование категории фидуциарных обязанностей даёт возможность конкретизировать содержание стандартов поведения

[5, с. 258], закреплённых в ст. 53.1 ГК РФ. Как обоснованно указывается в литературе, в корпоративном праве ответственность наступает исключительно за те нарушения и на тех основаниях, которые прямо предусмотрены законом, учредительными документами либо корпоративным договором, что исключает возможность её «генерального» применения [6, с. 47].

При разрешении спора суд не осуществляет ретроспективную проверку экономической целесообразности решения, а устанавливает соответствие процесса принятия решения требованиям лояльности, информированности и отсутствия конфликта интересов [7]. Фидуциарный стандарт в данном случае предшествует анализу состава ответственности и определяет допустимые границы судебного вмешательства в сферу управленческой дискреции [8, с. 152]. Такой подход позволяет системно согласовать принцип свободы предпринимательской деятельности с необходимостью защиты интересов корпорации и её участников.

Нарушение обязанности лояльности (действие при конфликте интересов, извлечение личной выгоды) влечёт смещение бремени доказывания: на управленца возлагается обязанность доказать разумность своих действий [9]. Причинная связь между нарушением стандарта и убытками оценивается с учётом специфики управленческой деятельности. Фидуциарный стандарт одновременно служит основанием для ответственности и пределом судебного контроля над управленческой деятельностью (доктрина *business judgment rule*). Это обеспечивает баланс между защитой интересов корпорации и предоставлением управленцам разумной свободы в принятии хозяйственных решений.

Проведённое исследование позволяет заключить, что фидуциарные обязанности органов управления не сводятся к требованиям добросовестности и разумности, закреплённым в ст. 53.1 ГК РФ. Их правовая природа носит организационно-корпоративный характер, поскольку они возникают не из договора, а из факта наделения лица статусом органа. Это предопределяет включение в содержание фидуциарных обязанностей дополнительного элемента – обязанности лояльности как безусловного приоритета интересов корпорации

над личными интересами управленца. Данная структура обеспечивает баланс между защитой имущественных интересов корпорации и свободой управленческого усмотрения, что соответствует современным тенденциям развития корпоративного права.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Ломакин Д.В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве // Хозяйство и право. 2019. № 1(504). С. 3-26.
3. Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48-65.
4. Григорьев К.М., Хаваяшхов А.А. Фидуциарные обязанности в российском и английском праве // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2015. № 1. С. 64-71.
5. Колиева А.Э. Совершенствование корпоративного управления на основании принципа фидуциарности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 257-262.
6. Гутников О.В. Корпоративная ответственность участников коммерческих корпораций: проблемы и перспективы развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 46-70.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица. – Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
8. Луценко С.И. Фидуциарные правила игры и природа управления в компании // СРРМ. 2019. № 2. С. 144-155.
9. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025. – Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

PINAEVA Valentina Gennadievna

Master's Student, All-Russian State University of Justice, Russia, Moscow

FIDUCIARY OBLIGATIONS OF CORPORATE MANAGEMENT BODIES: CONTENT AND LEGAL NATURE

Abstract. *The article explores the legal nature of fiduciary obligations of corporate management bodies. A conceptual model is proposed, which includes the requirements of good faith, reasonableness, and loyalty. The article analyzes the place of the fiduciary standard in the mechanism of managerial responsibility and its role as a criterion of illegality and a limit of judicial control.*

Keywords: *fiduciary duties, governing bodies, loyalty, good faith, reasonableness, responsibility.*

ТИМОФЕЕВ Павел Петрович

магистрант, Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

*Научный руководитель – доцент департамента права
Московского городского педагогического университета,
кандидат исторических наук Голышева Антонина Владимировна*

КОРПОРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются правовые проблемы, возникающие при корпоративном финансировании проектов в сфере водородной энергетики в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена активной фазой стратегического планирования низкоуглеродной энергетики, утверждением Концепции развития водородной энергетики (Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р) и Энергетической стратегии до 2035 года (Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р), а также отсутствием специального правового регулирования корпоративных отношений для инновационных проектов. Цель работы – выявить правовые риски, связанные с применением классических конструкций корпоративного права (корпоративный договор, устав, крупные сделки) к водородным проектам, и предложить пути их минимизации. Методологическую основу составляют формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения и системный анализ. Результаты: установлено, что отсутствие легального определения «водородного актива», государственных стандартов на виды водорода и специальных технических регламентов порождает неопределенность в содержании корпоративных договоров, создает риски квалификации соглашений акционеров как мнимых сделок и затрудняет применение механизмов субсидиарной ответственности. Обоснована необходимость внесения изменений в Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в РФ» и законодательного закрепления такой формы, как исследовательский консорциум.

Ключевые слова: водородная энергетика, корпоративное право, инвестиционные риски, корпоративный договор, СПИК 2.0, правовое регулирование, исследовательский консорциум.

Введение

Стратегическое планирование в Российской Федерации в сфере низкоуглеродной энергетики вступило в активную фазу. Согласно Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р, водород рассматривается как новый перспективный энергоноситель, способный в будущем внести существенный вклад в структуру энергетического баланса страны. В развитие этой стратегии была принята Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации (Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р), которая определила основные направления и этапы формирования водородной индустрии, включая создание водородных кластеров – Северо-Западного, Восточного и Арктического.

Как справедливо отмечает член-корреспондент РАН М. И. Клеандров, «научно-

технический прогресс стремительно развивается, а его правовое обеспечение отстает», «отсутствует координация работы ведущих научно-правовых исследований в области энергетического права» [1, с. 11]. Действующий Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) и Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 08.08.2025) не содержат специальных норм, учитывающих специфику водородных активов. В связи с этим целью настоящего исследования является выявление корпоративно-правовых рисков финансирования водородных проектов и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Задачи исследования включают:

1. Анализ влияния стратегических документов на формирование правового статуса водородных активов;

2. Оценку рисков применения классических конструкций корпоративного права к инновационным проектам;

3. Формулирование конкретных предложений по изменению законодательства.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, использованный для анализа норм Гражданского кодекса РФ, Федерального закона «Об акционерных обществах», Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» и стратегических документов; метод сравнительного правоведения, примененный при сопоставлении российского и зарубежного подходов к регулированию инновационных корпоративных структур; а также системный анализ нормативных правовых актов, позволивший выявить пробелы в правовом регулировании. Теоретическую базу исследования составили труды российских ученых в области энергетического и корпоративного права, включая работы М. И. Клеандрова, П. П. Баттахова, Ю. В. Евстафьевой, Т. В. Сойфер и других авторов, чьи публикации были проанализированы в ходе подготовки настоящей статьи.

Результаты исследования

Пробелы в правовом регулировании корпоративных отношений в сфере водородной энергетики

Формирование нового энергетического правового порядка в Российской Федерации объективно требует пересмотра устоявшихся подходов к корпоративному управлению. П. П. Баттахов в своем исследовании, посвященном развитию энергетики в России, отмечает, что «пробелы имеются в каждом законодательстве», применительно к сфере возобновляемых источников энергии «следует упорядочивать нормативно-правовые акты в силу разрозненности и фрагментации» [2, с. 269]. Автор также указывает на мнение члена-корреспондента РАН М. И. Клеандрова о том, что в России нет единого основного акта, регулирующего отношения в энергетическом секторе, а существующие акты не упорядочены [2, с. 269].

Эта теоретическая посылка имеет прямое практическое воплощение при создании специализированных хозяйственных обществ для реализации водородных проектов. Стороны корпоративного договора (соглашения акционеров) сталкиваются с невозможностью полноценно закрепить обязательства, касающиеся технологических ключевых показателей

эффективности. Отсутствие государственных стандартов (ГОСТ) и технических условий на виды «зеленого», «голубого» или «бирюзового» водорода приводит к тому, что соглашение акционеров неизбежно насыщается оценочными понятиями, что создает высокие риски корпоративных конфликтов на стадии приемки результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В настоящее время, как следует из анализа, проведенного китайскими исследователями (W. Li, X. Zhang), стандартизация водородной энергетики является одной из ключевых проблем развития отрасли, и Китай активно работает над созданием системы стандартов, включая 89 национальных стандартов по состоянию на 2019 год [3, с. 78-80].

Практическая ситуация выглядит следующим образом. Участник корпоративного соглашения, вложивший средства в производство электролизеров для получения водорода, может оказаться не в состоянии доказать факт недобросовестности партнера, поставляющего водород с превышением допустимого содержания примесей. Поскольку легальные критерии качества водорода как товарной продукции в настоящее время отсутствуют, арбитражный суд не сможет квалифицировать действия такого партнера как нарушение договорных обязательств. Это существенно снижает инвестиционную привлекательность водородных проектов и создает предпосылки для злоупотреблений.

Кроме того, специфика водородных проектов часто предполагает создание сложных технологических цепочек с участием малых инновационных предприятий и крупных государственных корпораций. В такой конструкции классические механизмы субсидиарной ответственности (ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ) могут быть применены к директорату с трудом: сложно доказать неразумность действий по внедрению неапробированной технологии, даже если она привела к банкротству общества. Как разъяснено в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023, для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности необходимо установить, что их действия (бездействие) являлись недобросовестными или неразумными. Однако при внедрении инновационных технологий, не имеющих аналогов и не апробированных в

судебной практике, грань между оправданным предпринимательским риском и неразумным поведением оказывается крайне размытой.

Проблема «пилотного» правового режима и корпоративный договор

Одним из ключевых рисков является «рамочный» характер утвержденных стратегических документов. Пункт 1 «дорожной карты» по развитию водородной энергетики в Российской Федерации (Распоряжение Правительства РФ от 12.10.2023 № 2815-р) предполагает запуск пилотных проектов, однако правовой статус этих проектов как объектов корпоративных прав не определен. Если стороны заключают корпоративный договор о совместном управлении таким проектом, возникают риски квалификации их соглашения как мнимой или притворной сделки (ст. 170 Гражданского кодекса РФ) при отсутствии четкого правового поля.

В качестве позитивного шага следует рассматривать включение водородных технологий в перечень современных технологий для заключения специальных инвестиционных контрактов (СПИК 2.0). Как подробно анализирует Ю.В. Евстафьева, с 2021 года было заключено 27 специальных инвестиционных контрактов по модели СПИК 2.0, в рамках которых предусматривается освоение серийного производства промышленной продукции на базе 26 технологий из почти 770, внесенных в специальный правительственный перечень [4, с. 50-51]. Общий объем инвестиционных обязательств частной стороны составил 736,7 млрд руб. [4, с. 52]. При этом автор обращает внимание на проблему: в ряде случаев контракты заключаются на уже осуществленные инвестиции, что искажает реальный показатель привлеченных средств. Включение капитальных вложений предыдущих периодов в общую сумму инвестиционных обязательств по контрактам привело к завышению реального показателя на 22,5 млрд рублей, что составляет 3,1% [4, с. 57].

Как справедливо отмечает председатель Комитета Государственной Думы по энергетике П. Завальный, в Генеральной схеме развития газовой отрасли на период до 2035 года развитие водородной энергетики обозначено только в общем виде, тогда как целесообразно увязать этот документ с дорожной картой по водороду и прописать конкретные механизмы поддержки. С точки зрения корпоративного права

это означает необходимость четкого сигнала рынку о приоритетных видах деятельности.

Более продуктивным представляется подход, обоснованный Т. В. Сойфер, которая рассматривает вопрос об организационно-правовой форме исследовательского консорциума. Как указывает автор, Концепция технологического развития на период до 2030 года предусматривает закрепление в российском законодательстве такой новой организационно-правовой формы, как исследовательский консорциум, на который возлагается миссия по осуществлению крупномасштабных проектов [5, с. 35]. Исследовательский консорциум определяется как научно-образовательная структура, способная реализовывать крупномасштабные технологические проекты вплоть до разработки готовых к коммерциализации опытных образцов. При этом автор отмечает, что действующее законодательство не предусматривает специального договора для оформления объединений консорциального типа, а наиболее подходящей формой в настоящее время является договор простого товарищества, который, однако, не учитывает всей специфики инновационной деятельности [5, с. 37-38].

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с выводами других исследователей. С. А. Сосна в своих работах, посвященных правовым проблемам возобновляемой энергетики, также отмечает отсутствие системного подхода к регулированию инновационных энергетических проектов [6, с. 28-31]. Однако, в отличие от предшествующих исследований, в настоящей статье акцент сделан именно на корпоративно-правовых, а не на технических или экономических аспектах.

Кроме того, в статье впервые предпринята попытка системного анализа влияния пробелов в техническом регулировании (отсутствие ГОСТов на виды водорода) на содержание корпоративных договоров и соглашений акционеров. Предшествующие исследования, как правило, ограничивались анализом публично-правовых аспектов государственной поддержки водородной энергетики, оставляя за рамками вопросы частноправового регулирования корпоративных отношений.

Ограничением исследования является отсутствие судебной практики по спорам, связанным именно с водородными проектами, что обусловлено их новизной. В связи с этим

выводы носят прогностический характер и основаны на аналогии с делами в сфере возобновляемой энергетики, а также на анализе общих положений корпоративного законодательства.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом конкретных корпоративных структур, создаваемых для реализации пилотных водородных проектов в Российской Федерации. Особый интерес представляет мониторинг правоприменительной практики в рамках реализации российско-китайского трансграничного водородного коридора, меморандум о создании которого был подписан Госкорпорацией Ростех с консорциумом китайских инвесторов в апреле 2026 года [7]. Данный проект предполагает создание совместного российско-китайского инвестиционного фонда и формирование сложной трансграничной корпоративной структуры, что дает уникальный эмпирический материал для оценки эффективности предлагаемых правовых механизмов.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Отсутствие легального определения «водородного актива» и специальных технических регламентов порождает неопределенность в содержании корпоративных договоров, создавая риски корпоративных конфликтов на стадии приемки результатов инновационной деятельности. Стороны корпоративного соглашения лишены возможности четко зафиксировать критерии качества производимого водорода, что создает предпосылки для судебных споров.

2. Классические конструкции Гражданского кодекса РФ о крупных сделках и сделках с заинтересованностью не учитывают длительный инвестиционный цикл водородных проектов (5–10 лет), что создает риски оспаривания долгосрочных договоров. Целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательство, предусматривающих особенности одобрения сделок в рамках долгосрочных инновационных проектов.

3. Механизмы субсидиарной ответственности контролирующих лиц (ст. 53.1 ГК РФ) требуют адаптации к специфике инновационной деятельности. При привлечении к ответственности директоров водородных компаний судам следует учитывать, что внедрение неапробированных технологий связано с повышенными рисками, которые не могут быть

автоматически квалифицированы как неразумное поведение.

4. Целесообразно внести изменения в Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации», выделив «водородные проекты» как отдельную категорию с особым правовым режимом корпоративного управления, предусматривающим возможность закрепления в уставе технологических индикаторов в качестве существенного условия сделок.

5. Рекомендуется разработать и утвердить на уровне Правительства РФ временные технические условия на виды водорода, производимые в рамках пилотных проектов, до принятия полноценных государственных стандартов, что позволит участникам корпоративных отношений использовать четкие критерии качества.

6. Перспективным направлением совершенствования правового регулирования является законодательное закрепление организационно-правовой формы «исследовательский консорциум» [5], что позволит интегрировать научную и производственную деятельность для реализации крупномасштабных водородных проектов.

Литература

1. Клеандров М.И. О базовых проблемах науки энергетического права: некоторые размышления / М.И. Клеандров // Правовой энергетический форум. – 2024. – № 1. – С. 9-14. – DOI: 10.61525/S231243500030163-7.
2. Баттахов П.П. Развитие энергетики в России: актуальные проблемы правового регулирования / П.П. Баттахов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 8. – С. 267-270. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_8_267.
3. Li W. Legal regulation of hydrogen energy in China: from pilot zones to national strategy / W. Li, X. Zhang // Asian Journal of Law and Economics. – 2025. – Vol. 16. – No. 2. – P. 73-91. – DOI: 10.1515/ajle-2024-0089.
4. Евстафьева Ю.В. Специальные инвестиционные контракты нового поколения – СПИК 2.0: особенности использования и перспективы / Ю.В. Евстафьева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – Выпуск № 99. – С. 50–61.
5. Сойфер Т.В. К вопросу об организационно-правовой форме исследовательского консорциума / Т.В. Сойфер // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. –

№ 11. – С. 35–45. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.035-045.

6. Сосна С.А. Правовые проблемы возобновляемой энергетики в Российской Федерации / С.А. Сосна // Хозяйство и право. – 2023. –

№ 8. – С. 25–38. – DOI: 10.18572/0134-2398-2023-8-25-38.

7. Ростех и китайские инвесторы создадут трансграничный водородный коридор: пресс-релиз Госкорпорации Ростех от 15.04.2026. – Москва, 2026. – 5 с.

TIMOFEEV Pavel Petrovich

Master's Student, Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Law
of the Moscow City Pedagogical University,
Candidate of Historical Sciences Golysheva Antonina Vladimirovna*

CORPORATE AND LEGAL RISKS OF FINANCING HYDROGEN ENERGY PROJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the legal problems that arise in the corporate financing of projects in the field of hydrogen energy in the Russian Federation. The relevance of the research is due to the active phase of strategic planning of low-carbon energy, the approval of the Hydrogen Energy Development Concept (Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/05/2021 No. 2162-r) and the Energy Strategy until 2035 (Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/09/2020 No. 1523-r), as well as the lack of special legal regulation of corporate relations for innovative projects. The purpose of the work is to identify the legal risks associated with the application of classical constructions of corporate law (corporate contract, charter, large transactions) to water projects, and to propose ways to minimize them. The methodological basis consists of the formal legal method, the method of comparative law and system analysis. Results: it was found that the lack of a legal definition of a "hydrogen asset", government standards for hydrogen species and special technical regulations creates uncertainty in the content of corporate contracts, creates risks of qualifying shareholder agreements as imaginary transactions and complicates the application of subsidiary liability mechanisms. The necessity of introducing amendments to the Federal Law "On Investment Activity in the Russian Federation" and the legislative consolidation of such a form as a research consortium is substantiated.*

Keywords: *hydrogen energy, corporate law, investment risks, corporate contract, SPIC 2.0, legal regulation, research consortium.*

ЧЕЧЕТКИНА Дарья Дмитриевна

студентка, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

*Научный руководитель – доцент Челябинского государственного университета,
кандидат юридических наук Штефан Алёна Владимировна*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ В ИСПРАВЛЕНИИ ОСУЖДЕННОГО

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные исследованию целей уголовного наказания, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации, и их эффективности. В данной статье произведен краткий анализ содержания и эффективности целей наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Ключевые слова: цели уголовного наказания, эффективность целей уголовного наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений.

Актуальностью темы статьи является то, что вопрос относительно целей уголовного наказания является весьма дискуссионным в юридической литературе, так как и теоретики, и практики в области права предлагают различные интерпретации целей, преследуемых уголовным наказанием.

Уголовный кодекс РФ, в частности ч. 2 ст. 43, определяет исправление осужденного как одну из целей наказания. При этом сам кодекс не содержит четкого определения данного понятия. Вопросы исправления осужденных широко освещены в научной литературе, где авторы предлагают порой совершенно противоположные взгляды на содержание понятия «исправление», возможность его достижения и критерии оценки.

В качестве примера можно привести позиции А. И. Рарога и А. Э. Жалинского.

А. И. Рарог рассматривает цели наказания, указанные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, как социально полезные результаты, которые предполагается достичь путем установления наказаний в уголовном законе и их применения судами к лицам, признанным виновными в преступлениях [13, с. 130]. А. Э. Жалинский, в свою очередь, определяет цели наказания как желаемый обществом и законодателем результат, а также ориентацию на его достижение посредством потенциала наказания и его деятельности по его назначению и исполнению [3, с. 118].

Несмотря на разнообразие определений, существующих в юридической литературе, важно

понимать, что цель – это то, к чему должна стремиться система наказаний в процессе своего функционирования. Следовательно, цели наказания оказывают значительное влияние на процесс назначения, исполнения и отбывания наказания.

Действующий Уголовный кодекс (далее УК РФ) (ч. 2 ст. 43) устанавливает три основные цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предотвращение новых преступлений [15].

В первую очередь, обратимся к исходной цели наказания – восстановлению социальной справедливости. Отсутствие четкого определения «социальной справедливости» в законодательстве приводит к тому, что большинство исследователей интерпретируют эту цель, опираясь на формулировку статьи. Возникает вопрос, почему законодатель акцентирует внимание исключительно на восстановлении справедливости, упуская из виду другие ее аспекты, например, личную справедливость.

Анализ юридической литературы показывает, что цель восстановления справедливости вызывает разногласия среди правоведов. Некоторые ученые утверждают, что восстановление социальной справедливости не относится к сфере уголовного права, так как отсутствует репрессивная функция и восстановление прав более характерно для гражданско-правовых отношений, чем для уголовно-правовых.

Ряд авторов считают, что реализация этой цели на практике невозможна. М. Д. Шаргородский полагал, что справедливость необходима для воспитательного воздействия наказания, но целью является предотвращение преступлений, а не восстановление справедливости [18, с. 302]. С. В. Чубраков в своей работе назвал цель восстановления утопической и дублирующей принцип справедливости [17, с. 8].

Однако существует и противоположная точка зрения. А. В. Наумов считает, что социальная справедливость достигается ограничением прав и свобод виновного, например, посредством лишения его свободы на длительный срок и помещения в строгие условия содержания [11, с. 214].

Переходя к вопросу реализации цели о достижении социальной справедливости посредством наказания, специалисты в области пенологии отмечают отсутствие универсального способа реализации этой цели. Исследователи сходятся во мнении, что восстановление социальной справедливости может быть достигнуто как в момент определения судом меры наказания, так и в процессе вынесения приговора. Существует точка зрения, высказанная Е. А. Курочкой что «отсутствие данной цели в Уголовно-исполнительном кодексе РФ указывает на то, что ее реализация не связана с исполнением наказания, подчеркивая приоритет уголовного права к уголовно-исполнительному» [7, с. 86]. Однако, высказывается и противоположное мнение А. И. Зубковым, согласно которому восстановление социальной справедливости «в большей степени относится к стадии назначения наказания или применению отсрочки» [4, с. 249].

Мы разделяем позицию авторов, утверждающих, что восстановление социальной справедливости возможно и на этапе исполнения уголовного наказания. Это связано с тем, что при достижении данной цели необходимо учитывать права и интересы личности, общества, государства, а также, в случае преступлений против мира и безопасности человечества, и мирового сообщества.

Далее рассмотрим исправление осужденного как вторую цель уголовного наказания, закрепленную в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Стоит отметить, что данная цель была обозначена еще в нормативных актах дореволюционного («Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.) и советского периодов (Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и

союзных республик 1924 г., Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и 1991 г.).

Законодательное определение данной цели в УК РФ отсутствует. В связи с этим, многие исследователи расширяют понятие исправления в своих трудах, выделяя юридическое и моральное исправление. Об этом прослеживается в работах И. Я. Фойницкого, С. В. Позднышева, И. С. Ной.

Некоторые авторы ограничиваются только юридическим исправлением, например, Б. В. Яценко полагает, что целью наказания является достижение такого результата, при котором лицо после отбытия наказания не совершит нового преступления. Будет достигнут максимальный результат, на который способно уголовное наказание – это юридическое исправление осужденного [19, с. 321]. Однако, мы считаем, что исключать моральное исправление нельзя, так как законодатель упоминает о влиянии назначенного наказания на исправление осужденного в ч. 3 ст. 60 УК РФ, где говорится об учете характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

В статье 9, части 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ дается определение исправлению осужденного. Согласно этой статье, под исправлением понимается «формирование у осужденного уважения к обществу, другим людям, труду, а также соблюдению общепринятых норм и правил поведения, стимулирование законопослушности» [16]. В связи с этим возникает вопрос, почему законодатель закрепил данное положение именно в УИК РФ, а не в УК РФ, и возможно ли применение принципов уголовно-исполнительного исправления в рамках уголовного права.

Рассматривая этот вопрос, стоит обратиться к мнению ученых. Например, Н. Ф. Кузнецова и В. И. Зубков считали, что частичное распространение уголовно-исполнительного исправления на уголовно-правовое исправление возможно. Н. Ф. Кузнецова уточняла, что это применимо при условном осуждении, условно-досрочном освобождении и замене неотбытого наказания более мягким видом наказания. В остальных случаях достижение цели уголовно-правового исправления фиксируется отсутствием рецидивов [8, с. 813].

В. С. Комиссаров полагал, что уголовно-исполнительное исправление предполагает не только юридическое, но и внутреннее изменение осужденного, его социально-психологического облика. В отличие от этого, цель исправления в уголовном праве более узкая и не предполагает полного нравственного перерождения [6, с. 104].

В связи с этим, представляется возможным распространение принципов уголовно-исполнительного исправления на сферу уголовно-правового исправления. Несмотря на то, что в юридической литературе часто встречается отсылка ч. 1 ст. 9 УИК РФ, целесообразно было бы закрепить понятие исправления осужденного непосредственно в Уголовном кодексе РФ для более четкой регламентации в рамках уголовно-исполнительного законодательства.

Следует отметить, что среди авторов нет единого мнения относительно данной цели. Некоторые из них (С. В. Полубинская, В. И. Зубков, Д. А. Шестаков) считают, что ее не следует закреплять законодательно, относя исправление к методу или средству предупреждения совершения новых преступлений. Другие авторы (А. А. Толкаченко, Н. А. Петухов, С. В. Максимов) придерживаются иной позиции. С. В. Максимов, в частности, считает, что цель исправления заключается в устранении общественной опасности лица, что включает в себя поглощение другой цели – предупреждение новых преступлений [9, с. 206].

Данная цель представляется самостоятельной, поскольку направлена на изменение антиобщественных взглядов осужденного и формирование уважения к обществу. Кроме того, назначение наказания предполагает возможность исправления в ходе судебного процесса.

В специализированной литературе обсуждается взаимосвязь между целями исправления и перевоспитания лиц, отбывающих наказание. Ряд исследователей высказывают позицию, согласно которой перевоспитание не может рассматриваться в качестве самостоятельной цели наказания. Отсутствие прямого указания на перевоспитание как цель наказания в законодательстве объясняется тем, что оно является неотъемлемой частью процесса исправления. Исправление, как целевая установка наказания, охватывает социальный и юридический аспекты. Социальное исправление направлено на формирование уважения к общественным нормам, ценности человеческой жизни и законопослушного поведения. Перевоспитание

выступает инструментом реализации социального исправления, заключааясь в трансформации психики и поведения осужденного, формировании устойчивых моральных принципов и осознания правовых последствий своих действий.

Ч. 2 ст. 9 УИК РФ определяет основные средства исправления, такие как режим отбывания наказания, воспитательная работа, общественно полезный труд, образовательная и профессиональная подготовка, а также общественное воздействие. Однако, некоторые ученые, например, В. Д. Иванов, исключает общественное воздействие из перечня основных средств исправления [5, с. 112].

В то же время другие исследователи полагают, что перечень средств исправления, способствующих достижению цели исправления, значительно шире, чем представлено в ч. 2 ст. 9 УИК РФ. В. С. Комиссаров, например, подчеркивает, что «средством достижения цели наказания – исправления являются как собственно уголовно-правовое влияние в виде суровости отрицательной оценки деяния лица, так и возможно уголовно-исполнительного права в виде установленного порядка исполнения и отбывания наказания, воспитательной работы, общественно полезного и общественного воздействия» [6, с. 501]. Подобный подход представляется более обоснованным, поскольку возникает вопрос: почему законодатель, определяя исправление как цель наказания, не закрепил конкретные средства ее достижения? Этот пробел создает трудности в правовом регулировании процесса исправления. В связи с этим, предлагается закрепить в УК РФ перечень средств исправления для гармонизации уголовного и уголовно-исполнительного права. При этом понятие исправления должно быть определено в уголовном законодательстве в первую очередь, и во вторую очередь конкретизировано в уголовно-исполнительном законодательстве.

Третья цель наказания, закрепленная в ч. 2 ст. 43 УК РФ – предупреждение совершения новых преступлений. Различают общее и специальное предупреждение. Важно отметить, что в отличие от УИК РФ (ч. 1 ст. 1), в УК РФ законодатель не разделяет цель предупреждения совершения преступлений на общую и специальную.

В связи с существующей неопределенностью интерпретация цели уголовного наказания вызывает разногласия среди авторов.

Некоторые исследователи утверждают, что общая превенция является составной частью этой цели. Так, Р. Р. Галиакбаров полагал, что «цель наказания заключается в удержании неустойчивых членов общества от преступлений через воздействие на них» [2, с. 359]. Другие ученые, в частности, А. И. Рарог и В. И. Селиверстов, расширяют эту цель, включая в нее не только общее, но и частное предупреждение.

Многие исследователи отмечают расхождение между формулировками ч. 2 ст. 43 УК РФ и ч. 1 ст. 1 УИК РФ. Е.В. Курочка справедливо указывает на законодательное ограничение специального предупреждения ч. 2 ст. 43 в УК РФ, что противоречит ч. 1 ст. 1 УИК РФ, где закреплены обе формы превенции.

В связи с этим, предлагается внести уточнение в ч. 2 ст. 43 УК РФ, закрепив положение об общем и частном предупреждении, что устранит существующий пробел в законодательстве.

Рассмотрим подробнее частную превенцию. Некоторые исследователи, определяя специальное предупреждение, акцентируют внимание на субъекте преступления. А. Ф. Мицкевич считал, что «специальное предупреждение заключается в лишении или ограничении возможности совершения новых преступлений, а также в формировании контрмотивации в виде страха перед наказанием» [10, с. 116]. Другие ученые не считают обязательным указание на адресата при анализе специального предупреждения.

Разделение точек зрения обусловлено классификацией предупреждения преступлений на общую и частную превенцию. Первая классификация более применима в уголовном праве, вторая – в криминологии. Кроме того, некоторые авторы рассматривают специальное предупреждение как процесс. Представляется целесообразным рассматривать частное предупреждение как процесс, поскольку именно в этом качестве оно оказывает воздействие на осужденного, приводя к прекращению новой преступной деятельности.

Изучая юридическую литературу, можно отметить, что ученые, исследуя частное предупреждение, рассматривают средства его достижения при помощи специального предупреждения. По мнению Н. А. Беляева, «цель специального предупреждения достигается путем лишения преступника физической возможности совершения преступлений и устрашения наказанием за совершенное преступление» [1, с. 111].

С. В. Полубинская полагала, что частное предупреждение эффективно, когда преступник физически не может совершать новые преступления, находясь в местах лишения свободы или, будучи ограниченным в правах. Также важным фактором является воспитательное воздействие и эффект устрашения [12, с. 23].

Однако, эти утверждения спорны и требуют уточнений. Нельзя выделять невозможность совершения новых преступлений как единственное средство частного предупреждения, поскольку не все наказания, закрепленные в законодательстве, предполагают изоляцию осужденного. Кроме того, утверждение об устрашении, как таковом, также вызывает вопросы, так как устрашение является следствием режима наказания. Логичнее говорить об устрашении самим фактом назначения наказания. Таким образом, специальное предупреждение достигает цели при назначении справедливого наказания.

Что касается общего предупреждения, мнения ученых относительно его адресата расходятся. Одни (А. В. Наумов, Н. А. Петухов и др.) считают, что оно направлено на всех субъектов, другие ученые считают, что общее предупреждение направлено только на группу лиц, склонных к преступлениям. На наш взгляд, общее предупреждение распространяется на всех, так как для профилактики преступлений используются различные средства: устрашение наказанием, воспитательные меры, и т. д.

Проанализировав взгляды вышеупомянутых исследователей, можно заключить, что общая превенция, направленная на предотвращение рецидивов, касается всех субъектов. Это объясняется применением широкого спектра мер, используемых для профилактики преступности. Среди них можно выделить устрашающий эффект наказания, воспитательные методы, средства массовой информации и другие инструменты.

Общее предупреждение можно рассматривать и как процесс воздействия наказания на лиц, и как результат – удержание лиц от совершения преступлений.

И в заключении рассмотрим средства достижения общего предупреждения.

В. И. Селиверстов считал, что оно достигается правовым просвещением и применением наказания за совершение преступления [14, с. 143]. С. В. Максимов к средствам общего предупреждения относил информирование,

пропаганду, воспитание и образование [9, с. 212].

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что вопрос о достижении цели исправления осуждённого является дискуссионным, позиции учёных по этому вопросу расходятся. Некоторые исследователи считают, что цель исправления достигается, когда осуждённый осознаёт недостойность своего поведения и недопустимость совершения новых преступлений, и не будет их совершать из-за боязни наказания. Другие полагают, что достаточно несовершенства лицом новых преступлений.

Законодательно закреплённые цели достигаются постепенно, так как каждая имеет свой механизм действия, и реализация может быть разной по времени. Заметим также, что понятие исправления осуждённых должно быть закреплёно в первую очередь в УК РФ, а затем уже регламентировано в уголовно-исполнительном законодательстве.

Общие выводы по дискуссионным вопросам о достижении цели исправления осуждённого:

- несмотря на важность цели исправления, полные гарантии её достижения отсутствуют как на уровне закона, так и правоприменения;
- исправительному процессу препятствуют недостаточные финансовые, социально-бытовые и негативные морально-психологические условия лишения свободы, снижение социальной активности осуждённых;
- важным фактором исправления осуждённых считается самовоспитание и стремление самого осуждённого на исправление, которое необходимо стимулировать;
- единственным итоговым критерием, позволяющим говорить об эффективности лишения свободы в направлении исправления осуждённых, является их правопослушное поведение после освобождения, то есть отсутствие рецидива преступлений.

Литература

1. Беляев Н.А. Избранные труды: предисловие / Р.М. Асланов, А.И. Бойцов, Н.И. Манца, И.М. Рагимов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2023. – 291 с.
2. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет. Юридический факультет, 2022. – 527 с.
3. Жалинский А.Э. Понятие, виды и цели наказания // Уголовное право России: учебник для вузов. В 2-х т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. и руководители авт. Кол-ва А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – Москва: НОРМА, 2020. – 336 с.
4. Зубков А.И. Уголовно-исполнительное законодательство и иные нормативные правовые акты в сфере исполнения уголовных наказаний / А.И. Зубков // Уголовно-исполнительное право России. Учебник и основные нормативные акты / под ред. О.В. Филимонова. – Москва: ЮрИнфоР-МГУ, 2024. – 614 с.
5. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть в 2 т. Том 1: учебник для вузов / Н.Г. Иванов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 275 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-01683-3. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/453620>.
6. Комиссаров В.С. Понятие и цели наказания // Российское уголовное право: В 2-х т. Т. 1: Общая часть: учебник / Г.Н. Борзенков и др.; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 667 с.
7. Курочка Е.В. Проблемы наказания в уголовном праве России: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Саратов, 2020. – 158 с.
8. Кузнецова Н.Ф. Полный курс уголовного права: учебное пособие: в 5 томах / под редакцией А.И. Коробеева. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2008 – Том 1: Преступление и наказание. – 2008. – 1133 с. – ISBN 978-5-94201-541-1. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/146559>.
9. Максимов С.В. Понятие и цели наказания // Уголовное право России. Общая часть: учебник; под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. – Москва: Издательство «Омега-Л», 2019. – 396 с.
10. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2023. – 327 с.
11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций: учебное пособие / А.В. Наумов. – 6-е изд. – Москва: Проспект, 2017. – 782 с. – ISBN 978-5-392-25751-5. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/150546>.

12. Полубинская С.В. Понятия и цели уголовного наказания // Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – Москва: Спарк, 2021. – 142 с.

13. Рарог А.И. Цели наказания в науке уголовного права / А.И. Рарог // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 16 (2). – С. 125-139. – URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.125-139>.

14. Селиверстов В.И. Наказание и его цели // Уголовное право. Общая часть: учебник / под общ. Ред. В.И. Радченко. – Москва: ЗАО Юстицинформ, 2024. – 285 с.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

16. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

17. Чубраков С.В. Уголовное наказание в виде обязательных работ: Перспективные вопросы теории и практики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2024. – 24 с.

18. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву / М.Д. Шаргородский. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2023. – 434 с.

19. Яценко Б.В. Понятие и цели наказания. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов и др; под ред. А.И. Рарога. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2024. – 528 с.

CHECHETKINA Darya Dmitrievna

Student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Scientific Advisor – Associate Professor of the Chelyabinsk State University,

Candidate of Law Stefan Alyona Vladimirovna

CONTROVERSIAL ISSUES IN ACHIEVING THE GOAL OF CORRECTING THE CONVICT

Abstract. *The article discusses issues related to the study of the purposes of criminal punishment, enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation, and their effectiveness. This article provides a brief analysis of the content and effectiveness of the goals of punishment: the restoration of social justice, the correction of the convicted person and the prevention of new crimes.*

Keywords: *goals of criminal punishment, effectiveness of the goals of criminal punishment, restoration of social justice, correction of convicts, prevention of the commission of new crimes.*

ЧЕЧЕТКИНА Дарья Дмитриевна

студентка, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

*Научный руководитель – доцент Челябинского государственного университета,
кандидат юридических наук Штефан Алёна Владимировна*

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, возникающие при квалификации преступлений по ст. 111 УК РФ, анализируются ошибки при квалификации данного преступления. В связи с проблемами квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью существует необходимость дополнительного теоретического и правового осмысления, как состава преступления, так и квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, отличие преступлений, причинение смерти по неосторожности, убийство, квалифицирующие признаки, проблемы, тяжкий вред.

Актуальностью темы статьи является то, что очень частой ошибкой в настоящее время является осуждение за умышленное убийство, хотя на самом деле был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший смерть по неосторожности. Эта проблема очень актуальная и вызывает споры и трудности в определении состава преступления.

А происходит это потому, что данные составы действительно имеют некоторые схожие признаки: это может быть объективная сторона, возможно даже сходство в субъективной стороне. В связи с этим следственные органы и суды могут ошибаться, до конца, не исследовав все обстоятельства дела и уцепившись лишь за последствия, то есть смерть потерпевшего, квалифицируют преступление как убийство.

К наиболее сложным для юридического аспекта преступлениям против личности относятся умышленные преступления, причиняющие тяжкий вред здоровью. При расследовании уголовных дел данной категории постоянно возникают проблемы и трудности при их квалификации. Основной ошибкой является неверное установление причинно-следственной связи между преступным деянием лица и наступившими в результате последствиями. Также немаловажно установить умысел лица и способ совершения преступлений, причиняющих тяжкий вред здоровью. Существует несколько направлений, по которым проводится отграничение данного преступления от смежных с ним составов, а именно от убийства (как

умышленного преступления) и от причинения смерти по неосторожности.

Легко бы было сказать, что эти два состава отличаются по умыслу. То есть в убийстве умысел направлен на причинение смерти, а в другом составе – на причинение тяжкого вреда здоровью. Например, А. Н. Попов утверждает, что для убийства характерно наличие прямого или косвенного умысла на причинение смерти потерпевшему, а для преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, характерно наличие умысла на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожности по отношению ко второму последствию – смерти. Как утверждает ученый, главным критерием разграничения является психическое отношение виновного к смерти потерпевшего [14].

Для изучения данного вопроса необходимо, прежде всего, начать с покушения на убийство. При покушении действия субъекта направлены на причинение смерти потерпевшему, но субъекту не удается довести их до конца по независящим от него обстоятельствам (вмешательство посторонних лиц и т. д.). При причинении тяжкого вреда здоровью виновный, сознавая общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность причинения тяжкого вреда здоровью другого лица, потому и желает наступления таких последствий (прямой умысел) либо сознательно их допускает, либо же относится к ним безразлично (косвенный умысел). Таким образом, установление вида умысла при отграничении данных

преступлений является основополагающим моментом.

Но в этом-то и состоит сложность. Очень сложно определить, на что же был направлен умысел виновного.

Для того чтобы разграничить тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть жертвы, от убийства, важно изучить мотивации преступника. Под мотивом преступления понимается побудительный стимул, источник активности человека [15, с. 116]. Есть мотивы, при наличии которых возможно и то, и другое преступление. Мотивы преступления могут быть любыми (зависть, месть и т. д.). Иногда мотивация выступает как единственное средство достижения цели: убийство матерью новорожденного ребенка, убийство наследником наследодателя и т. д. Важно уточнить, что неточная мотивации или неопределенность мотива по обстоятельствам дела не должны служить основанием для применения ч. 4 ст. 111 УК РФ, если имелся умысел на причинение смерти.

Часто встречающейся ошибкой при квалификации выступает заблуждение, будто существующий разрыв во времени между нанесением травмы и наступлением смерти требует квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а не убийства. На основании судебной практики выясняется, что при умышленном лишении жизни содеянное признается убийством, даже если смерть наступила спустя значительное время после нанесения ранения.

Например, гр. Ф. 10.05.2017 г., примерно в 01 часов 00 минут, находился у себя дома по месту проживания вместе со своей гражданской женой. В указанную квартиру в это время пришел потерпевший в состоянии алкогольного опьянения с целью дальнейшего распития алкогольных напитков. После распития пива между подсудимым и потерпевшим возник скандал на почве того, что потерпевший в присутствии жены подсудимого стал выражаться нецензурной бранью, в том числе оскорбив и ее. Данный скандал перерос в драку, в ходе которой потерпевший, будучи физически сильнее подсудимого, нанес ему многочисленные телесные повреждения в виде ушибов мягких тканей, кровоподтеков и ссадин лица, обеих ушных раковин, обширных кровоподтеков и ссадин спины и обеих конечностей. После этого, на почве внезапно возникших неприязненных отношений к потерпевшему,

подсудимый взял кухонный нож, зашел в спальную комнату, где в это время тот находился, и в процессе драки нанес ему два удара имевшимся при себе кухонным ножом в брюшную полость. В результате потерпевшему причинены телесные повреждения в виде: колото-резаной раны переднебоковой поверхности грудной клетки слева, проникающей в плевральную полость слева, с повреждением левого легкого, колото-резаной раны левой боковой поверхности брюшной стенки, проникающей в брюшную полость, с повреждением петель тонкого кишечника, которые по признаку опасности для жизни относятся к причинившим тяжкий вред здоровью, от которых потерпевший скончался в больнице от острого малокровия.

Между тем органом предварительного следствия действия гр. Ф. квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ [5]; сделан вывод, что он в ходе драки 10.05.2017 г., вооружившись ножом, зашел в спальную комнату, где находился потерпевший, и с целью умышленного убийства, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, нанес этим ножом множество ударов по различным жизненно важным частям тела потерпевшего, от чего впоследствии тот скончался в больнице [4, с. 5].

Суд, проверив и оценив все доказательства обвинения, как в отдельности, так и в совокупности, пришел к выводу, что орган предварительного следствия, правильно установив фактические обстоятельства дела, неверно квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

По смыслу закона, придаваемому ему разъяснениями, содержащимися в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», необходимо отграничивать убийство от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, имея в виду, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности. При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие

преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [7].

Состав убийства предусматривает лишение жизни потерпевшего, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности. Согласно п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1: «При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения» [5]. Совокупность ошибок в квалификации связана с неучтением косвенного умысла либо с его неверным установлением по обстоятельствам уголовного дела. На практике те, кто привлекаются к ответственности по ч. 4 ст. 111 УК РФ, ссылаются на то, что они не желали смерти потерпевшему.

Второй пример. Граждане Я. и К. распивали спиртные напитки. После этого они решили покататься по ночному городу, в это время они поссорились, и во время ссоры Я. ударил К. по голове, отчего она потеряла сознание. Оказывается, удар причинил потерпевшей телесные повреждения в виде ушиба головного мозга, повлекшего кровоизлияние под твердую мозговую оболочку. К. скончалась. Действия Я. были квалифицированы по ст. 105 УК РФ. В надзорной жалобе Я. указывал, что он не предвидел наступления смерти К. и не желал ее наступления. Тогда суд удовлетворил жалобу и переквалифицировал действия со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, обосновывая это следующим. По заключению судебно-медицинской экспертизы, черепно-мозговая травма вполне могла быть причинена одним ударом кулака, как говорил Я. После полученной травмы К. могла жить от нескольких секунд до нескольких часов, при оказании скорой медицинской помощи могла остаться жива. Суд сослался на то, что Я., ударив К. по голове и видя ее беспомощное состояние, после не оказал ей помощи,

но это не свидетельствует об умысле на убийство во время удара. Других данных, которые бы свидетельствовали о том, что это убийство, не было [8].

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия, либо относилось к ним безразлично [14]. А. И. Рарог в своей публикации четко отметил: «Желаемыми являются не только те последствия, которые приятны виновному, доставляют ему внутреннее удовлетворение, но и те, которые при внутренне отрицательном эмоциональном отношении к ним со стороны виновного представляются ему, тем не менее, нужными или неизбежными на пути удовлетворения потребности, ставшей побудительной причиной к действию» [14]. Так, виновный сознательно допускает наступление смерти потерпевшему, но его воля не направлена на ее причинение (например, при поджоге помещения, в котором находился человек).

Существует множество постановлений и определений Верховного Суда РФ, согласно которым подсудимому вменялся косвенный умысел в вину, лишивший жизни потерпевшего. Если не удастся установить, какой же умысел был направлен на причинение смерти, то следует выяснить наличие неосторожности в отношении этого результата. В свою очередь, умысел можно определить по характеру причиненных травм: каким предметом они были нанесены и в какие места. Однако следует учитывать, что и при сознательном допущении смертельного результата содеянное может квалифицироваться как убийство с косвенным умыслом.

Так, по материалам судебной практики г. Мирного, Кузиев К. Р. совершил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасное для жизни человека и повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Судом было установлено, что к Кузиеву К. Р. пришел К., которому подсудимый предложил пройти к себе в дом. Зайдя в дом по приглашению Кузиева К. Р., К. расположился на кухне на стуле за столом. К., находясь в кухне, стал высказывать в адрес Кузиева К. Р. оскорбительные для последнего слова, в связи с чем между ними произошла словесная ссора, и у Кузиева К. Р.

возникла личная неприязнь к К. и преступный умысел, направленный на причинение последнему тяжких телесных повреждений. Для этого он с целью причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, и желая их наступления, но, не предвидя возможности наступления смерти в результате своих действий, нанес с размаху со значительной силой один удар правой ногой в область левой боковой поверхности шеи К. От полученного удара К. скончался на месте происшествия. Удостоверившись в том, что К. мертв, Кузиев К. Р. вынес труп на улицу и впоследствии перенес труп К. в бетонное строение П – образной формы, где сжег труп с целью сокрытия следов преступления в металлической печи.

Суд приходит к выводу, что вина подсудимого полностью доказана. Анализ и оценка показаний подсудимого свидетелей обвинения, материалов уголовного дела привели суд к выводу, что именно противоправными умышленными действиями подсудимого Кузиева К. Р. причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, который по неосторожности повлек смерть потерпевшего К. Нанесение с размаху со значительной силой один удар правой ногой в область левой боковой поверхности шеи К., локализация причиненного повреждения, способ его нанесения, тяжесть наступивших последствий, взаиморасположение потерпевшего и нападавшего, время наступления смерти, последующие действия Кузиева К. Р. по сокрытию следов преступления (сжег труп в печи), свидетельствует об умысле подсудимого на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего К., т. е. Кузиев К. Р. осознавал характер и последствия совершаемых им действий в виде причинения тяжкого вреда здоровью и желал этого, предвидел возможность наступления смерти потерпевшего К., а к последствию в виде смерти относился по неосторожности. Следовательно, между действиями подсудимого Кузиева К. Р. и наступившими последствиями в виде наступления смерти К. имеется прямая причинно-следственная связь.

Таким образом, на основании приведенных выше согласующихся между собой доказательств суд приходит к выводу о виновности

подсудимого Кузиева К. Р. в причинении К. телесного повреждения, повлекшего по неосторожности его смерть. Оснований для переквалификации действий Кузиева К. Р. на ч. 1 ст. 109 УК РФ не имеется [9].

Значительную роль играет правильное исследование способа причинения вреда, который отражен в характере орудия; силе и числе нанесенных ранений, травм и т. д. Все элементы способа необходимо рассматривать в совокупности.

При осуществлении квалификации следует исходить из совокупности имеющихся обстоятельств, которые имеют отношение к делу, а не только из обстоятельств содеянного. Также для разрешения вопроса о квалификации при наличии одних и тех же обстоятельств содеянного может повлиять обстановка и место происшествия. К примеру, умышленное нанесение в область бедра удара, который привел к причинению смерти потерпевшего от обильной потери крови, можно квалифицировать и как убийство, и как предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ преступление, в зависимости от того, где произошло происшествие [3, с. 223].

Сложнее произвести квалификацию, когда смерть возникает от единичного удара кулаком с большой силой в жизненно важный орган, отчего человек умирает. Вероятнее всего, подобное действие следует квалифицировать как умышленное действие, направленное на причинение тяжкого вреда здоровью с неосторожным отношением к последствиям – смерти потерпевшего.

Например: «Григорьев С. Н. после распития спиртных напитков, в результате ссоры, нанес О. С. один удар ребром ладони в область шеи, в результате чего причинил потерпевшей телесное повреждение в виде перелома рожка подъязычной кости, которое относится к повреждениям, причинившим тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Он же, ночью, в ходе ссоры с потерпевшей, толкнул ее, потерпевшая упала, ударившись затылком о дверной косяк, от полученных при падении телесных повреждений в области головы наступила смерть О. С.» [10]. Данные деяния суд квалифицировал по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 109.

Таким образом, квалифицировать причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, можно:

- по ст. 105 УК РФ – при наличии умысла на причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни;
- по ч. 4 ст. 111 УК РФ – если субъект не предвидит возможности наступления смерти и при наличии умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, не опасного для жизни, либо оказавшимся тяжким;
- по ст. 109 УК РФ – если субъект по небрежности не предвидит возможность наступления вредных преступных последствий, либо при легкомыслии создает лишь потенциальную угрозу жизни человека, предвидя возможность наступления последствий, но реально рассчитывая избежать их [1, с. 46].

Немаловажен и тот факт, что при квалификации преступлений по ч. 1 ст. 111 УК РФ возникают разногласия, связанные с составами ст. ст. 113, 114 или 118 УК РФ, так как по объективной стороне они практически схожи.

Так, опираясь на положения ПП РФ № 522 [6]: вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести на основании квалифицирующих признаков и в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [11].

Признаком, позволяющих квалифицировать причинение тяжкого вреда здоровью, выступает: опасный для жизни вред человеку, потеря слуха, речи, зрения, или иного органа, психическое расстройство, прерывание беременности, заболевание токсикоманией или наркоманией, стойкая утрата общей трудоспособности не менее, чем на 1/3, полная утрата профессиональной трудоспособности.

Что касается причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, то важно заметить, что такое состояние виновного должно быть вызвано неправомерным или аморальным психическим воздействием потерпевшего [13, с. 13]. Бытует суждение, что в период сильного душевного волнения, человек предвидит только ближайшие последствия своих деяний. В случае причинения в состоянии аффекта тяжкого вреда здоровью, которое повлекло за собой смерть потерпевшего по неосторожности, нужно привлекать виновного только за причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ), поскольку вряд ли в таком состоянии лицо могло предвидеть, что его действия приведут к смерти потерпевшего. Судебная практика также квалифицирует

содеянное в рассматриваемой ситуации только по ст. 113 УК РФ.

Из текста ст. 114 УК РФ следует, что субъективную сторону причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, составляет только умысел. Если тяжкий вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны, повлек за собой по неосторожности смерть посягающего или задерживаемого, содеянное надлежит квалифицировать только по ст. 114, поскольку неосторожное причинение смерти при превышении мер уголовной ответственности не влечет.

Объект преступления – это мишень, по которой бьет всякое преступление. Определяя положения ст. 118 УК РФ видно, что объективные признаки основного состава аналогичны указанному в ст. 111 УК РФ, отличие составляет лишь субъективная сторона, которая характеризуется неосторожной формой вины. Зачастую это связано с грубым нарушением правил бытовой предосторожности или несоблюдением правил предосторожности в сфере профессиональной деятельности. Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей означает умышленное или неосторожное нарушение лицом официальных требований и стандартов, предъявляемых к его профессиональной практике [2, с. 407].

Нельзя отрицать, что показания виновного при расследовании уголовного дела являются основными доказательствами при квалификации его действий, но они должны оцениваться в совокупности с другими обстоятельствами, установленными по делу. Кроме того, отсутствие прямого умысла на убийство потерпевшего вовсе не означает, что содеянное не должно квалифицироваться как убийство, поскольку возможен косвенный умысел к смерти потерпевшего, о существовании которого в подобных случаях забывать нельзя.

Второй проблемный вопрос возникает тогда, когда решение вопроса о квалификации довольно часто принимается на основании только времени наступления смерти потерпевшего. Содеянное виновным квалифицируется как убийство, если смерть потерпевшего наступила практически сразу после происшествия. Если же потерпевший скончался по истечении

нескольких часов, а тем более дней, то применяется ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Необходимо подчеркнуть, что время наступления смерти потерпевшего не может быть критерием разграничения убийства и преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку оно не исключает ни причинной связи, ни вины лица, совершившего преступление с умыслом на убийство. Оно находится за пределами сознания виновного, не входит в содержание его вины и не может изменить ее формы.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что для верной квалификации преступлений по ст. 105, 109, 111, 125, а также ст. 113, 114, 118 обязательно необходимо опираться на уголовно-правовые нормы, а также нормы уголовно-процессуального законодательства. Благодаря выполнению требований о всесторонности, полноте и объективности исследования доказательств, подлежащих доказыванию, устанавливаются все обстоятельства причинения вреда здоровью и характеристики субъекта. Но, к сожалению, пока существует большое количество взглядов, мнений, а также судебной практики по вопросам квалификации данных преступлений, будут существовать и ошибки. Например, наличие Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о причинении тяжкого вреда здоровью» могло бы в полной мере поспособствовать ликвидации различных ошибок, недостатков и погрешностей. Таким образом, наличие нормы, которая будет направлена на предупреждение многих нюансов и недочетов, позволила и помогла бы в значительной мере упростить данный проблемный вопрос при квалификации.

Литература

1. Балашов С.К. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации) / С.К. Балашов // Адвокатская практика. – 2024. – № 4. – С. 45-50.
2. Комментарий к УК РФ (постатейный) / под редакцией А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – Москва: Проспект. – Том 2. – 2025. – 704 с. // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/54563>.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / ответственный редактор В.М. Лебедев. –

Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 371 с. – (Профессиональные комментарии) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/561704>.

4. Попов А.Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины / А.Н. Попов // Криминалист. – 2044. – № 2 (15). – С. 3-11.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <http://www.coN°sultaN°t.ru/>.

6. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 августа 2007 г. № 35 ст. 4308. – URL: <https://base.garaN°t.ru/12155259/>.

7. Приговор № 1-571/2017 от 1 декабря 2017 г. по делу № 1-571/2017. Кировский районный суд г. Махачкалы (Республика Дагестан) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: kirovskiy.dag.sudrf.ru/.

8. Приговор № 1-910/2017 от 29 ноября 2017 г. по делу № 1-910/2017. Свердловский районный суд г. Иркутска (Иркутская область). // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>.

9. Приговор Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) № 1-95/2018 от 28.09.2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XBBH9g9gN°uWo/>.

10. Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 17.11.2011 по делу № 1-243/2011 г. // Росправосудие. – URL: <https://rospravosudie.com/court-belorecheN°skij-rajoN°N°yj-sudkrasN°odarskij-kraj-s/act-513554884/>.

11. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.coN°sultaN°t.ru/documeN°t/coN°s_doc_LAW_79398/.

12. Рапог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А.И. Рапог. – Москва: Проспект, 2015. – 232 с. // Лань: электронно-библиотечная

система. – URL:
<https://e.lanbook.com/book/61485>.

13. Сафуанов Ф.С. Определение аффекта у обвиняемого: проблемы правоприменительной практики и судебно-психологической экспертизы / Ф.С. Сафуанов // Юридическая психология. 2021. – № 1. – С. 11-14.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от

21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

15. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2022. – 496 с. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/215303>.

CHECHETKINA Darya Dmitrievna

Student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of Chelyabinsk State University,
Candidate of Law Stefan Alyona Vladimirovna*

CONTROVERSIAL ISSUES RELATED TO CAUSING SERIOUS HARM TO HEALTH

Abstract. *The article examines the issues arising in the qualification of crimes under Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, analyzes errors in the qualification of this crime. Due to the problems of qualification of intentional infliction of serious harm to health, there is a need for additional theoretical and legal understanding of both the composition of the crime and the qualifying features of the crime in question.*

Keywords: *intentional infliction of serious harm to health, distinction of crimes, causing death by negligence, murder, qualifying signs, problems, serious harm.*

ЧИЖОВА Александра Александровна

студентка, Московский политехнический университет, Россия, г. Москва

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются нормативно-правовые основы регулирования строительной отрасли Российской Федерации в контексте обеспечения охраны труда и производственной безопасности.

Ключевые слова: строительная отрасль, Федеральный Закон, международная организация труда, Трудовой Кодекс.

Объект исследования – строительная отрасль.

Предмет исследования – нормативно-правовые акты в строительной отрасли.

Цель исследования – изучение законодательства в строительной отрасли.

Согласно данным Федеральной службы по труду и занятости, строительная отрасль неизменно занимает первое место по количеству производственных травм. Число происшествий на строительных площадках существенно превосходит средний уровень по всей стране, а число трагически завершившихся случаев примерно втрое больше общефедерального значения. Такая статистика подчеркивает важность детального анализа законодательных норм в области строительства, делая рассматриваемую тему крайне своевременной и значимой.

Введение

Строительство играет ключевую роль в экономике, поскольку оно формирует инфраструктуру (жилища, дороги, промышленные объекты), создаёт рабочие места, стимулирует экономическое развитие и удовлетворяет жизненно важные потребности общества. Данная отрасль служит мощным двигателем для множества смежных секторов, активно используя их продукцию и внедряя инновационные технологии.

Современное состояние строительной сферы характеризуется быстрым развитием, широким внедрением специализированной техники и значительной долей ручного труда, что предъявляет высокие требования к соблюдению стандартов качества и обеспечению безопасности работников. Динамика строительства выражается в последовательности выполнения различных операций, зачастую пересекающихся во времени и пространстве, что

увеличивает степень потенциальных угроз для работающих здесь людей.

Использование сложной техники и специального оборудования требует наличия особых навыков и знаний, позволяющих грамотно обслуживать машины, рационально распределять ресурсы и эффективно управлять рабочими зонами. Специфика профессиональной деятельности строителей, связанная с работой на большой высоте, манипуляцией тяжелыми грузами, созданием глубоких земляных выработок (котлованы, траншеи) и неблагоприятными санитарно-гигиеническими условиями, существенно повышает риск получения травм на рабочем месте.

Особое значение приобретает проблема охраны труда, особенно в строительной индустрии, где сотрудники регулярно подвергаются высокому риску и воздействию неблагоприятных факторов. Государство принимает целый ряд нормативных актов, направленных на повышение безопасности труда, внедрение эффективных методов профилактики несчастных случаев и профессиональных болезней, а также распределение ответственности между работодателями и сотрудниками. Настоящий материал посвящён ключевым законам и нормам, регулирующим вопросы охраны труда в строительстве.

1. Международная организация труда (МОТ)

Вопросы международной стандартизации охраны труда в строительстве регулируются нормами, установленными Международной организацией труда (МОТ). Ключевые международные документы, влияющие на данную сферу, включают следующие важные элементы:

1. Конвенция № 167 МОТ: Документ посвящен специально проблемам охраны труда именно в строительной отрасли. Эта конвенция устанавливает требования по соблюдению мер безопасности на протяжении всех этапов строительных работ, начиная от подготовки участка и заканчивая монтажом и демонтажом конструкций. Она охватывает широкий спектр аспектов, включая правила безопасности при эксплуатации транспортных средств и перемещении грузов на стройплощадках. Присоединение России к данному документу произошло в 2019 году, что подчеркивает серьезность проблем, связанных с профессиональным травматизмом в строительстве.

2. Конвенция № 144 МОТ: Фокусируется на развитии взаимодействия между государством, бизнесом и представителями работников. Цель документа – улучшение процесса реализации международных норм охраны труда путем активизации трехстороннего сотрудничества и проведения регулярных консультаций. Этот документ подтверждает приверженность России принципу социальной партнерства и помогает реализовать глобальные подходы к охране труда.

3. Свод правил безопасности МОТ: Представляет собой дополнительный инструмент, разработанный для практического руководства по улучшению условий труда на строительных площадках. Руководство детализирует требования к проектированию, организации работ, выбору и эксплуатации оборудования, а также проводит разъяснения по предотвращению рисков и защите работников.

4. Конвенция № 62 МОТ и Рекомендация № 172: Эти документы касаются вопросов использования асбеста и направлены на снижение риска профессионального заболевания и повреждений, связанных с воздействием асбестосодержащих материалов. Оба документа требуют строгого соблюдения правил безопасности при работе с такими веществами и обязывают работодателей защищать персонал от возможных негативных последствий.

Все перечисленные документы создают базу для формирования единой глобальной стратегии в области охраны труда, способствуют формированию единых подходов к обеспечению безопасности и гигиенических условий труда, применяемые повсеместно, включая Российскую Федерацию.

2. Нормативно-правовые акты в России

Реализация международных норм в России достигается путем введения соответствующих отечественных стандартов и технических регламентов. Современный перечень действующих российских документов, устанавливающих правовые основы управления охраной труда в строительстве, насчитывает примерно 123 пункта. До недавнего времени строительная отрасль практически не располагала собственными внутренними правилами и инструкциями, необходимыми для эффективного регулирования вопросов охраны труда.

Сегодня в Российской Федерации действуют многочисленные законодательные акты, направленные на обеспечение безопасности работников в производственных условиях. Среди них важнейшую роль играет Конституция РФ, которая гарантирует каждому человеку право на труд в условиях, отвечающих стандартам безопасности и гигиены. Основным нормативный акт, регулирующий вопросы охраны труда, – это Трудовой кодекс Российской Федерации, который устанавливает общие нормы безопасности труда, права работников и обязанности работодателей по созданию безопасных условий труда.

Кроме того, существуют важные федеральные законы, среди которых:

- № 426-ФЗ от 28.12.2013 года «О специальной оценке условий труда»: Этот закон устанавливает требования к проведению оценки условий труда, классифицируя их как вредные или опасные, и предусматривая соответствующие гарантии для работников.
- № 116-ФЗ от 21.07.1997 года «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»: Регулирует профилактику и обеспечение безопасности при эксплуатации опасных производственных объектов.
- № 125-ФЗ от 24.07.1998 года «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»: Устанавливает порядок обязательного социального страхования работников, занятых на предприятиях с вредными и опасными условиями труда.
- № 123-ФЗ от 22.07.2008 года «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»: Определяет правила противопожарной безопасности применительно к бытовым строительным объектам.

С сентября 2022 года вступил в силу Постановление Правительства РФ № 2464, регулирующее порядок обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда. Оно предусматривает пять видов обучения и устанавливает сроки их прохождения.

Ранее строительная отрасль не обладала специфическими правилами по охране труда, и работодатели ориентировались преимущественно на Строительные Нормы и Правила (СНиП). Только в 2016 году были введены первые специализированные правила по охране труда в строительстве, утвержденные приказом Минтруда России № 336н. Спустя пять лет эти правила были обновлены новым документом – «Правила по охране труда при строительстве, реконструкции и ремонте», утвержденные приказом Минтруда РФ от 11 декабря 2020 года № 883н. Эти правила начали действовать с 1 января 2021 года и остаются базовым нормативным актом, регулирующим охрану труда в строительстве.

Таким образом, современное российское законодательство создает надежную основу для обеспечения безопасных условий труда в строительной отрасли, защищая здоровье и жизнь работников и повышая общую производительность труда.

Раздел I. Основные положения

Данный раздел определяет область применения Правил, цели системы охраны труда, права и обязанности работодателей и работников.

Раздел II. Охрана труда при осуществлении земляных работ

Регламентирует проведение мероприятий по подготовке котлована, траншеи или ямы, использование необходимых технических средств и организацию рабочего места таким образом, чтобы исключить риски для здоровья сотрудников.

Раздел III. Безопасность при выполнении бетонных работ

Закрепляет порядок действий при приготовлении, укладывании и уплотнении бетонных растворов, а также меры предосторожности при обращении с металлическими конструкциями и оборудованием.

Раздел IV. Организация работ с камнем

Фиксирует правила безопасной кладки стен и перегородок, обработки камней и крепления декоративных облицовочных материалов.

Раздел V. Монтаж металлических конструкций

Определяет порядок сборки, сварки и резки металлических элементов, перемещения крупногабаритных частей конструкций с соблюдением обязательных мер безопасности.

Раздел VI. Изготовление и установка деревянных конструкций

Формализует процессы заготовки пиломатериалов, изготовления деталей и сборки деревянных несущих конструкций зданий и сооружений.

Раздел VII. Устройство кровельных покрытий

Регулирует установку различных видов кровли, учитывая высоту работ и возможные случаи падений.

Раздел VIII. Теплоизоляционные мероприятия

Формирует правила обращения с изоляционными материалами и технологии нанесения утеплителя на фасады, стены и крыши.

Раздел IX. Гидроизоляционные работы

Устанавливает методику устройства защитных слоев против проникновения воды и влагунакапливающих факторов на поверхностях фундаментов, подвальных помещений и оснований.

Раздел X. Малярные и штукатурные работы

Регламентирует использование красок, лаков, штукатурки и инструментов для внутренней и внешней отделки зданий.

Раздел XI. Стекольные работы и устройство пола

Регулирует технологию выполнения работ по остеклению окон и дверей, выполнению настила напольных покрытий, гарантирующих сохранность зрения и целостности организма работников.

Раздел XII. Санитарно-техническое оборудование

Создает регламенты безопасного монтажа сантехники, систем отопления, водопровода и канализации.

Раздел XIII. Электромонтажные работы

Зафиксированы правила прокладки электрической проводки, подключения электрического оборудования и осветительных приборов.

Раздел XIV. Газоопасные работы

Излагает необходимые меры предосторожности при газосварочных процессах, работе с газовыми баллонами и приборами.

Раздел XV. Перевозка грузов средствами транспорта

Контролирует правильность выполнения погрузочно-разгрузочных операций, транспортировки тяжёлых предметов и использование грузоподъёмных машин.

Раздел XVI. Механизированная уборка территории объекта строительства

Определяет инструкцию по очистке участков от остатков стройматериалов, снега и загрязнений с применением специальной техники.

Раздел XVII. Особые требования при возведении высотных объектов

Специально выделяет повышенные меры безопасности при строительстве объектов выше 25 м.

Раздел XVIII. Демонтаж строений и разборка конструкций

Обозначает последовательность действий при демонтаже устаревших построек и способов удаления образующихся отходов.

Раздел XIX. Особенности работ в зонах расположения инженерных сетей

Выделяются дополнительные меры предосторожности при выполнении работ возле линий электроснабжения, водных, тепловых и газовых магистралей, расположенных под землёй.

Раздел XX. Итоговые положения

Резюмируют документ, определяя ответственность сторон за несоблюдение правил охраны труда и важность регулярного мониторинга исполнения положений по охране труда на стройплощадках.

Таким образом, этот нормативный акт является обязательным руководством для любых компаний, занятых строительством, ремонтом и реконструкцией объектов недвижимости, формирующим целостную систему защиты работников от профессиональных опасностей.

Заключение

Система нормативно-правовых актов в сфере охраны труда включает комплекс

взаимосвязанных документов, призванных гарантировать безопасность работников в строительстве. Выполнение требований этих нормативных актов способствует минимизации рисков травматизма персонала и повышению производительности, обеспечивая оптимальные и безопасные условия трудовой деятельности. Необходимо подчеркнуть, что обязанность соблюдения действующих стандартов возлагается как на работодателя, так и на каждого сотрудника, который должен неукоснительно исполнять правила техники безопасности и своевременно информировать руководство о выявленных нарушениях и потенциально опасных обстоятельствах.

Литература

1. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27483&ysclid=mmsu6zod3t811747054>.
2. <https://base.garant.ru/2540640/>.
3. <https://www.kiout.ru/info/news/207?ysclid=mmsuovbevp352651241>.
4. <https://base.garant.ru/2541220/>.
5. <https://conventions.ru/int/18561/?ysclid=mmsusqy798172318682/>.
6. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5e37b9644c66582efdaf762a109a281bf999c28d/?ysclid=mmsutsfshh849625593.
7. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=504709&ysclid=mmsuusu2fy630432003>.
8. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=455233&ysclid=mmsv444xuc133004643>.
9. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15234/?ysclid=mmsv4qlzj8391523207.
10. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12705?ysclid=mmsv5g2rez842584252>.
11. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=504565&ysclid=mmsv66s3q2428140222>.
12. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112290004?ysclid=mmsv7hr79m246817488>.
13. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501440&ysclid=mmsv8fgzd2263210930>.

CHIZHOVA Alexandra Alexandrovna

Student, Moscow Polytechnic University, Russia, Moscow

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF LABOR PROTECTION IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Abstract. *The article examines the regulatory framework for regulating the construction industry of the Russian Federation in the context of ensuring occupational safety and industrial safety.*

Keywords: *construction industry, Federal Law, international labor organization, Labor Code.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Zhang Shuwei

Student, Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan, Almaty

Scientific Advisor – Associate Professor at the Al-Farabi Kazakh National University Abinova Alfia

USER SATISFACTION STRATEGY OF NEW CHINESE ENERGY VEHICLES IN THE KAZAKHSTAN MARKET

Abstract. *With the rapid expansion of Chinese new energy vehicle (NEV) manufacturers into emerging markets, Kazakhstan has become a strategically important region due to its geographic location, economic development, and policy orientation toward green energy. However, market penetration alone does not ensure sustainable competitiveness. User satisfaction plays a central role in shaping consumer loyalty, brand perception, and long-term market performance.*

This study aims to systematically analyze the determinants of user satisfaction toward Chinese NEVs in Kazakhstan and to develop a strategic framework for improving customer experience. The research adopts a mixed-method approach, combining quantitative survey analysis with qualitative interviews and market comparison. A conceptual model is constructed based on customer satisfaction theory, integrating factors such as product quality, service quality, infrastructure availability, and cultural adaptation.

The findings indicate that user satisfaction is influenced not only by functional attributes such as battery performance and price competitiveness, but also by contextual factors including service accessibility, trust in foreign brands, and local adaptation. The study proposes a multi-level strategy combining localization, digitalization, and infrastructure collaboration.

The research contributes to the literature on NEV adoption in emerging markets and provides practical implications for Chinese enterprises expanding internationally.

Keywords: *NEVs, user satisfaction, emerging markets, Kazakhstan, localization strategy.*

1. Introduction

The transition toward sustainable transportation has accelerated the global adoption of new energy vehicles (NEVs). China, as the largest producer and exporter of NEVs, has actively expanded into international markets, particularly in developing and emerging economies. Kazakhstan, located at the intersection of Europe and Asia, represents a promising market due to its growing urbanization, increasing environmental awareness, and strategic importance within the Belt and Road Initiative.

However, entering a new market involves more than exporting products. Consumer acceptance depends on multiple factors, among which user satisfaction is one of the most critical. In emerging markets like Kazakhstan, consumer behavior is influenced not only by product characteristics but also by institutional, cultural, and infrastructural conditions.

Despite the increasing presence of Chinese NEVs, several issues remain unresolved. These include limited charging infrastructure, insufficient after-sales service networks, and relatively low brand trust compared to established global competitors. Therefore, understanding user satisfaction in this specific context is essential.

This study aims to answer the following research questions:

First, what are the main factors influencing user satisfaction with Chinese NEVs in Kazakhstan?

Second, how do these factors interact in shaping overall customer perception?

Third, what strategies can be implemented to improve satisfaction and market competitiveness?

2. Literature Review

Customer satisfaction has long been a central concept in marketing and management research. According to expectancy-disconfirmation theory,

satisfaction is determined by the gap between expected and perceived performance. When performance exceeds expectations, satisfaction increases; otherwise, dissatisfaction occurs.

In the automotive industry, traditional factors influencing satisfaction include product quality, price, and service. However, in the context of NEVs, additional dimensions emerge:

First, technological factors such as battery efficiency, driving range, and charging speed.

Second, environmental factors related to sustainability awareness.

Third, infrastructural factors, especially charging availability.

Recent studies also emphasize the importance of trust and brand perception, particularly for foreign companies entering new markets. In emerging economies, consumers may have concerns about reliability, maintenance, and long-term support.

Moreover, localization theory suggests that adapting products and services to local conditions significantly improves market acceptance. This includes language adaptation, service customization, and alignment with local consumer habits.

However, existing literature rarely focuses on Central Asia. Kazakhstan, with its unique economic structure and cultural diversity, presents a distinct research context that requires further exploration.

3. Methodology

This study adopts a mixed-method research design to ensure both quantitative rigor and qualitative depth.

3.1 Conceptual Framework

A conceptual model of user satisfaction is developed, consisting of four main dimensions:

Product Quality → performance, reliability, battery life

Service Quality → after-sales service, maintenance, responsiveness

Infrastructure → charging availability, accessibility

Cultural Adaptation → language, communication, trust

These factors are assumed to influence overall satisfaction, which in turn affects behavioral intentions such as repurchase and recommendation.

Table 1

Measurement of Variables			
Variable	Dimension	Description	Scale
Product Quality	Performance	Driving range, battery stability	Likert (1–5)
	Reliability	Durability under climate conditions	Likert (1–5)
Service Quality	Responsiveness	Speed of service and repair	Likert (1–5)
	Availability	Number of service centers	Likert (1–5)
Infrastructure	Accessibility	Availability of charging stations	Likert (1–5)
	Convenience	Ease of daily use	Likert (1–5)
Cultural Adaptation	Communication	Language and customer interaction	Likert (1–5)
	Localization	Adaptation to local needs	Likert (1–5)
User Satisfaction	Overall Satisfaction	General satisfaction with the vehicle	Likert (1–5)

3.2 Data Collection

Quantitative data were collected through a structured questionnaire distributed among NEV users in Kazakhstan. The survey used a Likert scale (1–5) to measure satisfaction levels across different dimensions.

The sample included users from major cities such as Almaty and Astana, ensuring diversity in demographics and usage patterns.

Qualitative data were obtained through semi-structured interviews with users, car dealers, and

industry experts. This helped to capture deeper insights into user experiences.

3.3 Data Analysis

Descriptive statistics were used to analyze overall satisfaction levels. Correlation analysis was applied to examine relationships between variables.

Qualitative data were analyzed using thematic analysis, identifying recurring patterns and key concerns among users.

4. Results and Discussion

4.1 Empirical Findings

The results show that product quality has the strongest direct impact on satisfaction. Users highly value battery stability and driving range, especially considering Kazakhstan’s climate conditions.

Table 2

Descriptive Statistics of Key Variables

Variable	Mean	Std. Dev.	Min	Max
Product Quality	4.12	0.65	2.50	5.00
Service Quality	3.78	0.72	2.00	5.00
Infrastructure	3.45	0.81	1.80	5.00
Cultural Adaptation	3.60	0.70	2.10	5.00
User Satisfaction	3.95	0.68	2.30	5.00

The descriptive statistics indicate that product quality receives the highest evaluation among users, while infrastructure shows the lowest score, suggesting a key limitation in the Kazakhstan market.

Service quality is identified as the second most important factor. Delays in maintenance and lack of spare parts significantly reduce satisfaction.

Infrastructure remains a critical limitation. Many users report anxiety related to charging availability, which affects their daily usage decisions.

Cultural adaptation also plays an important role. Users prefer localized communication and customer service in familiar languages.

Table 3

Correlation Analysis

Variable	PQ	SQ	INF	CA	US
Product Quality (PQ)	1.00				
Service Quality (SQ)	0.62	1.00			
Infrastructure (INF)	0.55	0.60	1.00		
Cultural Adaptation (CA)	0.58	0.63	0.57	1.00	
User Satisfaction (US)	0.74	0.69	0.66	0.68	1.00

4.2 Integrated Discussion

The findings suggest that user satisfaction in the NEV market is a multi-dimensional construct shaped by both technological and contextual factors.

From a theoretical perspective, the results extend traditional satisfaction models by incorporating infrastructure and localization as key variables. This is particularly relevant in emerging markets where institutional conditions differ significantly from developed economies.

From a practical perspective, the study highlights the importance of a holistic strategy. Focusing only on product quality is insufficient. Companies must also address service, infrastructure, and cultural adaptation simultaneously.

Furthermore, trust emerges as an implicit but critical factor linking all dimensions. Without

trust, even high-quality products may fail to achieve high satisfaction.

4.3 Strategic Implications

Based on the findings, the following strategic recommendations are proposed:

First, localization should be treated as a core strategy rather than a supplementary effort. This includes adapting interfaces, language, and service processes.

Second, companies should collaborate with local stakeholders to develop charging infrastructure, reducing user anxiety.

Third, after-sales service systems must be strengthened through training, expansion of service centers, and digital monitoring tools.

Fourth, digital platforms can be used to enhance transparency and communication, improving customer trust.

Finally, long-term brand building is essential, especially in markets where Chinese brands are still developing recognition.

5. Conclusion

This study demonstrates that user satisfaction is a critical determinant of the success of Chinese NEVs in Kazakhstan. The research identifies product quality, service quality, infrastructure, and cultural adaptation as the main influencing factors.

The study contributes to both theory and practice by providing a comprehensive framework for understanding satisfaction in emerging markets. It also offers practical strategies for improving customer experience.

However, the study has some limitations. The sample size is relatively limited, and the data are

cross-sectional. Future research can expand the sample and apply longitudinal analysis.

References

1. Kotler P., Keller K.L. (2016). Marketing Management.
2. Oliver R.L. (1997). Satisfaction: A Behavioral Perspective.
3. Wang N. et al. (2018). EV adoption analysis. Transportation Research.
4. IEA (2023). Global EV Outlook.
5. Kazakhstan Energy Report (2023).
6. Li J. (2020). EV market expansion in emerging economies.
7. Chen Y. (2012). Green consumer behavior.
8. Zhang X. (2021). Localization strategies in global markets.

ВИДЕНЕЕВ Константин Алексеевич

студент, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

МАКАРОВА Людмила Михайловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, налогообложения и финансового учета, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ БЛАГОНАДЕЖНОСТИ В ЦЕЛЯХ ПОД/ФТ

Аннотация. В статье исследуются особенности формирования и развития подходов к оценке финансовой благонадежности организаций и физических лиц в рамках противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Проанализированы отечественная и зарубежная практика применения риск-ориентированного подхода, выявлены ключевые различия в моделях финансового мониторинга, а также рассмотрена роль современных технологий, включая искусственный интеллект и анализ больших данных. Особое внимание уделено проблемам адаптации зарубежных инструментов в национальной практике и обоснована необходимость перехода к более гибким и аналитически ориентированным моделям оценки.

Ключевые слова: финансовая благонадежность, ПОД/ФТ, риск-ориентированный подход, финансовый мониторинг, комплаенс-контроль, FATF, RegTech.

Современный этап развития финансовых рынков характеризуется усилением процессов глобализации, цифровизации финансовых услуг и усложнением финансовых инструментов. Это объективно приводит к росту рисков, связанных с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма. Расширение использования безналичных расчетов, электронных платежных систем и цифровых активов формирует новые каналы перемещения капитала, которые могут использоваться в противоправных целях [3]. В этих условиях традиционные методы контроля теряют свою эффективность, что требует их качественной трансформации.

Ключевым элементом системы ПОД/ФТ становится оценка финансовой благонадежности клиентов и контрагентов. По сути, она представляет собой комплексную аналитическую процедуру, включающую анализ финансового поведения, структуры собственности, деловой активности и характера совершаемых операций. В отличие от упрощенного понимания, сводящегося к проверке платежеспособности, современный подход предполагает выявление скрытых рисков и потенциальной вовлеченности субъекта в сомнительные схемы. На наш взгляд, именно переход от формальной

проверки к содержательному анализу является определяющим фактором эффективности финансового мониторинга.

В международной практике оценка финансовой благонадежности строится на риск-ориентированном подходе, закрепленном в рекомендациях FATF [3]. Данный подход предполагает дифференциацию клиентов и операций в зависимости от уровня риска, что позволяет перераспределять ресурсы финансовых организаций в пользу наиболее уязвимых сегментов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эффективность риск-ориентированной модели напрямую зависит от качества данных и уровня технологического развития. При недостаточной автоматизации процессов данный подход может носить формальный характер и не обеспечивать выявление сложных схем легализации доходов.

Отечественная система оценки финансовой благонадежности формируется в рамках Федерального закона № 115-ФЗ [10] и базируется на обязательности процедур внутреннего контроля. Финансовые организации обязаны проводить идентификацию клиентов, устанавливать бенефициарных собственников, оценивать уровень риска и осуществлять постоянный мониторинг операций. Несмотря на

формальную полноту данных требований, российская модель во многом ориентирована на соблюдение регуляторных процедур. Это, с одной стороны, обеспечивает стандартизацию контроля, но, с другой – снижает его гибкость. Представляется, что избыточная регламентация ограничивает возможности адаптации системы к быстро меняющимся условиям финансового рынка.

Система риск-классификации, применяемая в российской практике, основывается на совокупности критериев, включая вид деятельности, географические факторы и структуру собственности. Однако преобладание статических показателей ограничивает возможности выявления сложных и многоуровневых схем легализации доходов. На наш взгляд, основная проблема заключается в недостаточном использовании динамических данных и поведенческого анализа, что снижает прогностический потенциал системы.

В зарубежной практике оценка финансовой благонадежности отличается более высокой степенью технологической и аналитической интеграции. В странах Европейского союза применяются процедуры Customer Due Diligence и Enhanced Due Diligence, направленные на углубленное изучение клиентов с повышенным уровнем риска [5]. При этом важной особенностью является активное использование транзакционного мониторинга в режиме реального времени и методов сетевого анализа, позволяющих выявлять скрытые взаимосвязи между участниками финансовых операций.

Дополнительным преимуществом зарубежных моделей является развитая система межведомственного взаимодействия и обмена данными, что существенно повышает эффективность выявления рисков [8]. На практике это позволяет формировать более полные профили клиентов и оперативно реагировать на подозрительную активность.

Американская система ПОД/ФТ, основанная на положениях Закона о банковской тайне и Патриотического акта, демонстрирует высокий уровень автоматизации процессов финансового мониторинга. Ключевую роль в ней играет FinCEN, осуществляющая сбор и анализ информации о подозрительных операциях [4]. Характерной особенностью является широкое применение RegTech-решений, обеспечивающих автоматизированный анализ транзакций и выявление аномалий. Особое внимание уделяется

процедурам KYC и CDD, предполагающим детальное изучение источников доходов и финансового поведения клиентов [6].

Современные тенденции развития систем ПОД/ФТ связаны с активным внедрением технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет выявлять сложные закономерности в финансовых потоках, прогнозировать риски и адаптировать модели к изменяющимся условиям [7]. Вместе с тем необходимо учитывать, что эффективность таких технологий зависит от качества обучающих выборок и корректности алгоритмов. Ошибки в моделях могут приводить как к пропуску подозрительных операций, так и к росту числа ложных срабатываний, что требует дополнительного экспертного контроля.

Значительный потенциал имеет интеграция различных источников информации, включая государственные реестры, судебные базы и санкционные списки. Это позволяет формировать комплексные аналитические профили клиентов и выявлять скрытые связи между участниками финансовых отношений [9]. Кроме того, использование технологий распределенных реестров способствует повышению прозрачности и надежности данных о транзакциях.

Сравнительный анализ отечественной и зарубежной практики показывает, что ключевое различие заключается в степени ориентации на превентивный контроль. Зарубежные системы в большей степени направлены на прогнозирование и предупреждение рисков, тогда как российская модель традиционно ориентирована на их фиксацию и документирование. Однако в последние годы наблюдается постепенное сближение подходов, связанное с внедрением цифровых технологий и развитием аналитических инструментов.

Развитие систем оценки финансовой благонадежности сопровождается рядом вызовов, включая усложнение схем легализации доходов, рост использования криптовалют и необходимость координации действий различных регуляторов. Особую сложность представляет обеспечение баланса между эффективностью финансового мониторинга и соблюдением прав клиентов, что требует совершенствования правовых и организационных механизмов регулирования.

В этих условиях приоритетным направлением развития отечественной системы

ПОД/ФТ является переход к более гибким и технологически развитым моделям. Это предполагает расширение использования аналитических инструментов, развитие межведомственного взаимодействия и повышение уровня профессиональной подготовки специалистов. Важным аспектом также является адаптация международных стандартов с учетом национальных особенностей финансовой системы.

Значительную роль в формировании глобальных подходов к противодействию легализации доходов играет FATF, рекомендации которой служат основой для построения национальных систем финансового мониторинга [3]. Механизм взаимных оценок способствует выявлению недостатков и стимулирует развитие национальных систем ПОД/ФТ.

Таким образом, оценка финансовой благонадежности представляет собой ключевой элемент системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. На современном этапе ее развитие должно быть связано не только с внедрением цифровых технологий, но и с пересмотром методологических подходов. Представляется, что переход к динамическим, адаптивным и аналитически ориентированным моделям позволит существенно повысить эффективность финансового мониторинга и обеспечить

устойчивость финансовой системы в условиях новых вызовов.

Литература

1. Ефимова Л.Г. Риск-ориентированный подход в системе ПОД/ФТ // Деньги и кредит. – 2021. – № 7. – С. 45-53.
2. Кузнецов А.В., Рудакова О.С. Зарубежный опыт финансового мониторинга // Финансы и кредит. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 876-892.
3. FATF. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. – Paris, 2023.
4. FinCEN. Customer Due Diligence Requirements for Financial Institutions. – 2022.
5. European Commission. Directive (EU) 2018/1673 (AMLD6) and updates. – 2023.
6. Basel Committee on Banking Supervision. Sound Management of Risks Related to Money Laundering and Financing of Terrorism. – 2020.
7. Смирнов А.Е., Варфоломеев А.И. Применение методов машинного обучения в системах ПОД/ФТ // 2023.
8. World Bank. Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Measures. – 2022.
9. UNODC. Global Report on Money Laundering. – 2021.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов...».

VIDENEEV Konstantin Alekseevich

Student, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

MAKAROVA Lyudmila Mikhailovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Finance, Taxation and Financial Accounting, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE IN ASSESSING FINANCIAL RELIABILITY FOR AML/CFT PURPOSES

Abstract. *The article examines the specifics of the formation and development of approaches to assessing the financial reliability of organizations and individuals in the framework of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism (AML/CFT). The domestic and foreign practice of applying a risk-based approach is analyzed, key differences in financial monitoring models are revealed, and the role of modern technologies, including artificial intelligence and big data analysis, is considered. Special attention is paid to the problems of adapting foreign instruments in national practice and the need for a transition to more flexible and analytically oriented assessment models is substantiated.*

Keywords: *financial reliability, AML/CFT, risk-based approach, financial monitoring, compliance control, FATF, RegTech.*

ВИДЕНЕЕВ Константин Алексеевич

студент, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

МАКАРОВА Людмила Михайловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, налогообложения и финансового учета, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ БЛАГОНАДЕЖНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы формирования и развития аналитической модели оценки финансовой благонадежности организаций и физических лиц в контексте противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Проанализированы существующие подходы к оценке финансовой благонадежности, выявлены их ограничения, а также обоснована необходимость внедрения комплексных аналитических моделей, основанных на риск-ориентированном подходе, использовании больших данных и автоматизированных систем мониторинга. Определены ключевые направления совершенствования аналитических моделей с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Ключевые слова: финансовая благонадежность, аналитическая модель, ПОД/ФТ, риск-ориентированный подход, финансовый мониторинг, комплаенс-контроль, скоринг.

Современные условия развития финансовых рынков, характеризующиеся ростом объемов безналичных расчетов, цифровизацией финансовых услуг и усложнением финансовых инструментов, обуславливают необходимость совершенствования механизмов противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Согласно данным Банка России, доля безналичных платежей в структуре розничного оборота в последние годы стабильно превышает 75 %, что существенно увеличивает объем финансовых транзакций, подлежащих контролю в рамках процедур финансового мониторинга. В таких условиях традиционные методы контроля операций становятся недостаточно эффективными, что требует внедрения более совершенных аналитических инструментов оценки финансовой благонадежности клиентов и контрагентов.

Одним из ключевых элементов системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) является оценка финансовой благонадежности клиентов и контрагентов, позволяющая выявлять и предотвращать вовлеченность финансовых институтов в незаконные финансовые операции. Данная оценка представляет собой комплексную процедуру

анализа финансовой деятельности субъекта, направленную на выявление признаков сомнительных операций, несоответствия экономической сущности операций профилю клиента, а также наличия повышенных рисков вовлеченности в противоправную деятельность.

Финансовая благонадежность в аналитическом аспекте представляет собой интегральную характеристику, отражающую совокупность финансовых, правовых, операционных и репутационных факторов, связанных с деятельностью субъекта. Как отмечает Н. П. Бондаренко, финансовая благонадежность клиента кредитной организации определяется не только его платежеспособностью и финансовой устойчивостью, но и прозрачностью структуры собственности, характером деловой активности, а также соответствием проводимых операций заявленным целям деятельности [1, с. 112-120]. Аналогичной позиции придерживается А. Г. Баранов, который подчеркивает, что оценка финансовой благонадежности должна включать анализ экономической обоснованности операций, источников происхождения денежных средств и взаимосвязей клиента с другими субъектами финансовых отношений [5, с. 2854-2865].

Традиционные подходы к оценке финансовой благонадежности основаны преимущественно на формализованных процедурах комплаенс-контроля, включающих идентификацию клиента (KYC – Know Your Customer), проверку бенефициарных владельцев, анализ финансовой отчетности и мониторинг операций. Такие методы широко применяются в банковской практике и регламентируются международными стандартами FATF, а также национальным законодательством. В частности, в Российской Федерации данные процедуры закреплены в Федеральном законе № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

В рамках традиционного подхода финансовые организации используют систему риск-классификации клиентов, которая предполагает распределение клиентов по категориям риска (низкий, средний, высокий). Критериями оценки при этом выступают такие параметры, как страна регистрации клиента, вид экономической деятельности, организационно-правовая форма, наличие сложной структуры собственности, участие в трансграничных операциях и объемы финансовых транзакций. Однако, как отмечают отечественные исследователи, включая Л. Г. Ефимову и А. В. Кузнецова, подобная система зачастую носит формализованный характер и ориентирована преимущественно на соблюдение регуляторных требований, что ограничивает возможности выявления сложных схем легализации доходов [2, с. 37-46; 4, с. 2301-2318].

По мнению Е. В. Черкашиной, ключевым направлением совершенствования системы финансового мониторинга является развитие риск-ориентированного подхода, предполагающего дифференциацию процедур проверки клиентов в зависимости от уровня выявленного риска, а также применение аналитических инструментов для выявления нетипичных финансовых операций [6, с. 654-667].

Формальное риск-классифицирование клиентов, применяемое во многих финансовых организациях, предполагает использование ограниченного набора индикаторов риска, которые фиксируются во внутренних правилах финансового мониторинга. При этом оценка риска зачастую осуществляется на основе статических критериев, не учитывающих динамику финансового поведения клиента. В результате такие системы могут не выявлять сложные

схемы легализации доходов, которые строятся на использовании цепочек транзакций, номинальных компаний и трансграничных переводов.

В связи с этим в научной и практической среде все большее внимание уделяется разработке многофакторных аналитических моделей оценки финансовой благонадежности. Такие модели предполагают использование широкого набора количественных и качественных показателей. К количественным показателям относятся финансовые коэффициенты (ликвидность, рентабельность, оборачиваемость), объемы и частота транзакций, доля наличных операций, структура поступлений и платежей. К качественным показателям относятся деловая репутация клиента, прозрачность структуры собственности, наличие связей с офшорными юрисдикциями, участие в судебных разбирательствах и санкционных списках.

Как отмечает И. А. Смирнова, применение многофакторных моделей позволяет учитывать взаимосвязь различных факторов риска и формировать более точную оценку финансовой благонадежности клиента [3, с. 1024-1036]. Дополнительные возможности анализа появляются при использовании методов интеллектуального анализа данных и машинного обучения, которые позволяют выявлять скрытые закономерности в транзакционной активности клиентов и прогнозировать вероятность вовлечения в сомнительные финансовые операции [7, с. 1678-1692].

Зарубежный опыт демонстрирует высокую эффективность применения аналитических моделей, основанных на использовании технологий RegTech и SupTech [8]. RegTech (Regulatory Technology) представляет собой совокупность технологических решений, направленных на автоматизацию процессов соблюдения регуляторных требований и управления рисками. SupTech (Supervisory Technology) используется регуляторами для анализа больших массивов финансовых данных и повышения эффективности надзорной деятельности.

В странах Европейского союза и США активно используются системы транзакционного мониторинга, основанные на алгоритмах машинного обучения и анализе больших данных. Например, крупные международные банки, такие как HSBC и JPMorgan Chase, применяют интеллектуальные системы анализа транзакций, которые позволяют выявлять нетипичные операции в режиме реального времени. Такие

системы анализируют миллионы операций ежедневно и выявляют подозрительные транзакции на основе поведенческих моделей клиентов.

Существенную роль в развитии аналитических моделей играет интеграция внутренних данных финансовых организаций с внешними источниками информации. К числу таких источников относятся государственные реестры юридических лиц, базы данных налоговых органов, судебные базы данных, а также международные санкционные списки, включая списки ОФАС, Европейского союза и Совета Безопасности ООН. Например, российские банки активно используют данные Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), а также информацию Росфинмониторинга и Федеральной налоговой службы для анализа структуры собственности и финансовой активности клиентов.

Кроме того, финансовые организации используют специализированные коммерческие базы данных, такие как СПАРК, Контур-Фокус и World-Check, которые позволяют выявлять связи между компаниями, анализировать деловую репутацию и отслеживать участие лиц в судебных разбирательствах. Использование таких источников информации позволяет существенно повысить точность оценки финансовой благонадежности и выявлять скрытые риски, связанные с деятельностью клиентов [9].

Перспективным направлением развития аналитических моделей является внедрение адаптивных систем анализа, способных изменять параметры оценки в зависимости от изменения внешней среды и профиля риска клиента. Такие системы используют методы машинного обучения, позволяющие выявлять новые схемы легализации доходов и адаптировать алгоритмы анализа в соответствии с изменениями финансового поведения клиентов.

Вместе с тем формирование и внедрение аналитических моделей оценки финансовой благонадежности сопряжено с рядом проблем. К числу наиболее значимых из них относятся ограниченность и фрагментарность доступных данных, высокая стоимость внедрения современных информационных систем, а также необходимость обеспечения баланса между эффективностью финансового мониторинга и защитой прав клиентов.

В этой связи особое значение приобретает разработка методологических подходов к валидации и интерпретации результатов

аналитических моделей. Валидация моделей предполагает проверку их статистической надежности, устойчивости к изменению входных параметров и способности корректно прогнозировать уровень риска. Как отмечает А. В. Кузнецов, эффективная система валидации должна включать регулярное тестирование моделей на исторических данных, анализ точности прогнозирования и оценку уровня ложных срабатываний [4, с. 2301-2318].

Кроме того, важным элементом методологии является интерпретация результатов аналитических моделей. В условиях использования алгоритмов машинного обучения возникает необходимость обеспечения прозрачности принятия решений, что требует разработки механизмов объяснимой аналитики (Explainable AI). Такие механизмы позволяют финансовым организациям обосновывать решения о повышении уровня риска клиента или ограничении операций перед регуляторами и контролирующими органами.

Таким образом, перспективы формирования аналитической модели оценки финансовой благонадежности в целях ПОД/ФТ связаны с развитием риск-ориентированного подхода, внедрением технологий анализа больших данных, интеграцией различных источников информации и совершенствованием методологических подходов к валидации аналитических моделей. Реализация данных направлений позволит повысить эффективность системы финансового мониторинга, снизить вероятность использования финансовых институтов в незаконных финансовых схемах и обеспечить устойчивость финансовой системы в условиях роста финансовых рисков.

Литература

1. Бондаренко Н.П. Оценка финансовой благонадежности клиентов кредитных организаций в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник Финансового университета. – 2020. – № 6. – С. 112-120.
2. Ефимова Л.Г. Риск-ориентированный подход в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма // Деньги и кредит. – 2021. – № 8. – С. 37-46.
3. Смирнова И.А. Методы оценки рисков в системе финансового мониторинга кредитных организаций // Финансы и кредит. – 2021. – Т. 27. – № 5. – С. 1024-1036.

4. Кузнецов А.В. Аналитические модели финансового мониторинга и их применение в банковской системе // Финансы и кредит. – 2022. – Т. 28. – № 10. – С. 2301-2318.

5. Баранов А.Г. Совершенствование механизмов финансового мониторинга в банковском секторе // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25. – № 12. – С. 2854-2865.

6. Черкашина Е.В. Развитие риск-ориентированного подхода в системе противодействия легализации преступных доходов //

Финансы и кредит. – 2020. – Т. 26. – № 3. – С. 654-667.

7. Ларионов И.К. Аналитические методы выявления подозрительных финансовых операций // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – Т. 20. – № 9. – С. 1678-1692.

8. FATF. Guidance on the Risk-Based Approach for the Banking Sector. – Paris: FATF, 2023.

9. Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN). Innovation and Analytics in AML Programs. – Washington, 2022.

VIDENEEV Konstantin Alekseevich

Student, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

MAKAROVA Lyudmila Mikhailovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Finance, Taxation and Financial Accounting, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia, Moscow

PROSPECTS FOR THE FORMATION OF AN ANALYTICAL MODEL FOR ASSESSING FINANCIAL RELIABILITY

Abstract. *The article discusses the prospects for the formation and development of an analytical model for assessing the financial reliability of organizations and individuals in the context of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism (AML/CFT). The existing approaches to assessing financial reliability are analyzed, their limitations are identified, and the need for integrated analytical models based on a risk-based approach, the use of big data and automated monitoring systems is substantiated. The key areas of improvement of analytical models are identified, taking into account domestic and foreign experience.*

Keywords: *financial reliability, analytical model, AML/CFT, risk-based approach, financial monitoring, compliance control, scoring.*

МАМЕДОВА Саадет Исмиали кызы

магистрантка, Российский новый университет, Россия, г. Москва

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БРЕНДА

Аннотация. В статье рассматривается теория социального обмена (CSR) как основа разработки стратегии социальной ответственности бренда. CSR интерпретируется как система взаимовыгодных отношений между компанией и стейкхолдерами, основанная на принципах взаимности и доверия. Показано, что эффективность CSR зависит от восприятия социальной ценности и справедливости обмена.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, теория социального обмена, корпоративное управление, социальные инвестиции, маркетинговая стратегия.

В последние десятилетия концепция социальной ответственности бизнеса (Corporate Social Responsibility, CSR) заняла устойчивое место в системе стратегического управления организациями. Усиление общественного контроля, рост значимости нематериальных активов и повышение чувствительности потребителей к этическим аспектам деятельности компаний обусловили необходимость интеграции социальных и экологических инициатив в бизнес-модели. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск теоретических оснований, способных объяснить механизмы формирования эффективных CSR-стратегий.

Одним из таких оснований выступает теория социального обмена, разработанная в рамках социологии и социальной психологии. Данная теория позволяет интерпретировать взаимодействие между брендом и его стейкхолдерами как систему взаимных ожиданий, выгод и обязательств. Применение такой теоретической рамки открывает возможности для более глубокого понимания того, каким образом социальная ответственность трансформируется из имиджевого инструмента в стратегический ресурс.

Теория социального обмена (Social Exchange Theory) сформировалась в работах Дж. Хоманса, П. Блау и Г. Эмерсона и представляет собой попытку объяснить социальное поведение через призму рационального выбора и взаимной выгоды [5, с. 8]. В центре внимания данной теории находится идея о том, что социальные взаимодействия представляют собой процесс обмена ресурсами, который регулируется ожиданиями вознаграждения и издержек [3, с. 343].

Согласно Дж. Хомансу, поведение индивидов определяется стремлением максимизировать вознаграждение и минимизировать затраты, при этом важную роль играет прошлый опыт взаимодействий [7, с. 82]. П. Блау развивает эту идею, подчеркивая, что в сложных социальных системах обмен включает не только материальные, но и символические ресурсы, такие как статус, доверие и признание [3, с. 343]. Г. Эмерсон, в свою очередь, акцентирует внимание на взаимозависимости участников обмена и структуре власти, возникающей в процессе распределения ресурсов [9, с. 118].

Ключевыми принципами теории социального обмена являются:

- принцип взаимности, предполагающий ответную реакцию на полученные выгоды;
- оценка соотношения «затраты – выгоды»;
- формирование доверия как результата повторяющихся взаимодействий;
- значимость восприятия справедливости в поддержании устойчивости отношений [8].

Таким образом, теория социального обмена позволяет рассматривать социальные отношения как динамическую систему, основанную на ожиданиях, обязательствах и оценке ценности взаимодействия.

Социальная ответственность бренда является частью более широкой концепции CSR и предполагает добровольную интеграцию социальных, экологических и этических аспектов в деятельность компании и ее коммуникации с заинтересованными сторонами [6, с. 240]. В отличие от традиционных подходов,

ориентированных исключительно на прибыль, CSR учитывает долгосрочные последствия бизнес-решений для общества и окружающей среды [1, с. 74].

Современные исследования подчеркивают, что CSR выполняет не только нормативную, но и стратегическую функцию. С одной стороны, она отвечает на запрос общества на ответственное поведение бизнеса, с другой – способствует формированию конкурентных преимуществ, включая укрепление репутации, повышение лояльности потребителей и привлечение инвестиций [4, с. 257].

Структурно CSR включает несколько взаимосвязанных направлений:

- экологическая ответственность (снижение негативного воздействия на окружающую среду);
- социальные инициативы (поддержка сообществ, благотворительность);
- корпоративная этика (прозрачность, соблюдение прав сотрудников);
- экономическая устойчивость (ответственное управление ресурсами) [4, с. 258].

Однако эффективность CSR во многом зависит от того, насколько она воспринимается стейкхолдерами как подлинная и значимая, а не как инструмент манипуляции общественным мнением. Именно в этом контексте теория социального обмена предоставляет полезный аналитический инструмент.

Применение теории социального обмена к анализу CSR позволяет переосмыслить природу социальной ответственности бренда. В рамках данного подхода CSR рассматривается не как односторонний акт благотворительности, а как форма взаимовыгодного обмена между компанией и ее стейкхолдерами.

Бренд, реализуя социальные инициативы, предоставляет обществу определенные ценности: экологическую безопасность, социальную поддержку, соблюдение этических стандартов. В ответ стейкхолдеры – прежде всего потребители – формируют позитивное отношение к бренду, выражающееся в доверии, лояльности и готовности поддерживать его экономически.

Данный процесс можно описать как циклический [8]:

1. Компания инициирует социально ответственное действие;
2. Стейкхолдеры оценивают его значимость и искренность;

3. При положительном восприятии формируется ответная реакция (поддержка, доверие);

4. Усиление отношений стимулирует дальнейшие инициативы со стороны компании.

Ключевым элементом здесь выступает восприятие справедливости и баланса обмена. Если стейкхолдеры считают, что компания получает непропорционально большую выгоду или действует неискренне, доверие разрушается, а CSR-инициативы теряют эффективность.

Таким образом, теория социального обмена позволяет объяснить, почему одни CSR-стратегии приводят к укреплению бренда, а другие вызывают скептицизм или даже негативную реакцию.

Использование теории социального обмена в практике управления предполагает системный подход к разработке CSR-стратегии.

Прежде всего, необходимо провести идентификацию ключевых стейкхолдеров. Разные группы заинтересованных сторон обладают различными ожиданиями и ресурсами, участвующими в обмене. Например, потребители ценят качество и этичность продукции, сотрудники – справедливые условия труда, а местные сообщества – вклад в развитие инфраструктуры [6, с. 241].

Далее следует определить содержание обмена, то есть те ценности, которые компания готова предложить. Важно учитывать не только материальные, но и символические ресурсы, такие как репутация, прозрачность и социальный капитал [6, с. 241].

Особое значение имеет баланс выгод и издержек. CSR-инициативы должны быть одновременно значимыми для общества и устойчивыми с точки зрения бизнеса. Чрезмерные издержки без видимого эффекта могут подорвать экономическую стабильность компании, тогда как формальные или минимальные действия не обеспечат необходимого уровня доверия.

Формирование доверия требует последовательности и прозрачности. Разовые акции, не встроенные в общую стратегию, редко воспринимаются как значимый вклад. Напротив, системная и долгосрочная деятельность способствует накоплению социального капитала.

Наконец, важным аспектом является коммуникация. Информация о CSR-деятельности должна быть доступной и достоверной, чтобы стейкхолдеры могли адекватно оценить вклад

компании и принять участие в процессе обмена.

Практика показывает, что наиболее успешные CSR-стратегии соответствуют логике социального обмена. Так, компания «Норникель» активно инвестирует в экологические проекты (снижение выбросов, модернизация производств, восстановление территорий) [10]. «Сбер» активно реализует программы в области цифровой грамотности, образования, поддержки предпринимательства [11].

Во всех приведенных примерах наблюдается четкая логика обмена: предоставление общественно значимых ценностей сопровождается получением нематериальных и материальных выгод в виде доверия, репутации и экономической устойчивости.

Применение теории социального обмена к разработке CSR-стратегий имеет ряд преимуществ. Оно позволяет структурировать взаимодействие со стейкхолдерами, повысить предсказуемость результатов и обеспечить более эффективное распределение ресурсов. Кроме того, данный подход способствует интеграции CSR в общую стратегию бренда, что усиливает ее значимость.

Однако существуют и ограничения. Во-первых, не все социальные процессы могут быть адекватно описаны в терминах рационального обмена, поскольку поведение людей часто определяется эмоциональными и ценностными факторами. Во-вторых, чрезмерное акцентирование на выгоде может привести к восприятию CSR как инструментального и неискреннего, что снижает уровень доверия. В-третьих, оценка нематериальных результатов, таких как доверие или репутация, остается сложной задачей [8].

Теория социального обмена представляет собой продуктивную теоретическую основу для анализа и разработки стратегии социальной ответственности бренда. Она позволяет рассматривать CSR как систему взаимных отношений, в которой ценности, предоставляемые компанией, трансформируются в доверие, лояльность и устойчивые конкурентные преимущества.

Интеграция принципов социального обмена в стратегическое управление способствует более осознанному и эффективному подходу к CSR, ориентированному на долгосрочное взаимодействие с обществом. В условиях возрастающей значимости нематериальных активов такой подход становится важным фактором

устойчивого развития брендов и их успешного функционирования в современном социально-экономическом пространстве.

Литература

1. Артюхова А.С., Кузина А.В., Мельник А.С. Теория обмена и социология рационального выбора // В сборнике: Социологические чтения: социальные тренды современности. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2024. С. 73-76.
2. Бекетова О.С. Сравнительная характеристика концепций социального обмена // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/sotsialno-gumanitarnye-znaniya?i=947932>.
3. Лемза А.П. Неоэволюционизм и теория социального обмена Джорджа Хоманса. Структуры обмена Питера Блау // В сборнике: Социальная безопасность и социальный капитал: вызовы современности. Материалы Всероссийской научно-практической очно-заочной конференции. Брянск, 2024. С. 343-350.
4. Нежурина Е.В. Теория социального обмена Дж. Хоманса как ключевой аспект в деятельности предприятий // В сборнике: Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2020). Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием. Москва, 2020. С. 256-260.
5. Сапсон П.А., Рудко Е.А. Теория социального обмена Дж. Хоманса // В книге: Тезисы докладов 56-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов. Тезисы докладов. Витебск, 2023. С. 8-9.
6. Сижанова Н.И. Теория социального обмена в современном глобальном мире // В сборнике: Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2020. С. 239-242.
7. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82-91.
8. Шульгина Т.А. Современные подходы реализации теории социального обмена // Коллекция гуманитарных исследований. – 2022. – № 1 (30). – URL: www.j-chr.com.

9. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. – М.: URSS, 2025. – 224 с.

10. «Норникель» (Официальный сайт). URL: <https://nornickel.ru/sustainability/?ysclid=mocybqyy1c807472849>.

11. Сбер действует. URL: <https://www.sbergaem-vmeste.ru/publications/opublikovan-otchyot-sbera-po-ustoichivomu-razvitiyu-za-2024-god?ysclid=mocye70z37539758073>.

MAMMADOVA Saadet Ismiali kyzy

Graduate Student, Russian New University, Russia, Moscow

THE THEORY OF SOCIAL EXCHANGE AS A BASIS FOR DEVELOPING A BRAND'S SOCIAL RESPONSIBILITY STRATEGY

Abstract. *The article discusses the theory of social exchange (CSR) as a basis for developing a brand social responsibility strategy. CSR is interpreted as a system of mutually beneficial relations between the company and stakeholders based on the principles of reciprocity and trust. It is shown that the effectiveness of CSR depends on the perception of social value and equity of exchange.*

Keywords: *business social responsibility, theory of social exchange, corporate governance, social investments, marketing strategy.*

МОКАНУ Парасковия
независимый эксперт, Молдова, г. Кишинев

АДАПТАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ К РЕАЛИЯМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОТ ФОРМАЛЬНОГО COMPLIANCE К ГИБРИДНЫМ МОДЕЛЯМ

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации глобальных логистических стандартов к институциональным, инфраструктурным и управленческим реалиям Восточной Европы. Актуальность темы обусловлена тем, что международные логистические стандарты, практики compliance, требования к прозрачности цепей поставок, управлению рисками, качеству сервиса, цифровой прослеживаемости и устойчивому развитию всё активнее внедряются в компаниях, работающих на трансграничных рынках. Однако прямое копирование глобальных моделей не всегда приводит к повышению эффективности, поскольку логистическая среда Восточной Европы характеризуется неоднородностью инфраструктуры, различиями в таможенном регулировании, зависимостью от человеческого фактора, высокой ролью неформальных управленческих практик, нестабильностью внешних условий и разным уровнем цифровой зрелости участников цепей поставок.

Ключевые слова: логистика, Восточная Европа, глобальные стандарты, compliance, цепи поставок, гибридные модели, адаптация, международная логистика, управление рисками, таможенное регулирование, цифровизация, операционная устойчивость.

Адаптация глобальных логистических стандартов к реалиям Восточной Европы является одной из наиболее сложных управленческих задач для компаний, работающих в международных цепях поставок. Формально глобальные стандарты предлагают универсальный язык управления: прозрачность процессов, документируемость операций, контроль рисков, соблюдение требований качества, безопасность поставок, устойчивость, цифровую прослеживаемость и ответственность участников. На уровне концепции такая модель выглядит рациональной и необходимой, поскольку международная логистика не может эффективно работать без сопоставимых процедур, единых требований к документам, предсказуемых правил взаимодействия и понятных механизмов контроля. Однако реальная практика Восточной Европы показывает, что прямое копирование глобальных стандартов не всегда приводит к повышению эффективности. Более того, иногда оно создаёт лишь внешний слой compliance, за которым сохраняются прежние неформальные практики, ручное управление, зависимость от личных договорённостей и постоянная адаптация к нестабильным условиям.

Главная проблема состоит в том, что глобальные логистические стандарты обычно разрабатываются как нормативная и процессная

рамка, рассчитанная на относительно устойчивую институциональную среду. Они предполагают, что участники цепи поставок обладают достаточной цифровой зрелостью, инфраструктура работает предсказуемо, регуляторные требования понятны, данные доступны, а управленческая культура поддерживает дисциплину процедур. В Восточной Европе эти условия часто присутствуют частично и неравномерно. Одни компании работают по международным стандартам и используют современные информационные системы, другие остаются на уровне ручного документооборота, устных согласований и ситуативного решения проблем. Одни транспортные коридоры интегрированы в европейскую инфраструктуру, другие зависят от перегруженных пограничных переходов, различий в таможенных процедурах, состоянии дорог, политических рисков и кадрового дефицита. Поэтому глобальный стандарт, перенесённый без адаптации, может превратиться не в инструмент управления, а в формальную оболочку, которая существует отдельно от операционной реальности.

Формальный compliance возникает там, где компания стремится соответствовать внешним требованиям преимущественно на бумаге. Создаются регламенты, инструкции, чек-листы, отчёты, политики качества, процедуры оценки

поставщиков и документы по управлению рисками, но реальное поведение сотрудников и партнёров меняется слабо. Такая ситуация особенно характерна для организаций, которые вынуждены соблюдать требования международных клиентов, аудитов или сертификаций, но не имеют достаточной управленческой зрелости для их практического внедрения. Внешне система выглядит корректно: документы есть, ответственные назначены, процедуры описаны. Однако при первом серьёзном сбое становится ясно, что решения по-прежнему принимаются вручную, данные не обновляются своевременно, сотрудники не понимают смысла требований, а отклонения закрываются не через системный анализ, а через срочные договорённости и личные связи. Это не compliance в полноценном смысле, а его имитация.

Причина такой имитации не всегда заключается в нежелании компаний работать правильно. Часто она связана с несоответствием между универсальной логикой стандарта и региональными условиями. Восточная Европа исторически развивалась как пространство пересечения разных экономических, правовых и инфраструктурных систем. Здесь рядом существуют европейские требования к прозрачности и качеству, постсоветская управленческая привычка к ручному решению вопросов, национальные особенности таможенного администрирования, разные уровни цифровизации и высокая роль человеческого фактора. В такой среде логистическая операция редко бывает полностью стандартизированной. Она требует не только знания регламента, но и способности быстро интерпретировать ситуацию, находить допустимые обходные решения, согласовывать действия с несколькими участниками и учитывать локальные ограничения. Поэтому попытка управлять исключительно через жёстко зафиксированные глобальные процедуры может снижать гибкость, а не повышать качество.

Однако из этого не следует, что глобальные стандарты бесполезны или что местная специфика оправдывает управленческий хаос. Это другая крайность, не менее опасная. Отказ от стандартов под предлогом «у нас всё работает иначе» ведёт к непрозрачности, повышенным рискам, зависимости от отдельных сотрудников, слабому контролю поставщиков, низкой воспроизводимости процессов и уязвимости при масштабировании. Если каждая проблема решается только через личные контакты и

ситуативные решения, компания становится гибкой в краткосрочном смысле, но хрупкой в долгосрочной перспективе. Уходит ключевой сотрудник – исчезает знание маршрутов и неформальных договорённостей. Меняется регуляторная среда – компания не может быстро доказать соответствие требованиям. Приходит международный клиент – становится видно, что операционная практика не подтверждается документами. Поэтому задача состоит не в выборе между глобальными стандартами и локальной реальностью, а в построении гибридной модели.

Гибридная модель логистического управления предполагает сохранение принципов глобальных стандартов при адаптации инструментов их реализации к условиям конкретного региона. Это означает, что компания не отказывается от прозрачности, контроля рисков, документируемости, качества и безопасности, но внедряет их не механически, а через операционно применимые процедуры. Например, если стандарт требует прослеживаемости груза, важно не просто указать это в политике, а определить, какие данные реально можно собирать на каждом этапе маршрута, кто отвечает за их обновление, какие участники цепи имеют доступ к системе, что делать при отсутствии цифровой интеграции у локального перевозчика и как фиксировать отклонения. Если требуется оценка поставщиков, она не должна ограничиваться формальной анкетой. Нужно учитывать историю выполнения обязательств, устойчивость коммуникации, готовность работать с отклонениями, качество документов, способность соблюдать сроки и прозрачность при проблемных ситуациях.

Особенно важна гибридная логика в таможенной и трансграничной логистике. Глобальные подходы предполагают стандартизацию процедур, развитие доверенных операторов, цифровой обмен данными и снижение административных барьеров. Но на практике трансграничные операции в Восточной Европе могут зависеть от перегрузки пунктов пропуска, изменений в национальном регулировании, различий в трактовке документов, политических ограничений, санкционных режимов, нехватки транспортных мощностей и поведения конкретных участников процесса. В таких условиях формальное наличие процедуры недостаточно. Нужны сценарии действий при отклонениях: альтернативные маршруты, резервные перевозчики, предварительная проверка

документов, регулярный мониторинг регуляторных изменений, распределение ответственности между отделами и быстрая коммуникация с клиентом. Иными словами, compliance должен быть не архивом документов, а рабочим механизмом снижения неопределённости.

Цифровизация также требует адаптации. Международные стандарты всё чаще предполагают прозрачные данные, электронный документооборот, интеграцию систем, мониторинг операций и аналитику рисков. Но в Восточной Европе цифровая зрелость участников цепей поставок неодинакова. Крупная международная компания может использовать ERP, TMS, WMS и аналитические панели, тогда как часть подрядчиков работает через электронную почту, таблицы и мессенджеры. Если требовать от всех участников полного цифрового соответствия сразу, компания может потерять важных локальных партнёров или получить формальную отчётность без реального качества данных. Гибридная модель в этом случае предполагает поэтапную цифровизацию: критические данные должны фиксироваться обязательно, второстепенные процессы могут переходить в цифровой формат постепенно, а для менее зрелых партнёров создаются простые и понятные формы взаимодействия. Главное – не цифровизация ради отчёта, а повышение управляемости цепи поставок.

Отдельное значение имеет человеческий фактор. Глобальные стандарты часто предполагают, что сотрудники будут следовать процедурам потому, что они утверждены. В реальности этого недостаточно. Если люди не понимают, зачем нужна процедура, она превращается в лишнюю бюрократию. Если процедура мешает быстро решить проблему, сотрудники начинают обходить её неформально. Если руководители оценивают только скорость выполнения задач, а не качество соблюдения стандартов, compliance будет проигрывать оперативному давлению. Поэтому адаптация стандартов невозможна без изменения управленческой культуры. Сотрудники должны видеть связь между требованиями стандарта и реальными рисками: задержками, штрафами, потерей клиента, ошибками в документах, претензиями, угрозой безопасности груза. Тогда compliance перестаёт быть внешним принуждением и становится частью профессиональной ответственности.

Восточноевропейская специфика также требует особого отношения к неформальным

практикам. Полностью игнорировать их наивно: в реальной логистике они часто помогают быстро решать проблемы, уточнять информацию, ускорять согласования и компенсировать слабость формальных механизмов. Но делать их основой управления опасно. Гибридная модель должна переводить полезные неформальные знания в формальные процедуры. Если опытный логист знает, какие документы чаще всего вызывают вопросы на конкретном направлении, это должно стать частью чек-листа. Если менеджер знает, какие перевозчики надёжны в кризисных ситуациях, это должно быть отражено в системе оценки подрядчиков. Если команда выработала успешный способ реагирования на задержки, он должен быть описан как стандартный сценарий. Так локальная практика перестаёт быть скрытым ресурсом отдельных людей и становится частью организационной системы.

Переход от формального compliance к гибридной модели требует изменения критерия эффективности. Недостаточно спрашивать, есть ли у компании регламенты и сертификаты. Нужно оценивать, работают ли они в реальных операционных условиях. Эффективный compliance проявляется не в количестве документов, а в способности компании предупреждать риски, быстро выявлять отклонения, доказывать прозрачность действий, сохранять качество сервиса при сбоях и адаптироваться к изменениям без разрушения процесса. Если система стандартов существует только до первого нестандартного случая, она не является рабочей. Если же стандарты помогают команде действовать быстрее, понятнее и безопаснее в сложной ситуации, значит они действительно интегрированы в управление.

Адаптация глобальных логистических стандартов к реалиям Восточной Европы должна строиться не на механическом копировании и не на отказе от международных требований, а на создании гибридных моделей. Такая модель соединяет глобальные принципы прозрачности, безопасности, качества, контроля рисков и ответственности с локальной гибкостью, знанием региональной инфраструктуры, пониманием регуляторных различий и способностью действовать в условиях нестабильности. Формальный compliance создаёт иллюзию порядка, но не гарантирует устойчивости. Полностью ситуативное управление даёт краткосрочную гибкость, но повышает долгосрочные риски. Только гибридный подход позволяет

компаниям Восточной Европы быть одновременно соответствующими международным требованиям и жизнеспособными в реальной операционной среде. Именно в этом переходе – от бумажного соответствия к практической управляемости – заключается ключевое условие конкурентоспособности логистических систем региона.

Литература

1. Гаджинский А.М. Логистика: учебник. – М.: Дашков и К, 2017.

2. Сергеев В.И. Корпоративная логистика. 300 ответов на вопросы профессионалов / под общ. и науч. ред. В.И. Сергеева. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 976 с.

3. Щербаков В.В. [и др.] Логистика и управление цепями поставок: учебник для вузов / под ред. В.В. Щербакова. – М.: Юрайт, 2022. – 582 с.

4. Лукинский В.С., Лукинский В.В., Плетнева Н.Г. Логистика и управление цепями поставок: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. – 359 с.

MOCANU Paraskovia
Independent Expert, Moldova, Chisinau

ADAPTING GLOBAL LOGISTICS STANDARDS TO THE REALITIES OF EASTERN EUROPE: FROM FORMAL COMPLIANCE TO HYBRID MODELS

Abstract. *The article examines the problem of adapting global logistics standards to the institutional, infrastructural and managerial realities of Eastern Europe. The relevance of the topic is due to the fact that international logistics standards, compliance practices, requirements for supply chain transparency, risk management, quality of service, digital traceability and sustainable development are increasingly being implemented in companies operating in cross-border markets. However, direct copying of global models does not always lead to increased efficiency, since the logistics environment in Eastern Europe is characterized by heterogeneous infrastructure, differences in customs regulation, dependence on human factors, a high role of informal management practices, unstable external conditions and different levels of digital maturity of supply chain participants.*

Keywords: *logistics, Eastern Europe, global standards, compliance, supply chains, hybrid models, adaptation, international logistics, risk management, customs regulation, digitalization, operational sustainability.*

ОСИПОВА Валентина Витальевна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

ВНУТРЕННИЙ АУДИТ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СЕРВИСА В ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Аннотация. В условиях динамичного развития рынка общественного питания обеспечение безопасности пищевой продукции и стабильно высокого уровня сервиса становится критическим фактором конкурентоспособности. В данной работе исследуется роль систематического внутреннего аудита в поддержании результативности системы менеджмента безопасности пищевой продукции (СМБПП). Раскрывается многоуровневая структура проверок, включающая оперативный ежедневный мониторинг, периодическую инвентаризацию и комплексную ежегодную верификацию. Особое внимание уделено методологии оценки плана HACCP, классификации внеплановых инспекций, алгоритмам разработки корректирующих действий и требованиям к профессиональной подготовке аудиторов.

Ключевые слова: пищевая безопасность, внутренний аудит, система менеджмента, HACCP, критические контрольные точки, риск-ориентированный подход, качество сервиса, непрерывное улучшение, кадровые компетенции.

Введение

Современная индустрия гостеприимства функционирует в условиях жёсткой рыночной конкуренции, ужесточения регуляторных требований и роста потребительских ожиданий. Посетители заведений общественного питания сегодня оценивают не только вкусовые характеристики блюд, но и прозрачность технологических процессов, санитарную культуру производства, а также эмоциональную составляющую взаимодействия с персоналом. В этой парадигме традиционный контроль качества трансформируется в комплексную систему менеджмента, где безопасность продукции и уровень сервиса выступают взаимосвязанными элементами единой управленческой модели. Центральным механизмом поддержания работоспособности данной системы выступает внутренний аудит, который, в отличие от внешних проверок, носит проактивный характер и направлен на раннее выявление системных отклонений. Цель настоящей публикации – раскрыть архитектуру внутренних проверок на предприятиях питания, продемонстрировать их влияние на результативность СМБПП и обосновать необходимость интеграции аудитов безопасности с программами развития сервисных стандартов.

Управление качеством в сфере общественного питания базируется на процессном подходе и цикле непрерывного улучшения (PDCA) [8]. Современные стандарты, в частности ГОСТ Р ИСО 22000-2019, смещают фокус с реагирования на инциденты на превентивное управление рисками [1]. СМБПП представляет собой документированную совокупность политик, процедур, операционных программ предварительных мероприятий (ОППМ) и плана анализа рисков и критических контрольных точек (HACCP). Её результативность зависит от способности организации своевременно верифицировать соответствие фактических технологических операций утверждённым регламентам [5, с. 74-79].

Внутренний аудит в данном контексте выполняет функцию независимой оценки, обеспечивая подтверждение того, что: программы предварительных условий функционируют в штатном режиме; критические контрольные точки (ККТ) мониторятся с заданной периодичностью; персонал осведомлён о своих обязанностях и владеет необходимыми навыками; документация отражает реальное положение дел; система готова к сертификации и внешним инспекциям [2, с. 249-252]. Важно отметить, что аудит не ограничивается проверкой журналов и чек-листов. Он охватывает анализ

технологических карт, калибровку измерительного оборудования, оценку санитарной культуры помещений и верификацию эффективности корректирующих действий. Таким образом, аудит выступает не как формальная процедура соответствия, а как инструмент управленческой рефлексии, позволяющий руководству принимать обоснованные решения на основе объективных данных [10, с. 180-181].

Система внутреннего контроля на предприятиях питания строится по многоуровневому принципу, где каждая ступень решает специфические задачи и обладает собственной периодичностью [2, с. 249-252]. Наиболее оперативным уровнем является ежедневный мониторинг, который фокусируется на проверке отдельных ККТ и санитарном состоянии производственных зон. В рамках данного этапа осуществляется верификация журналов температурных режимов, контроль концентрации дезинфицирующих растворов, проверка работоспособности холодильного оборудования и визуальная оценка чистоты рабочих поверхностей. Результаты фиксируются в стандартизированных формах, что позволяет оперативно реагировать на отклонения.

Ежемесячный аудит носит более аналитический характер. Его ключевой задачей выступает инвентаризация складских остатков с акцентом на контроль сроков годности, соблюдение принципов FIFO/LIFO, проверку условий хранения сырья и готовой продукции, а также аудит документации по приёму и списанию товаров [2, с. 249-252]. Данный этап позволяет выявить системные тенденции, например, регулярное нарушение температурных режимов на складе или некорректное ведение учётных журналов.

Ежегодная проверка представляет собой комплексную верификацию всей СМБПП. Она проводится в соответствии с утверждённой программой аудитов и охватывает все структурные подразделения, прямо или косвенно влияющие на безопасность продукции [1]. На данном этапе анализируются учётные данные за длительный период, проводится переоценка плана НАССР на предмет достаточности установленных ККТ, пересматриваются критические пределы и механизмы управления рисками. Дополнительно оценивается эффективность программ предупредительных мероприятий, техническое состояние оборудования, уровень подготовки персонала и соответствие документации актуальным нормативным

требованиям. Частота и глубина аудитов корректируются на основе анализа предыдущих проверок, изменений в технологических процессах и результатов внешнего мониторинга [2, с. 249-252].

Эффективность внутреннего аудита напрямую зависит от качества применяемого инструментария. Основным документом ежедневного контроля выступает чек-лист готовности производства, который структурирован по зонам: кладовые сухих продуктов, склады хранения сырья, производственные цеха, мочечные отделения, вспомогательные помещения и зоны хранения инвентаря. Каждый параметр оценивается по бинарной системе («соответствует/не соответствует») с возможностью фиксации корректирующих действий. При выявлении отклонений разрабатываются немедленные меры по их устранению, которые документируются и контролируются в режиме реального времени. Руководитель группы по пищевой безопасности отслеживает выполнение корректирующих действий, а их итоги анализируются в рамках ежегодной верификации [1].

Для оценки технологических процессов и оборудования применяется методика верификации калибровки измерительных приборов, проверки режимов термической обработки, анализа эффективности мойки и дезинфекции, а также тестирования систем вентиляции и освещения [4]. Отдельное внимание уделяется проверке маркировки сырья, соответствия технологических карт фактическим рецептурам и соблюдению правил личной гигиены персоналом.

Внеплановые и внезапные проверки инициируются при получении жалоб потребителей, изменении поставщиков сырья, вводе нового оборудования, технологических инцидентах или в рамках подготовки к сертификации [2, с. 249-252]. Необъявленные аудиты позволяют оценить реальное состояние процессов без предварительной адаптации персонала, что существенно повышает объективность результатов. По итогам таких инспекций может быть принято решение о внеочередном пересмотре плана НАССР, проведении дополнительных тренингов или оптимизации рабочих инструкций [10, с. 180-181].

Ключевым фактором результативности системы внутреннего аудита выступает квалификация и объективность специалистов. Внутренние аудиторы должны соответствовать ряду строгих требований: наличие профильного

высшего образования, практический стаж в отрасли не менее шести месяцев, прохождение специализированной подготовки по методологии аудитов СМБПП, а также организационная независимость от проверяемых подразделений. К личностным и профессиональным качествам относятся: аналитическое мышление, коммуникабельность, стрессоустойчивость, тактичность, умение работать с конфиденциальной информацией и составлять структурированные отчёты [11].

Руководитель аудиторской группы должен владеть навыками системного анализа, интерпретации статистических данных, оценки эффективности процедур и формулирования рекомендаций по оптимизации процессов. Поддержание высокой компетенции аудиторов обеспечивается через регулярные стажировки, участие в отраслевых конференциях, изучение обновлённых нормативных актов и обмен лучшими практиками [7].

Взаимодействие аудиторов с сотрудниками проверяемых подразделений строится на принципах партнёрства. Работники обязаны предоставлять достоверные данные, обеспечивать доступ к документации и производственным зонам, а также участвовать в разработке корректирующих мероприятий. Только при условии взаимного доверия и открытости система аудита трансформируется из формальной процедуры в драйвер непрерывного улучшения [8].

Современный гость воспринимает заведение общественного питания как единое пространство, где безопасность блюд, эстетика подачи, атмосфера и профессионализм персонала неразделимы [3, с. 112-118]. Внутренний аудит, традиционно ориентированный на технологические и санитарные аспекты, должен дополняться оценкой клиентского опыта. Интеграция стандартов безопасности с программами развития сервиса позволяет создать сквозную систему управления качеством, где каждая ККТ верифицируется не только с точки зрения микробиологической безопасности, но и через призму воспринимаемой ценности гостя [6].

Например, чистота столов и посуды, проверяемая в рамках ежедневного аудита, напрямую влияет на эмоциональное восприятие качества обслуживания. Скорость реакции на запросы гостей, компетентность официантов в вопросах состава блюд и аллергенов становятся частью расширенного аудита сервиса [9, с. 34-35]. Методология оценки дополняется

анализом отзывов, мониторингом программ лояльности и статистикой повторных посещений. Таким образом, внутренний аудит трансформируется в многомерный инструмент, обеспечивающий не только соответствие нормативным требованиям, но и формирование устойчивого конкурентного преимущества на рынке [3, с. 112-118].

Заключение

Внутренний аудит выступает фундаментальным элементом системы менеджмента безопасности пищевой продукции, обеспечивая верификацию соответствия, раннее выявление рисков и создание аналитической базы для стратегических решений. Многоуровневая структура проверок, охватывающая оперативный, тактический и стратегический уровни, позволяет поддерживать систему в рабочем состоянии и адаптировать её к изменяющимся условиям рынка. Профессиональная подготовка аудиторов, их независимость и объективность гарантируют достоверность результатов, а интеграция аудитов безопасности с оценкой клиентского опыта формирует целостную экосистему качества. В условиях жёсткой конкуренции и растущих ожиданий потребителей только организации, внедрившие культуру регулярного внутреннего мониторинга и непрерывного улучшения, способны обеспечить долгосрочную устойчивость, минимизировать репутационные риски и сохранить лидерские позиции в индустрии гостеприимства.

Литература

1. ГОСТ Р ИСО 22000-2019 Системы менеджмента безопасности пищевой продукции. Требования к организациям, участвующим в цепи создания пищевой продукции. – М.: Стандартинформ, 2018.
2. Пасько О.В., Федорчукова С.Г. Внутренний аудит как фактор эффективности системы менеджмента безопасности пищевой продукции // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 11. – С. 249-252.
3. Давыдов А.С., Артемова С.Ф. Управление качеством обслуживания в ресторане // Научный журнал Пензенского ГАУ. – 2018. – № 2. – С. 112-118.
4. Габелли Г.К. Система ХАССП на предприятии общепита // Предприятия общественного питания: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2016. – № 11.
5. Пасько О.В., Дусенко С.В. Управление качеством услуг организации питания в

индустрии гостеприимства // Стандарты и качество. – 2016. – № 10. – С. 74-79.

6. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. 15-е изд. – СПб.: Питер, 2020. – 864 с.

7. Смирнов В.Г. Управление качеством в сфере услуг: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2022. – 312 с.

8. ISO 9001:2015. Quality management systems – Requirements. – Geneva: International Organization for Standardization, 2015.

9. Матисон В.А., Китайкин К.В. Оценка качества ресторанных услуг // Пищевая промышленность. – 2009. – № 11. – С. 34-35.

10. Гаврилова Ю.А., Смирнова Н.А. Аудит соответствия системы менеджмента безопасности пищевой продукции мясоперерабатывающего предприятия Омского региона требованиям ГОСТ Р ИСО 22000 // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 4. – С. 180-181.

11. Бухаров И.О., Сокирянский Ф.Л., Ярков С.В. и др. Как эффективно управлять ресторанно-развлекательными предприятиями. – М.: Ресторанные ведомости, 2007. – 506 с.

OSIPOVA Valentina Vitalievna

Student, Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Russia, Moscow

INTERNAL AUDIT AS A STRATEGIC TOOL FOR ENSURING FOOD SAFETY AND IMPROVING THE QUALITY OF SERVICE IN PUBLIC CATERING ENTERPRISES

Abstract. *In the context of the dynamic development of the catering market, ensuring the safety of food products and a consistently high level of service is becoming a critical factor in competitiveness. This paper examines the role of systematic internal audit in maintaining the effectiveness of the food safety management system (FSMS). The multilevel structure of inspections is disclosed, including operational daily monitoring, periodic inventory and comprehensive annual verification. Special attention is paid to the methodology for evaluating the HACCP plan, classification of unscheduled inspections, algorithms for developing corrective actions, and requirements for professional training of auditors.*

Keywords: *food safety, internal audit, management system, HACCP, critical control points, risk-based approach, quality of service, continuous improvement, human resources competencies.*

СЕМИДОЦКАЯ Олеся Станиславовна

магистрантка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОПТИМИЗАЦИЮ УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ В КОРПОРАТИВНОМ СЕКТОРЕ

Аннотация. В статье исследуется современный опыт применения искусственного интеллекта в управлении денежными потоками корпоративного сектора и определяются ключевые факторы, способствующие и препятствующие успешному внедрению этих технологий. Систематизированы направления применения ИИ (прогнозирование ликвидности, автоматизация платежей, оценка рисков контрагентов, оптимизация валютных позиций, выявление аномалий) и оценён их экономический эффект. Выявлены основные драйверы внедрения (технологическая доступность, давление на сокращение издержек, рост точности прогнозов) и барьеры (низкое качество данных, регуляторная неопределённость, организационное сопротивление, дефицит компетенций).

Ключевые слова: искусственный интеллект, управление денежными потоками, корпоративное казначейство, цифровизация финансового менеджмента, прогнозирование ликвидности, факторы внедрения ИИ, барьеры цифровизации, финансовая трансформация.

В условиях макроэкономической нестабильности, ускорения цифровой трансформации и ужесточения требований к финансовой дисциплине эффективное управление денежными потоками становится критическим фактором устойчивости бизнеса. Традиционные методы казначейского планирования, опирающиеся на ретроспективные данные, статические бюджеты и экспертные оценки, всё чаще демонстрируют недостаточную точность в условиях высокой волатильности рынков и усложнения цепочек поставок. В ответ на эти вызовы корпоративный сектор активно интегрирует решения на базе искусственного интеллекта (ИИ), которые обеспечивают прогнозирование ликвидности в режиме реального времени, автоматизацию обработки транзакций и минимизацию кассовых разрывов.

Я. Р. Першин и Е. С. Будкина справедливо отмечают, что: «Современная волна цифровой трансформации экономики и управления кардинальным образом меняет привычный ландшафт корпоративных финансов. Интенсивная диффузия цифровых технологий во все функциональные сферы компаний стимулирует глубинную перестройку инструментов и процессов финансового менеджмента. Возникают новые вызовы и возможности, от адекватной

реакции на которые во многом зависят перспективы устойчивого роста бизнеса в условиях турбулентной неопределённости глобальных рынков. Ключевыми факторами цифровизации финансовой функции компаний выступают экспоненциальный рост объемов и разнообразия финансовых данных, повышение вычислительных мощностей и скорости обмена информацией, развитие инструментов извлечения экономической ценности из массивов больших данных. В этих условиях растёт запрос бизнеса на повышение интеллектуального уровня анализа и моделирования финансовых процессов, проактивности финансового планирования и контроля, персонализации финансовых решений, прозрачности и автоматизации финансовых транзакций» [5, с. 291-298].

Цель исследования – изучить современный практический опыт применения искусственного интеллекта в управлении денежными потоками корпоративного сектора и определить ключевые факторы, способствующие и препятствующие успешному внедрению этих технологий.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили фундаментальные концепции корпоративных финансов, финансового менеджмента и стратегического

управления, а также современные научные подходы к цифровой трансформации экономики и бизнес-процессов.

В ходе работы изучены и критически осмыслены труды ведущих отечественных авторов, раскрывающие сущность, функции и принципы финансового менеджмента. Особое внимание в исследовании уделено работам, посвященным финансовому риск-менеджменту и цифровизации финансовых функций, среди которых следует отметить труды Н. В. Кирилловой [5, с. 291-298], В. А. Лавровой [2, с. 1333-1336], М. В. Наумова [4, с. 50-53], Т. С. Гаспарян [1, с. 1269-1275].

Информационно-эмпирическую основу исследования составили аналитические материалы международных организаций и консалтинговых агентств, нормативно-правовые акты Банка России и Минфина РФ, публичная отчетность.

В процессе исследования применялся комплекс общенаучных методов познания: системный анализ (для изучения взаимосвязей в финансовой экосистеме), синтез и обобщение (для формирования целостной картины внедрения финтех-решений), сравнительный анализ (для сопоставления практик и выявления факторов успеха), а также методы классификации и систематизации эмпирических данных.

Цифровизация финансового менеджмента представляет собой системный процесс трансформации финансовых функций компании на основе интеграции передовых цифровых технологий, перестройки бизнес-процессов и изменения компетенций финансовых специалистов. В научной и прикладной литературе данное явление трактуется многогранно, а цифровизация финансовых отношений рассматривается как глубинная интеграция цифровых инструментов во все процессы, от массовых розничных операций до стратегического финансового менеджмента корпораций и управления государственным бюджетом. При этом «главный результат, на который ориентируется система управления финансовыми ресурсами фирмы за счёт активного и последовательного внедрения цифровых технологий, – снижение потерь и рисков принятия ошибочных решений, негативно влияющих на финансовые

результаты и инвестиционную привлекательность фирмы для окружения» [6].

В отличие от простой автоматизации рутинных операций, цифровизация предполагает фундаментальное переосмысление того, как генерируются, обрабатываются и используются финансовые данные для принятия управленческих решений. В контексте управления денежными потоками такая трансформация реализуется через несколько взаимосвязанных компонентов: развитие технологической инфраструктуры (ИИ-прогнозирование, большие данные, RPA, облачные платформы и API-интеграции), перестройку процессов (замена статических бюджетов скользящими прогнозами, интеграция финансового и операционного планирования, автоматизация контроля лимитов), изменение роли финансовой функции в сторону стратегического бизнес-партнёрства, а также формирование новой цифровой культуры и компетенций персонала. Именно совокупность этих элементов определяет, какие факторы будут способствовать успешному внедрению ИИ в казначейские операции, а какие выступать барьерами, что подробно раскрывается в эмпирической части данного исследования.

Цифровизация становится ключевым императивом развития корпоративных финансов в современных условиях. Ее движущими силами выступают как внешние вызовы цифровой экономики, так и внутренние потребности компаний в повышении эффективности, прозрачности и гибкости финансового менеджмента. Я. Р. Першин и Е. С. Будкина подчеркивают: «Современная волна цифровой трансформации экономики и управления кардинальным образом меняет привычный ландшафт корпоративных финансов. Интенсивная диффузия цифровых технологий во все функциональные сферы компаний стимулирует глубинную перестройку инструментов и процессов финансового менеджмента» [6].

Развивая данную позицию, исследователи разработали и обосновали комплексную модель факторов цифровой трансформации финансового менеджмента (рис. 1), которая систематизирует ключевые драйверы изменений.

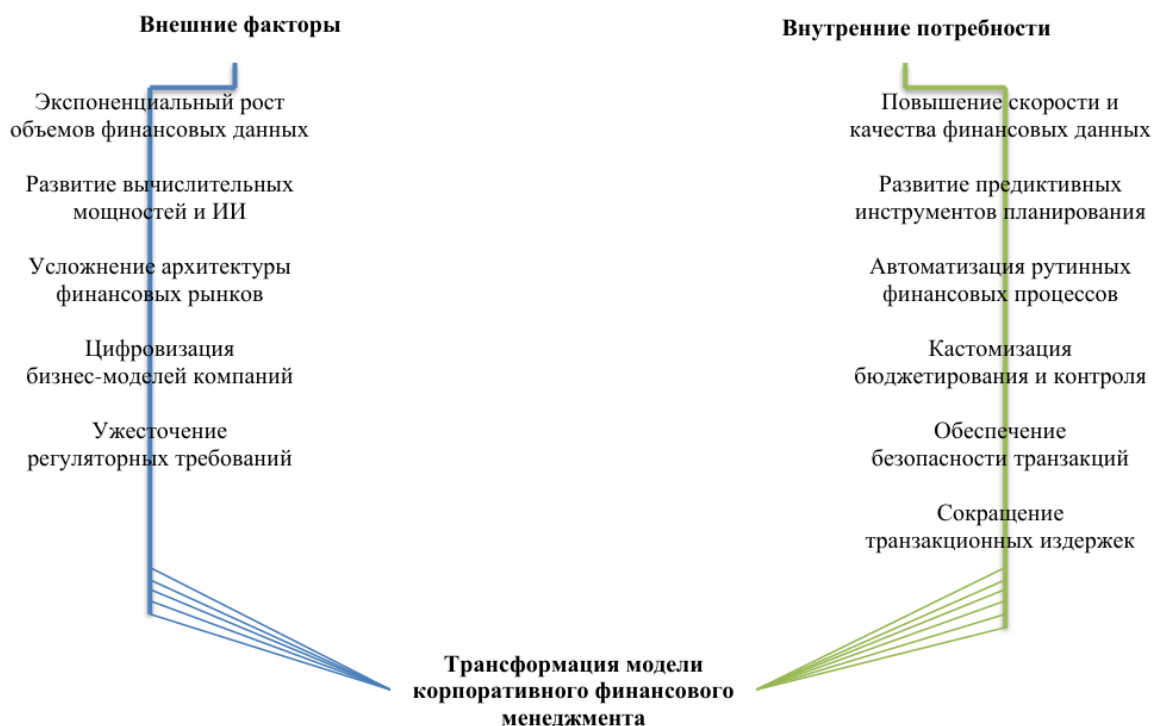

Рис. 1. Факторы цифровой трансформации финансового менеджмента [6]

Представленная система факторов отличается высокой степенью систематизации и точно отражает объективные драйверы изменений. Однако для задач практического внедрения ИИ в управление денежными потоками её целесообразно дополнить двумя взаимосвязанными группами факторов: «Барьеры и ограничения» (качество и фрагментированность данных, регуляторная неопределённость, киберриски, организационное сопротивление изменениям) и «Организационно-кадровые предпосылки» (уровень цифровой зрелости компании, наличие кросс-функциональных команд, готовность топ-менеджмента к инвестициям в трансформацию).

Такое дополнение позволяет обосновать факторы, определяющие успешность внедрения ИИ в процессы финансового менеджмента.

В рамках исследования важно обосновать, какие именно технологии искусственного интеллекта могут быть перспективными и эффективными в контексте управления финансами. Технологии искусственного интеллекта занимают особенное место в процессе цифровизации и обеспечивают переход от автоматизации рутинных процессов к интеллектуальной обработке данных и процессу принятия проактивных управленческих решений.

«Адаптивное управление финансами, поддерживаемое технологиями ИИ и системным анализом, представляет собой значимый шаг в развитии современных финансовых практик.

На каждом этапе этого процесса сбора, анализа и оптимизации финансовых данных, с применением передовых инструментов искусственного интеллекта и машинного обучения, технологии ИИ способствуют решению разнообразных финансовых задач и повышению эффективности управления финансами» [6].

Алгоритмы искусственного интеллекта способны к выявлению скрытых закономерностей в больших массивах данных, при этом данные могут быть как структурированы, так и неструктурированы. Более того современные ИИ способны самообучаться на конкретных ситуациях и примерах и генерировать на их основе прогнозы или рекомендации. В отличие от традиционных статистических моделей, ИИ-решения адаптируются к изменяющимся условиям, учитывают нелинейные зависимости и способны обрабатывать данные в режиме, близком к реальному времени.

М. А. Кузин, обосновывая перспективности применения ИИ в контексте управления денежными потоками организации подчеркивает, что: «ИИ преобразует финансовый ландшафт, предлагая решения для автоматизации обширного спектра процессов – от обработки платежей и анализа кредитных рисков до клиентского обслуживания и управления рисками. Например, применение ИИ в компании Goldman Sachs для автоматизации обработки платежей позволило сократить расходы на 30% и увеличить производительность на 20%.

Аналогично, Bank of America успешно интегрировала чат-ботов на основе ИИ для обслуживания клиентов, что привело к снижению числа телефонных обращений в службу поддержки на 20%» [3].

Применительно к управлению денежными потоками ключевая роль ИИ проявляется в следующих направлениях – таблица.

Таблица

Направления применения ИИ в управлении денежными потоками и их экономический эффект

Направление	Суть применения ИИ	Практический эффект
Прогнозирование ликвидности	Использование машинного обучения для анализа сезонности, макроэкономических индикаторов, поведения контрагентов	Повышение точности краткосрочных и среднесрочных прогнозов на 20–40%, снижение кассовых разрывов
Автоматизация платежей и сверок	RPA + NLP для распознавания назначений платежей, автоматической категоризации и сопоставления транзакций	Сокращение ручного труда финансовых специалистов на 30–60%, ускорение закрытия периода
Оценка рисков контрагентов	Анализ альтернативных данных (новости, соцсети, судебные реестры) для скоринга поставщиков и клиентов	Раннее выявление признаков неплатежеспособности, снижение дебиторской задолженности
Оптимизация валютных позиций	Предиктивные модели для прогнозирования курсовых колебаний и автоматического хеджирования	Минимизация валютных потерь, повышение эффективности казначейских операций
Выявление аномалий и мошенничества	Алгоритмы unsupervised learning для обнаружения нестандартных паттернов в транзакциях	Снижение операционных потерь, усиление внутреннего контроля

Таким образом, ИИ не просто «добавляется» к существующим процессам управления денежными потоками, а трансформирует саму логику принятия финансовых решений: от реактивного реагирования на отклонения – к предиктивному управлению.

По информации CNews, «в 2024 году технологии искусственного интеллекта использовали 5,8% российских коммерческих предприятий и государственных учреждений, то есть каждая 17-я организация. При этом уровень внедрения ИИ заметно различается по отраслям» [9].

Более детальный анализ структуры применения ИИ представлен в исследовании Института статистических исследований и

экономики знаний НИУ ВШЭ. «В 2024 году наиболее востребованными были технологии обработки визуальных данных, включая компьютерное зрение, а также технологии интеллектуальной поддержки принятия решений и управления – их использовали 66% и 50% компаний соответственно» [7].

«Искусственный интеллект может использоваться в различных бизнес-процессах. Свыше половины компаний, работающих с ИИ-технологиями, отметили их применение в маркетинге и продажах, производстве продукции и оказании услуг, управлении персоналом. Значительно реже технологии ИИ востребованы в управлении организацией, обеспечении безопасности, логистике и транспорте» (рис. 2) [7].

Рис. 2. Использование технологий искусственного интеллекта в бизнес-процессах организаций: 2024 (% от числа организаций, использующих технологии ИИ) [7]

Технологии искусственного интеллекта в России применяются преимущественно в операционных бизнес-процессах: маркетинге и продажах (52%), производстве и оказании услуг (51%), управлении персоналом (51%). При этом в стратегически важных и сложных областях, таких как управление организацией, обеспечение безопасности и логистика, уровень внедрения ИИ остаётся низким (15–23%). Это указывает на то, что российский бизнес находится на начальном этапе цифровой трансформации, используя ИИ преимущественно для решения тактических задач с быстрой окупаемостью, тогда как потенциал технологий для стратегического управления и оптимизации комплексных процессов (включая управление денежными потоками) реализован недостаточно.

Рис. 3. Оценка результатов внедрения и использования технологий искусственного интеллекта в организации: 2024 (в % от числа организаций, использующих технологии ИИ) [7]

В сегменте крупного бизнеса наблюдается более высокая активность. «По результатам исследования «Якова и Партнёров» и «Яндекса» под названием «Искусственный интеллект в России – 2025: тренды и перспективы», генеративный ИИ используется хотя бы в одной бизнес-функции уже в 71% крупных компаний» [9]. Это указывает на формирование «цифрового разрыва» между крупным и средним бизнесом, где первые обладают необходимыми ресурсами для экспериментов с передовыми технологиями.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что внедрение искусственного интеллекта в управление денежными потоками корпоративного сектора представляет собой сложный и многогранный процесс, сочетающий значительные возможности с новыми видами рисков. С одной стороны, ИИ открывает перспективы для существенного повышения

По оценкам компаний-пользователей ИИ, в 2024 г. ключевым результатом внедрения стало повышение качества и эффективности бизнес-процессов (около 50% респондентов), а также рост доходов и клиентской базы (свыше 33%). Каждый пятый отметил улучшение производительности труда и качества продукции. При этом ИИ пока слабо влияет на сокращение персонала: лишь 15% организаций зафиксировали снижение численности сотрудников, а 63% не наблюдают такого эффекта. Менее выражены результаты, связанные со снижением себестоимости, повышением безопасности и ускорением вывода продуктов на рынок (рис. 3).

точности прогнозирования ликвидности, автоматизации рутинных операций и снижения операционных издержек, что подтверждается как международными кейсами, так и растущим интересом российского бизнеса к данным технологиям.

Однако одновременно с большими перспективами использовании технологий искусственного интеллекта порождает и ряд рисков и ограничений. В этой связи М. А. Кузин подчеркивает, что: «финансовый сектор, как один из ведущих приемников технологических нововведений, претерпевает заметные трансформации под воздействием ИИ. Этот процесс открывает безграничные возможности для оптимизации операций, повышения эффективности обслуживания клиентов и разработки новаторских продуктов. Однако вместе с перспективами приходят и вызовы, такие как вопросы кибербезопасности, этические дилеммы и

потенциальное увеличение безработицы среди специалистов финансовой сферы» [3].

Таким образом, успешность внедрения ИИ в финансовую деятельность компаний зависит не столько от технологической доступности решений, сколько от способности компаний сбалансировать инновационный потенциал с управлением сопутствующими рисками, развитием кадровых компетенций и адаптацией организационных процессов.

Литература

1. Гаспарян Т.С. Роль цифровизации системы финансового менеджмента в коммерческих организациях / Т.С. Гаспарян, Е.А. Ермакова // Научное обозрение: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 7(107). – С. 1269-1275. – DOI 10.35679/2226-0226-2024-14-7-1269-1275.
2. Кириллова Н.В. Принципы финансового риск-менеджмента факторинговых организаций / Н.В. Кириллова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 12(125). – С. 1333-1336. – DOI 10.34925/EIP.2021.125.12.270.
3. Кузин М.А. Оценка влияния развития искусственного интеллекта на финансовый сектор экономики / М.А. Кузин // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 54.
4. Лаврова В.А. Принципы управления оборотными активами предприятия с точки

зрения финансового менеджмента / В.А. Лаврова // Вестник науки и образования. – 2020. – № 12-3(90). – С. 50-53.

5. Наумов М.В. Проблематика в области организации управления рисками в производственных организациях. Принципы финансового риск-менеджмента / М.В. Наумов // Экономические науки. – 2024. – № 238. – С. 291-298.

6. Першин Я.Р. Цифровизация финансового менеджмента организации: интеграция технологий распределенного реестра и искусственного интеллекта в процессы управления финансами / Я.Р. Першин, Е.С. Будкина // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 6.

7. Применение искусственного интеллекта в российских компаниях. URL: <https://issek.hse.ru/news/1083541394.html> (дата обращения: 23.03.2026).

8. Россия не отстаёт: > 70% компаний используют ИИ, 40% применяют облачные модели. URL: <https://habr.com/ru/companies/bothub/news/974450/> (дата обращения: 23.03.2026).

9. Технологии искусственного интеллекта используют 6% организаций в России. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-12-23_tehnologii_iskusstvennogo (дата обращения: 23.03.2026).

SEMIDOTSKAYA Olesya Stanislavovna

Graduate Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON OPTIMIZING CASH FLOW MANAGEMENT IN THE CORPORATE SECTOR

Abstract. The article examines the current experience of using artificial intelligence in managing the cash flows of the corporate sector and identifies the key factors contributing to and hindering the successful implementation of these technologies. The directions of AI application (liquidity forecasting, payment automation, counterparty risk assessment, optimization of currency positions, identification of anomalies) are systematized and their economic effect is assessed. The main drivers of implementation (technological accessibility, pressure to reduce costs, increased forecast accuracy) and barriers (poor data quality, regulatory uncertainty, organizational resistance, lack of competencies) are identified.

Keywords: artificial intelligence, cash flow management, corporate treasury, digitalization of financial management, liquidity forecasting, AI implementation factors, barriers to digitalization, financial transformation.

СИДОРЕНКО Максим Сергеевич

студент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Высшая школа технологии и энергетики, Россия, г. Санкт-Петербург

*Научный руководитель – доцент Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Высшей школы технологии и энергетики
Шмулевич Татьяна Викторовна*

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ

Аннотация. В статье рассматриваются причины резкого сокращения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в российскую экономику после 2022 года. Авторы анализируют влияние санкций, геополитической напряжённости и фрагментации мировых инвестиционных потоков. Цель работы – обосновать возможность восстановления инвестиционной активности с помощью инструментов «мягкой силы»: культурного влияния, образовательных программ, национального брендинга и цифровой дипломатии. Подчеркивается, что позитивный имидж страны и доверие международных партнёров становятся важными факторами привлечения капитала. В качестве практических направлений предлагаются поддержка диаспор, привлечение иностранных студентов, продвижение русского языка и культурного наследия, а также проведение гуманитарных и экономических форумов. Авторы делают вывод, что сочетание институциональной стабильности, развития инфраструктуры и «мягкой силы» способно повысить инвестиционную привлекательность России в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции (ПИИ), санкционное давление, инвестиционная привлекательность, мягкая сила, национальный брендинг, фрагментация капитала, протекционизм, инвестиционный климат, культурное влияние, цифровая дипломатия.

«Поддержание инвестиционной привлекательности государства необходимо для обеспечения постоянного потока высококачественных и долгосрочных инвестиций в экономику» [4, с. 207]. В условиях санкционного давления, глобального протекционизма и фрагментации мировых потоков капитала Россия сталкивается с вызовами снижения прямых иностранных инвестиций. Цель статьи – исследовать инструменты и стратегии восстановления инвестиционной активности в отечественной экономике, включая роль «мягкой силы» и национального брендинга в формировании доверия у международных партнеров.

С периода, который начался с 2014 года и усилился с 2022 года по сей день, Россия терпит серьезные экономические потери, связанные с уменьшением прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ). Причиной тому является ряд геополитических факторов, которые определяют будущее мира сегодня. Результат анализа исследования И. А. Квашниной демонстрирует, что современные тенденции в мире по отношению к ПИИ уходят в сторону

протекционизма. В период с 2017 по 2019 год годовой приток прямых иностранных инвестиций в Россию еще достигал 21 млрд долларов США, однако к 2022 году этот показатель сократился почти на 98%, составив менее 1 млрд долларов, что является одним из наиболее резких снижений среди всех стран мира. Санкции включали запрет на слияния и поглощения (M&A), блокировку международного финансирования и ужесточение контроля за трансграничными сделками. Влияние этих мер усугубляется технологическим разъединением России с США и Европейским Союзом, где крупные международные корпорации прекратили сотрудничество в стратегических отраслях, таких как полупроводниковая промышленность, производство оборудования и высокотехнологичных решений. При этом Россия, как и другие страны, оказалась вовлечена в процесс глобальной фрагментации потоков ПИИ, где страны адаптируют экономическую политику под национальные интересы и геополитические союзы. Наблюдается тенденция к локализации инвестиций в пределах дружественных

государств и уход от традиционных западных партнеров, что также повлияло на российскую инвестиционную динамику. Падение ПИИ в Россию идет вразрез с ростом их объемов в других развивающихся регионах, таких как Ближний Восток, Азия и Африка, которые, наоборот, демонстрируют увеличение инвестиционной активности. В итоге, в условиях санкционного давления и экономического разъединения, Россия утратила позиции в глобальных инвестиционных потоках [3, с. 61-75].

Современная ситуация с притоком капитала в нашу экономику становится «хронической» тенденцией. Игнорировать экономическую истину, что без постоянного внешнего стимулирования российскую экономику ждет регресс во всех отраслях, потому как теряется конкурентная среда. Учитывая природное ресурсное богатство, Россия не может позволить себе слабость. Именно в этом контексте концепция «мягкой силы» приобретает особую значимость. Понятие «мягкая сила» впервые было сформулировано в 1990 году и отражало способность государств достигать внешнеполитических целей через привлекательность своей культуры, идеологии и социальных институтов. В эпоху глобализации и технологического прогресса, где военная и экономическая «жесткая сила» не всегда применима, на первый план выходят новые подходы к влиянию на международную арену. Принципиальное отличие заключается в том, что «жесткая сила» опирается на принуждение и экономическое доминирование, тогда как «мягкая сила» действует через добровольное принятие ценностей и стиля жизни страны. Основными инструментами «мягкой силы» становятся культурное влияние, продвижение национальных брендов и образовательные программы, а также цифровая дипломатия, социальные сети и гуманитарные проекты. Национальный имидж и брендинг государства играют ключевую роль в формировании доверия у международного сообщества. Позитивный образ страны создается через экспорт культурных ценностей, аутентичные товары и развитие туризма. Для России это означает необходимость демонстрации уникального культурного наследия, современных технологических достижений и приверженности международным правилам. Имидж напрямую влияет на инвестиционную привлекательность: стабильная политическая система, развитая инфраструктура и защищенность прав инвесторов формируют восприятие страны как

надежного партнера. Национальный бренд, построенный на уникальных экономических и культурных предложениях, способен привлекать капитал и трансформировать экономику страны в конкурентоспособный международный центр [1, с. 62-66].

Несмотря на ряд ограничений, которые «сковывают» бизнесменов и страны, которые желают, но в силу санкционного давления не могут вкладывать свои средства в перспективные проекты России, игнорировать подход с «мягкой силой» нельзя. Причиной тому то, что мир меняется постоянно. Россия ведет активную политическую деятельность и даже возглавляет идею придания ему (миру) многополярности и разрушения гегемонии Запада во главе с США. В качестве направлений «мягкой силы» в стратегии России должны выступить русский язык и культурное наследие, которые сохраняют связи с соотечественниками за границей и способствует формированию позитивного восприятия России. Русский язык востребован в странах постсоветского пространства, где он сохраняет статус языка межнационального общения. Культурное наследие – от классической литературы до музыкальных произведений – остается визитной карточкой страны, демонстрируя ее многовековой вклад в мировую цивилизацию. Продвижение российских инициатив на постсоветском пространстве включает создание русскоязычных школ, гуманитарную помощь, а также проведение совместных культурных, экономических и образовательных проектов. В качестве примера можно выделить инструменты «мягкой силы» в России, которые охватывают несколько направлений. Программы поддержки диаспор способствуют сохранению культурных связей, интеграции мигрантов и привлечению инвестиций. Диаспоры активно участвуют в экономических процессах стран проживания и нередко сохраняют деловые связи с Россией. Образование и культурные обмены включают программы, направленные на привлечение иностранных студентов в российские вузы, что укрепляет долгосрочные экономические и культурные связи. Кроме того, гуманитарные и экономические форумы, проводимые на международном уровне, позволяют России заявлять о своей позиции, обмениваться опытом и демонстрировать потенциал для сотрудничества в сферах инвестиций, науки и культуры, укрепляя международное партнерство и многополярную повестку [1, с. 69-70].

«Развитие прямых инвестиций в российскую экономику требует формирования благоприятной среды, инвестиционного климата как комплексной экономической категории» [2, с. 24]. Это предполагает стабильность институциональной среды, защиту прав инвесторов и модернизацию инфраструктуры. В условиях глобальной фрагментации и санкционного давления ключевую роль играет усиление национального брендинга и применение «мягкой силы». Эти меры создадут основу для привлечения долгосрочного капитала, необходимого для устойчивого экономического роста и международной конкурентоспособности России.

Литература

1. Басманов Е.В. «Мягкая сила» как инструмент повышения инвестиционной

привлекательности государств: теория вопроса // Постсоветский материк. – 2024. – № 2 (42). – С. 62-71.

2. Бушина Н.С., Жмакина Н.Д. Инвестиции в экономику российской федерации: проблемы и перспективы привлечения // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2023. – Т. 12. – № 1 (42). – С. 22-25.

3. Квашнина И.А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 3. – С. 61-75.

4. Мелихова М.Н., Сигарев А.В. Повышение инвестиционной привлекательности национальной экономики: отечественный и зарубежный опыт // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 5. – С. 207-213.

SIDORENKO Maxim Sergeevich

Student, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
Higher School of Technology and Energy, Russia, St. Petersburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of St. Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design, Higher School of Technology and Energy
Shmulevich Tatiana Viktorovna*

ATTRACTING INVESTMENT FLOWS TO THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. *The article examines the reasons for the sharp decline in foreign direct investment (FDI) in the Russian economy after 2022. The authors analyze the impact of sanctions, geopolitical tensions, and fragmentation of global investment flows. The aim of the work is to establish the possibility of restoring investment activity using the tools of "soft power": cultural influence, educational programs, national branding and digital diplomacy. It is emphasized that the country's positive image and the trust of international partners are important factors in attracting capital. Practical directions include support for diasporas, attracting international students, promoting the Russian language and cultural heritage, as well as holding humanitarian and economic forums. The authors conclude that the combination of institutional stability, infrastructure development, and "soft power" can enhance Russia's investment attractiveness in the new geopolitical environment.*

Keywords: *foreign direct investment (FDI), sanctions pressure, investment attractiveness, soft power, national branding, capital fragmentation, protectionism, investment climate, cultural influence, digital diplomacy.*

ПЕДАГОГИКА

Dong Yufei

Master's Student, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Scientific Advisor – Senior Lecturer at the Al-Farabi Kazakh National University
Barystanova Elmira Temirkhanovna

COMPARATIVE ANALYSIS OF MINOR LANGUAGE (JAPANESE) CURRICULUM CONSTRUCTION AND TEACHING MANAGEMENT IN CHINESE AND KAZAKH UNIVERSITIES

Abstract. *This paper presents a comparative analysis of Japanese language curriculum design and teaching management in higher education institutions of China and Kazakhstan. Drawing on documentary analysis and institutional case studies, the study identifies structural differences in program design, pedagogical approaches, and quality assurance mechanisms. The findings reveal that Chinese universities benefit from a mature institutional framework, while Kazakh universities demonstrate flexibility and internationalization potential that could be developed through bilateral cooperation.*

Keywords: *Japanese language education, curriculum construction, teaching management, Chinese universities, Kazakh universities, minor language programs, comparative education.*

Introduction

In the context of accelerating globalization and the deepening of regional economic cooperation, multilingual competence has become a strategic asset for nations seeking to broaden their diplomatic, economic, and cultural ties. Japanese, as one of the major languages of East Asia, occupies a distinctive position in the foreign language education systems of both China and Kazakhstan. In China, Japanese is the second most studied foreign language after English and enjoys a long institutional history supported by robust governmental policy. In Kazakhstan, by contrast, Japanese language education remains a relatively young and small-scale endeavor, yet one that is steadily gaining momentum as the country pursues diversified international partnerships under its multi-vector foreign policy.

Despite the growing importance of Japanese language education in both countries, systematic comparative studies examining how Chinese and Kazakh universities design their Japanese curricula and manage their teaching processes remain scarce. Most existing scholarship focuses on either the Chinese context or the Japanese language

education landscape in Central Asia in isolation, without drawing cross-national comparisons that could illuminate best practices and areas for mutual learning. This gap is particularly noteworthy given that both countries share certain structural conditions: they are non-Anglophone nations with distinct dominant languages, both classify Japanese as a minor foreign language, and both have intensified their engagement with Japan through trade agreements, scholarship programs, and cultural exchange initiatives in recent years.

The present study aims to bridge this gap by conducting a comparative analysis of Japanese language curriculum construction and teaching management in representative Chinese and Kazakh universities. The paper addresses three research questions: (1) How do the two countries' institutional frameworks for minor language education shape the structure and content of Japanese programs? (2) What similarities and differences exist in pedagogical approaches, resource allocation, and assessment practices? (3) What lessons can be drawn for improving the quality of Japanese language teaching in both national contexts? From the perspective of educational psychology,

understanding how different institutional environments, curriculum designs, and management practices influence learner motivation, cognitive load, and learning outcomes is essential for developing evidence-based approaches to language education policy [11, p. 89].

Literature Review

The study of foreign language education policy and curriculum design has a rich international tradition. Scholars have long recognized that curriculum decisions are not merely technical but are shaped by political, economic, and sociocultural forces [1, p. 34]. Within this broader field, the teaching of less commonly taught languages – sometimes referred to as minor languages or critical languages – has received growing attention, particularly in the wake of geopolitical shifts that have created demand for linguistic expertise beyond English [7, p. 56].

In China, research on Japanese language education has expanded considerably since the early 2000s. Scholars have documented the rapid growth of Japanese departments across Chinese universities, noting that the number of institutions offering Japanese as a major exceeded 500 by the early 2020s [3, p. 46]. Studies have examined curriculum reform efforts, the integration of business Japanese and translation-oriented tracks, and the challenges of maintaining teaching quality amid enrollment expansion [9, p. 79]. The Chinese Ministry of Education's national standards for foreign language majors, published in 2018, have provided a reference framework for Japanese curriculum design, specifying competency requirements across linguistic knowledge, intercultural communication, and critical thinking [4].

Research on Japanese language education in Kazakhstan and the broader Central Asian region is considerably less developed. Existing studies tend to be descriptive, focusing on the establishment of Japanese programs at institutions such as Al-Farabi Kazakh National University and the Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages [5, p. 115]. The Japan Foundation's periodic surveys of overseas Japanese language education provide useful quantitative data on learner numbers, institutional settings, and teacher profiles, but offer limited insight into curricular design and management practices [2]. Some scholars have examined the role of Japan's official development assistance in

supporting Japanese language education in Central Asia [6, p. 702], while others have discussed the motivational profiles of Kazakh learners of Japanese [8, p. 515].

From an educational psychology standpoint, research on second and third language acquisition suggests that multilingual learners employ distinct cognitive strategies compared to monolingual learners of a foreign language [11, p. 89]. This finding is particularly relevant to the Kazakh context, where students typically acquire Japanese as a third or fourth language. Studies on learner motivation in minor language programs further indicate that instrumental and integrative motivational orientations may differ significantly across national and institutional contexts [12, p. 204], underscoring the need for comparative analysis. Comparative studies bridging the Chinese and Kazakh contexts remain extremely limited, and this paper draws on the conceptual framework of comparative curriculum studies [10, p. 205].

Methodology

This study employs a qualitative comparative research design. Data were collected through documentary analysis of official curriculum documents, syllabi, and institutional regulations from selected Chinese and Kazakh universities offering Japanese language programs. The Chinese sample includes program documents from three representative institutions: Beijing Foreign Studies University, Dalian University of Foreign Languages, and Shanghai International Studies University, selected for their recognized strength in Japanese language education. The Kazakh sample draws on materials from Al-Farabi Kazakh National University and Ablai Khan University of International Relations and World Languages, the two leading institutions for Japanese studies in Kazakhstan.

Supplementary data were obtained from publicly available reports by the Japan Foundation, the Chinese Ministry of Education, and the Kazakhstan Ministry of Science and Higher Education. The analysis follows a structured comparative framework organized around four dimensions: institutional framework and program structure, pedagogical approaches and teaching resources, teaching management and quality assurance, and internationalization and exchange mechanisms. Figure presents the overall research framework of this study.

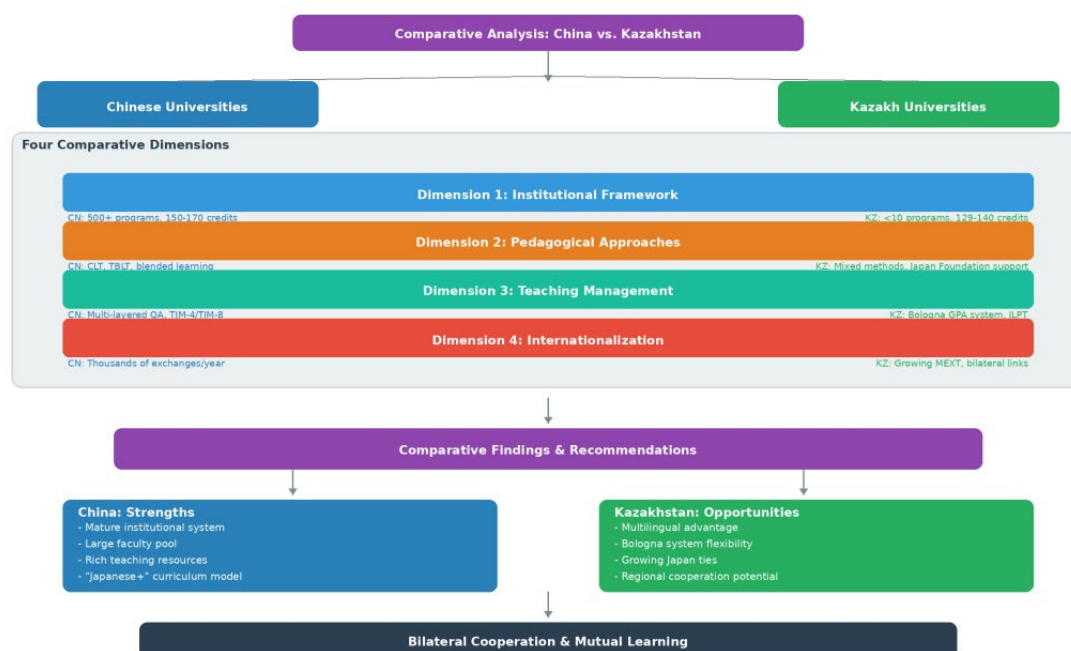

Fig. Comparative Research Framework for Japanese Language Programs

The limitations of this study should be acknowledged. The reliance on documentary sources means that the implemented and attained curriculum dimensions are addressed less thoroughly than the intended curriculum. Future research incorporating classroom observation, teacher interviews, and student surveys would provide a more comprehensive picture.

Institutional Framework and Program Structure

Chinese Universities

Japanese language education in China operates within a highly structured institutional framework governed by national educational policy. The Ministry of Education classifies foreign languages into commonly taught languages (primarily English) and uncommonly taught or minor languages, a category that includes Japanese, Korean, French, German, Russian, Spanish, Arabic, and others. Despite this classification, Japanese occupies a privileged position among the minor languages due to geographic proximity, historical ties, and the scale of Sino-Japanese economic relations.

Chinese universities offering Japanese programs typically do so within dedicated departments of Japanese language and literature or within broader schools of foreign languages. Programs are offered at both the undergraduate level (four-year bachelor's degree) and the graduate level (master's and doctoral degrees). The undergraduate curriculum follows a progressive structure: the first two years focus on foundational language skills including phonetics, grammar,

reading, listening, and speaking, while the third and fourth years introduce specialized courses such as Japanese literature, linguistics, translation and interpretation, business Japanese, and Japanese culture [3, p. 48]. Most programs require students to pass the JLPT at N2 or N1 level before graduation. Credit allocation ranges from 150 to 170 total credits, with language skill courses accounting for approximately 60 to 70 percent [4]. A notable trend is the "Japanese plus" (Riyu+) curricula combining Japanese language training with expertise in fields such as international trade or information technology [9, p. 81].

Kazakh Universities

In Kazakhstan, Japanese language education is embedded within a different institutional architecture shaped by the Bologna Process reforms adopted in the late 2000s. The country's higher education system uses a three-cycle degree structure (bachelor's, master's, doctoral), and curriculum design follows a credit-based system where one Kazakh credit equals approximately 30 hours of total student workload. Japanese is offered at a limited number of institutions, primarily within departments of Oriental or Asian studies, with fewer than ten institutions having dedicated programs [5, p. 116].

The undergraduate curriculum follows national state educational standards prescribing general education courses (history of Kazakhstan, philosophy, information technology), core professional courses, and elective courses. Japanese language skill courses occupy the professional core, while

elective offerings may include Japanese history, culture, and economics. Due to smaller program sizes and limited faculty resources, the range of specialized courses is narrower than in Chinese institutions. A distinctive feature is the multilingual educational environment: students typically

possess Kazakh and Russian proficiency before university, and many programs require English alongside Japanese, creating implications for cognitive load management and metalinguistic awareness [11, p. 92].

Table

Structural Comparison of Japanese Programs

Parameter	Chinese Universities	Kazakh Universities
Institutions offering Japanese major	Over 500	Fewer than 10
Degree levels	Bachelor’s, Master’s, Doctoral	Bachelor’s, Master’s
Total undergraduate credits	150–170	129–140 (Kazakh credits)
Language skills share of curriculum	60–70%	45–55%
Program affiliation	Dept. of Japanese Lang. & Lit.	Dept. of Oriental/Asian Studies
External proficiency exam	JLPT N2/N1, TJM-4/TJM-8	JLPT (recommended)
Students’ prior languages	Mandarin Chinese, English	Kazakh, Russian, English
Specialized course offerings	Extensive	Limited

Pedagogical Approaches and Teaching Resources

Teaching Methods

Chinese universities have developed a relatively mature pedagogical tradition in Japanese language teaching. The dominant approach has historically been grammar-translation, reflecting both the influence of Chinese pedagogical traditions and the structural similarities between Chinese and Japanese writing systems, particularly the shared use of kanji. However, the past two decades have seen a gradual shift toward communicative language teaching, task-based language teaching, and blended learning approaches [3, p. 50]. Many institutions now incorporate multimedia materials, online learning platforms, and native-speaker conversation classes. The educational psychology literature suggests that such diversified approaches better accommodate individual differences in learning styles and cognitive processing preferences [12, p. 210].

In Kazakhstan, pedagogical approaches vary more widely across institutions. Some instructors trained in Japan employ communicative and proficiency-oriented approaches, while others from the post-Soviet linguistic tradition rely more heavily on structural and grammar-based methods. The Japan Foundation’s teacher training programs and textbook provision, notably the Marugoto and Minna no Nihongo series, have been influential in shaping pedagogical practice [2].

Teaching Staff and Materials

A significant difference lies in the scale and qualifications of the teaching force. Chinese universities collectively employ thousands of Japanese language teachers, many with doctoral

degrees from Chinese or Japanese universities, supported by a national academic community with professional associations, journals, and conferences [9, p. 82]. Kazakh universities face more acute challenges in teacher recruitment, with the total number of qualified instructors limited and some programs depending heavily on visiting Japanese instructors from the Japan Foundation or JICA programs [5, p. 118].

Chinese publishers produce a wide array of domestically tailored Japanese language textbooks aligned with national teaching standards, supplemented by online platforms and corpus-based learning tools. In Kazakhstan, reliance on imported textbooks from Japan and Russia is more pronounced, and the development of locally produced resources accounting for Kazakh learners’ specific linguistic backgrounds remains limited [12, p. 215].

Teaching Management and Quality Assurance

In Chinese universities, teaching management for Japanese programs is handled through a multi-layered system involving the university’s academic affairs office, the college of foreign languages, and the departmental teaching committee. Regular teaching evaluations, classroom inspections, peer observation, and student feedback surveys are standard practices. Many institutions also participate in external quality assessments conducted by the Ministry of Education [4]. Assessment combines mid-term and final examinations, oral proficiency tests, and standardized external instruments including the JLPT and the national TJM-4 and TJM-8 examinations [3, p. 51].

Kazakh universities have adopted quality

assurance mechanisms reflecting both Soviet-era traditions and Bologna Process standards. Internal QA involves departmental self-assessments, teaching portfolio reviews, and student evaluations. External accreditation is conducted by independent agencies. For small programs such as Japanese, the QA process may be less robust than for larger departments [5, p. 119]. Assessment follows the GPA system with continuous assessment and final examinations. The JLPT serves as the primary external benchmark, though testing site availability within the country is limited. The Chinese system emphasizes standardized, norm-referenced evaluation, while the Kazakh system places greater weight on criterion-referenced continuous assessment [11, p. 95].

Both countries have developed exchange programs with Japanese universities, though at different scales. Chinese universities send thousands of students to Japan annually through government-funded scholarships, institutional agreements, and self-funded programs [10, p. 208]. Kazakh universities participate through MEXT scholarships and Japan Foundation fellowships on a smaller scale. Al-Farabi Kazakh National University and several other institutions have established direct partnerships with Japanese universities, but geographic distance and higher travel costs present additional challenges [6, p. 710].

Comparative Discussion

The comparison reveals several key patterns meriting discussion from both pedagogical and educational psychology perspectives. First, scale and institutional maturity represent the most fundamental difference. China's Japanese language education ecosystem is vastly larger and more developed, benefiting from decades of investment, a large population base, and deep economic ties with Japan. Kazakhstan's programs, while growing, remain small-scale and more dependent on external support. This disparity has cascading effects on curriculum breadth, faculty specialization, and peer learning communities.

Second, curriculum structure reflects broader systemic differences. Chinese programs follow a specialized model in which students major exclusively in Japanese from year one, allowing intensive and sustained skill development. Kazakh programs, shaped by the Bologna system's emphasis on breadth, require a substantial proportion of general education courses, potentially reducing language learning hours. The educational psychology literature on deliberate practice and time-on-task suggests that the Chinese model's greater

concentration of hours may produce more rapid proficiency gains, though the Kazakh model's broader curriculum may foster more transferable cognitive skills [11, p. 97].

Third, the multilingual context of Kazakh higher education creates both opportunities and challenges. Students who are already bilingual in Kazakh and Russian may possess enhanced metalinguistic awareness facilitating additional language learning [8, p. 520]. However, the cognitive demands of managing four or more languages may create competition for learning time and attention. Fourth, both countries face shared challenges in adapting to digital transformation of language education, incorporating intercultural competence and critical thinking, and preparing students for diverse career paths beyond translation and teaching.

Conclusion

This comparative analysis has demonstrated that Chinese and Kazakh universities approach Japanese language curriculum construction and teaching management from different institutional starting points and with different resource endowments, yet face a number of convergent challenges in an era of rapid educational change. China's mature and large-scale system offers valuable models in curriculum design, quality assurance, and teacher development, while Kazakhstan's flexible and multilingual educational environment provides a distinctive context for innovation in minor language pedagogy. The educational psychology perspective adopted in this study highlights the importance of attending to learner characteristics, motivational dynamics, and cognitive processes when designing and evaluating language education programs.

By learning from each other's experiences and establishing closer bilateral cooperation, universities in both countries can enhance the quality and relevance of their Japanese language programs, ultimately contributing to the broader goal of fostering multilingual talent for an interconnected world. Future research should extend this comparative framework through empirical data collection, including classroom observation, learner interviews, and longitudinal tracking of student outcomes, to deepen understanding of how institutional structures translate into lived educational experiences.

References

1. Doerr N.M., Lee K. Constructing the heritage language learner: Knowledge, power, and new

subjectivities. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. – 280 p.

2. Japan Foundation. Survey report on Japanese language education abroad 2021. – Tokyo: The Japan Foundation, 2023. – 156 p.

3. Li Y. Reform and development of Japanese language education in Chinese universities // Foreign Language World. – 2020. – No. 3. – P. 45-52.

4. Ministry of Education of the PRC. National standards for the teaching quality of undergraduate foreign language majors. – Beijing: Higher Education Press, 2018. – 320 p.

5. Nurgaliyeva S.A. Japanese language education in Kazakhstan: Current state and perspectives // Bulletin of KazNU: Oriental Studies Series. – 2019. – Vol. 87, No. 2. – P. 114-121.

6. Osaki S. Central Asia and Japan: Language education as soft power // Asian Survey. – 2021. – Vol. 61, No. 4. – P. 698-720.

7. Phan L.H. Transnational education crossing Asia and the Pacific. – London: Routledge, 2017. – 245 p.

8. Rakhimzhanov K., Tanaka M. Multilingual education and Japanese language learning in post-Soviet Central Asia // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2022. – Vol. 43, No. 6. – P. 512-527.

9. Wang J. Curriculum design for Japanese majors in Chinese universities: Challenges and innovations // Modern University Education. – 2019. – No. 5. – P. 78-85.

10. Zheng H., Yamamoto T. Comparative study of Japanese language education in East and Central Asia // International Journal of Applied Linguistics. – 2021. – Vol. 31, No. 2. – P. 203-219.

11. Cenoz J. The effect of linguistic distance, L2 status and age on cross-linguistic influence in third language acquisition // Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – P. 8-20.

12. Dörnyei Z. The psychology of the language learner: Individual differences in second language acquisition. – Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2005. – 270 p.

Донг Юфей

магистрант,

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Научный руководитель – старший преподаватель

Казахского национального университета имени Аль-Фараби

Барыстанова Эльмира Темирхановна

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (ЯПОНСКОМУ) И УПРАВЛЕНИЯ ПРЕПОДАВАНИЕМ В КИТАЙСКИХ И КАЗАХСТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Аннотация. В данной статье представлен сравнительный анализ разработки учебных программ по японскому языку и управления преподаванием в высших учебных заведениях Китая и Казахстана. На основе анализа документации и институциональных кейсов в исследовании выявлены структурные различия в разработке программ, педагогических подходах и механизмах обеспечения качества. Полученные результаты показывают, что китайские университеты выигрывают от развитой институциональной базы, в то время как казахстанские университеты демонстрируют гибкость и потенциал интернационализации, которые могут быть развиты в рамках двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: обучение японскому языку, разработка учебных планов, управление преподаванием, китайские университеты, казахстанские университеты, второстепенные языковые программы, сравнительное образование.

Hu Ruohan

Doctoral Student, Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, Almaty

SELF-REGULATED LEARNING AS A PROTECTIVE FACTOR FOR ADOLESCENT PSYCHOLOGICAL ADJUSTMENT IN AI-ENHANCED LEARNING ENVIRONMENTS: AN EMPIRICAL STUDY

Abstract. *This study investigates the role of self-regulated learning (SRL) as a protective factor for adolescent psychological adjustment within artificial intelligence (AI)-enhanced educational settings. A cross-sectional survey of 387 adolescents (aged 13–17) was conducted using validated instruments measuring SRL strategies, psychological well-being, academic stress, and AI learning tool engagement. Structural equation modeling revealed that SRL significantly mediated the relationship between AI learning environment characteristics and psychological adjustment outcomes. The findings suggest that cultivating self-regulation competencies can buffer adolescents against the psychological risks associated with intensive technology-mediated learning.*

Keywords: *self-regulated learning, psychological adjustment, artificial intelligence, adolescents, learning environment, academic stress, well-being.*

Introduction

The rapid integration of artificial intelligence (AI) technologies into educational practice has fundamentally transformed the learning landscape for adolescents worldwide [1, p. 23]. AI-powered adaptive learning platforms, intelligent tutoring systems, and automated feedback mechanisms are increasingly prevalent in secondary education, promising personalized learning trajectories and enhanced academic outcomes [2, p. 145]. However, alongside these benefits, concerns have emerged regarding the psychological impact of intensive technology-mediated learning on developing adolescents [3, p. 67].

Adolescence represents a critical developmental period characterized by significant cognitive, emotional, and social transformations [4, p. 89]. During this stage, individuals develop essential capacities for self-regulation, identity formation, and autonomous functioning that shape their subsequent psychological trajectories. The introduction of AI-driven learning environments into this developmental context raises important questions about how such technologies interact with adolescents' psychological adaptation processes.

Self-regulated learning (SRL) has been identified as a key metacognitive competency that enables learners to actively manage their cognitive, motivational, and behavioral processes during learning activities [5, p. 34]. Zimmerman's cyclical model of self-regulation posits that effective learners engage in forethought (goal setting, strategic planning), performance control (self-

monitoring, strategy implementation), and self-reflection (self-evaluation, adaptive adjustment) [5, p. 56]. Research has consistently demonstrated that higher levels of SRL are associated with improved academic performance and greater psychological well-being across diverse educational contexts [6, p. 201].

Despite growing research on both AI in education and adolescent self-regulation, relatively few studies have examined how SRL functions as a potential protective mechanism within AI-enhanced learning environments specifically [7, p. 78]. This gap is particularly significant given that AI learning tools can simultaneously support and undermine autonomous self-regulatory processes depending on their design and implementation [8, p. 156]. On one hand, AI systems that provide scaffolded feedback and adaptive challenges may reinforce SRL development; on the other, systems that automate learning decisions may diminish adolescents' opportunities to practice self-regulation skills.

The present study addresses this gap by examining self-regulated learning as a protective factor for psychological adjustment among adolescents learning in AI-enhanced environments. Specifically, we investigate: (1) the relationship between AI learning environment characteristics and adolescent psychological adjustment; (2) the mediating role of SRL in this relationship; and (3) whether SRL moderates the association between AI tool usage intensity and psychological distress indicators.

Literature review

AI learning environments and adolescent well-being

The proliferation of AI-based educational technologies has generated a growing body of research examining their effects on learner outcomes. Holmes, Bialik, and Fadel [1, p. 45] provided a comprehensive framework for understanding how AI technologies reshape educational experiences, identifying both opportunities for personalization and risks of excessive technological dependence. Luckin and colleagues [9, p. 89] demonstrated that AI tutoring systems can significantly improve subject-specific performance, yet noted that sustained engagement with such systems was associated with elevated levels of academic anxiety in a subset of adolescent learners.

Psychological adjustment in educational contexts encompasses multiple dimensions, including subjective well-being, academic stress perception, emotional regulation, and social connectedness [10, p. 112]. Research has shown that technology-intensive learning environments can both enhance and compromise these dimensions. Selwyn [11, p. 167] argued that uncritical adoption of educational technologies frequently overlooks their potential to exacerbate existing inequalities and psychological vulnerabilities. More recently, longitudinal data from the OECD Programme for International Student Assessment [12, p. 45] indicated that moderate use of digital learning tools was associated with optimal well-being outcomes, while both low and high usage patterns predicted reduced psychological adjustment.

Self-regulated learning: theoretical foundations

Self-regulated learning theory provides a robust framework for understanding how learners actively manage their engagement with learning tasks [5, p. 78]. Pintrich's [13, p. 453] model identifies four phases of SRL—forethought, monitoring, control, and reflection—operating across cognitive, motivational, behavioral, and contextual domains. This multidimensional conceptualization is particularly relevant to AI-enhanced learning environments, where learners must navigate complex technological interfaces while simultaneously managing their cognitive and emotional resources.

Recent research has extended SRL theory to technology-mediated contexts. Azevedo and colleagues [14, p. 234] developed the concept of “metacognitive regulation in hypermedia” to describe how learners deploy self-regulatory strategies when interacting with complex digital learning

environments. Their work demonstrated that learners who engaged in more sophisticated metacognitive monitoring and evaluation strategies achieved deeper conceptual understanding and reported lower levels of cognitive overload.

SRL as a protective factor

The conceptualization of SRL as a protective factor draws on resilience theory, which identifies internal resources that buffer individuals against adverse outcomes in challenging circumstances [15, p. 89]. In educational contexts, Duckworth and Seligman [16, p. 112] demonstrated that self-regulatory capacities predicted academic success and psychological well-being more reliably than cognitive ability alone. Subsequent meta-analytic reviews confirmed that SRL skills are significantly associated with reduced academic stress, lower rates of burnout, and enhanced psychological adjustment across developmental stages [6, p. 345].

Within technology-mediated learning specifically, Broadbent and Poon [17, p. 67] found that time management, metacognitive strategies, and effort regulation—core components of SRL—significantly predicted academic achievement and emotional well-being in online learning contexts. However, their review also noted that the protective function of SRL may vary depending on the specific technological features of the learning environment. This finding underscores the need for research examining SRL within the distinctive context of AI-enhanced learning, where the technology itself may actively shape the conditions under which self-regulation operates.

Research methodology

Participants and procedure

The sample comprised 387 adolescents (207 female, 180 male) aged 13–17 years ($M = 15.2$, $SD = 1.34$) recruited from six secondary schools in Almaty, Kazakhstan. All participants had been using AI-enhanced learning platforms (such as adaptive mathematics software or AI-powered language learning applications) for a minimum of three months as part of their regular educational program. Informed consent was obtained from both participants and their parents or legal guardians. The study received ethical approval from the Institutional Review Board of Abai Kazakh National Pedagogical University.

Data were collected through an online survey administered during scheduled class periods under the supervision of trained research assistants. The survey was available in both Kazakh and Russian languages, and all instruments were subjected to rigorous forward-backward translation procedures

with subsequent piloting to ensure cross-cultural validity.

Instruments

Self-Regulated Learning. SRL was assessed using the Motivated Strategies for Learning Questionnaire (MSLQ) [18, p. 801], adapted for adolescent populations and technology-mediated learning contexts. The adapted instrument comprised 44 items across six subscales: intrinsic goal orientation ($\alpha = 0.82$), extrinsic goal orientation ($\alpha = 0.78$), task value ($\alpha = 0.85$), self-efficacy for learning ($\alpha = 0.89$), metacognitive self-regulation ($\alpha = 0.84$), and effort regulation ($\alpha = 0.76$). Items were rated on a 7-point Likert scale ranging from 1 (not at all true of me) to 7 (very true of me).

Psychological Adjustment. Psychological adjustment was measured using the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ) [19, p. 3], which assesses five dimensions: emotional symptoms, conduct problems, hyperactivity/inattention, peer relationship problems, and prosocial behavior. The total difficulties score (excluding prosocial behavior) was used as the primary indicator of psychological maladjustment ($\alpha = 0.81$), while the prosocial behavior subscale and an additional well-being supplement served as indicators of positive adjustment.

Academic Stress. The Academic Stress Questionnaire (ASQ) [20, p. 156] was employed to measure perceived academic pressure across four domains: workload stress, examination anxiety, self-expectation stress, and despondency ($\alpha = 0.88$). Respondents rated 20 items on a 5-point scale from 1 (never) to 5 (always).

AI Learning Environment Engagement. A purpose-designed questionnaire assessed the

frequency, duration, and perceived quality of interaction with AI-based learning tools. This instrument included 15 items measuring three dimensions: usage intensity (hours per week spent using AI tools), perceived usefulness of AI feedback, and perceived autonomy within AI learning environments ($\alpha = 0.83$).

Data analysis

Data were analyzed using structural equation modeling (SEM) with maximum likelihood estimation in Mplus version 8.6. The hypothesized model specified AI learning environment characteristics as exogenous variables, SRL as a mediating variable, and psychological adjustment indicators as endogenous variables. Model fit was evaluated using standard criteria: chi-square test, Comparative Fit Index ($CFI > 0.95$), Tucker-Lewis Index ($TLI > 0.95$), Root Mean Square Error of Approximation ($RMSEA < 0.06$), and Standardized Root Mean Square Residual ($SRMR < 0.08$) [21, p. 234]. Indirect effects were tested using bootstrapping with 5,000 resamples to generate 95% bias-corrected confidence intervals. Additionally, multi-group analysis was conducted to examine potential moderation by gender and age group.

Results

Descriptive statistics and correlations

Table presents the descriptive statistics and bivariate correlations among study variables. SRL total scores were normally distributed ($M = 4.52$, $SD = 0.87$, skewness = -0.23 , kurtosis = -0.18). Psychological adjustment total difficulties scores ranged from 2 to 31 ($M = 12.45$, $SD = 5.67$), consistent with community norms for adolescent populations. AI tool usage intensity averaged 6.3 hours per week ($SD = 3.21$).

Table

Descriptive statistics and bivariate correlations (N = 387)

Variable	M	SD	1	2	3	4	5
1. SRL Total	4.52	0.87	–				
2. Psych. Adj.	12.45	5.67	–0.41**	–			
3. Acad. Stress	2.78	0.72	–0.38**	0.54**	–		
4. AI Usage	6.30	3.21	0.12*	0.09	0.16**	–	
5. Well-being	3.89	0.93	0.47**	–0.52**	–0.44**	–0.06	–

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$. Psych. Adj. = Psychological Adjustment (total difficulties); AI Usage = AI tool usage intensity (hours/week)

Bivariate correlations revealed significant negative associations between SRL and psychological difficulties ($r = -0.41$, $p < .01$) and between SRL and academic stress ($r = -0.38$, $p < .01$). SRL was positively correlated with subjective well-being ($r = 0.47$, $p < .01$). AI tool usage intensity showed a small positive correlation with SRL ($r = 0.12$, $p <$

$.05$) but was not significantly correlated with psychological adjustment ($r = 0.09$, $p > .05$).

Structural equation model results

The hypothesized structural model demonstrated good fit to the data: $\chi^2(142) = 267.34$, $p < .001$; $CFI = 0.96$; $TLI = 0.95$; $RMSEA = 0.048$ (90% CI [0.038, 0.057]); $SRMR = 0.042$. All factor

loadings for the latent constructs exceeded 0.60, confirming adequate measurement quality.

The structural paths revealed several important findings. First, perceived autonomy within AI learning environments was significantly and positively associated with SRL ($\beta = 0.34$, $p < .001$), indicating that AI systems perceived as supporting learner autonomy facilitated higher levels of self-regulation. Second, perceived usefulness of AI feedback was positively associated with SRL ($\beta = 0.22$, $p < .01$), while AI usage intensity showed no significant direct relationship with SRL ($\beta = 0.07$, $p = .18$).

Regarding psychological adjustment outcomes, SRL demonstrated a significant negative direct effect on total psychological difficulties ($\beta = -0.39$, $p < .001$) and a significant positive direct effect on subjective well-being ($\beta = 0.42$, $p < .001$). SRL also showed a significant negative association with academic stress ($\beta = -0.35$, $p < .001$). These findings indicate that higher levels of self-regulation were consistently associated with more favorable psychological adjustment outcomes.

Mediation analysis

Bootstrap analysis of indirect effects confirmed that SRL significantly mediated the relationship between AI learning environment characteristics and psychological adjustment. The indirect effect of perceived autonomy on psychological difficulties through SRL was significant (indirect $\beta = -0.13$, 95% CI $[-0.19, -0.08]$), as was the indirect effect on well-being (indirect $\beta = 0.14$, 95% CI $[0.09, 0.21]$). Similarly, perceived feedback usefulness exerted significant indirect effects on psychological difficulties (indirect $\beta = -0.09$, 95% CI $[-0.14, -0.04]$) and well-being (indirect $\beta = 0.09$, 95% CI $[0.04, 0.15]$) through SRL.

These results support the hypothesized role of SRL as a mediating protective mechanism: features of AI learning environments that support autonomy and provide useful feedback enhance adolescents' self-regulatory capacities, which in turn promote more favorable psychological adjustment outcomes.

Moderation and multi-group analyses

Multi-group SEM analysis by gender revealed measurement invariance (metric and scalar) across male and female subgroups ($\Delta\text{CFI} < .01$), indicating that the measurement model functioned equivalently across genders. However, structural path comparison revealed that the protective effect of SRL on psychological difficulties was significantly stronger for female adolescents ($\beta = -0.46$, $p < .001$) than for male adolescents ($\beta = -0.31$,

$p < .001$), $\Delta\chi^2(1) = 4.87$, $p = .027$.

Age-based moderation analysis, comparing younger (13–14 years) and older (15–17 years) subgroups, revealed that the mediating role of SRL was more pronounced among older adolescents. Specifically, the indirect effect of perceived autonomy through SRL on well-being was stronger for the older group (indirect $\beta = 0.18$, 95% CI $[0.11, 0.27]$) compared to the younger group (indirect $\beta = 0.09$, 95% CI $[0.02, 0.17]$), consistent with developmental expectations regarding the maturation of self-regulatory capacities.

Discussion

The present study provides empirical evidence for the role of self-regulated learning as a protective factor for adolescent psychological adjustment in AI-enhanced learning environments. Three principal findings merit discussion.

First, the results confirm that features of AI learning environments are differentially associated with adolescent self-regulation. Perceived autonomy emerged as the strongest predictor of SRL, aligning with self-determination theory [22, p. 68], which posits that autonomy support is fundamental to intrinsic motivation and self-regulatory engagement. This finding has important implications for the design of AI educational technologies: systems that preserve and enhance learner agency—rather than automating learning decisions—are more likely to foster the self-regulatory competencies that underpin healthy psychological adjustment.

Second, SRL functioned as a significant mediator between AI learning environment characteristics and psychological adjustment outcomes, supporting its conceptualization as a protective factor. Adolescents who reported higher levels of metacognitive self-regulation and effort regulation experienced lower psychological difficulties and higher well-being, even when controlling for the intensity of their AI tool usage. This finding extends prior research on SRL and well-being [6, p. 345] by demonstrating that the protective function of self-regulation operates specifically within technology-mediated learning contexts featuring AI components.

Third, the moderation analyses revealed meaningful developmental and gender differences. The stronger protective effect of SRL among female adolescents may reflect gender differences in the deployment of metacognitive strategies documented in prior research [23, p. 189]. The age-related pattern—with stronger SRL mediation among older adolescents—is consistent with the developmental

trajectory of executive functions and metacognitive abilities during adolescence.

These findings carry several practical implications. Educational practitioners and developers of AI learning tools should prioritize the design of systems that scaffold self-regulatory skills rather than replacing them. Explicit SRL training programs integrated into AI-enhanced curricula may serve as a preventive strategy for maintaining adolescent psychological well-being. Additionally, the differential effects by gender and age suggest that tailored interventions may be more effective than uniform approaches.

Several limitations should be acknowledged. The cross-sectional design precludes causal inference; longitudinal research is needed to establish the temporal precedence of SRL relative to psychological adjustment outcomes. The sample was drawn from a single national context (Kazakhstan), and generalizability to other cultural and educational systems requires further investigation. Self-report measures may be subject to social desirability and common method biases. Future research should incorporate behavioral indicators of SRL (such as log data from AI platforms) alongside self-report measures to provide more objective assessments of self-regulatory behavior.

Conclusion

This study demonstrates that self-regulated learning serves as a significant protective factor for adolescent psychological adjustment within AI-enhanced learning environments. SRL mediates the relationship between AI learning environment features—particularly perceived autonomy and feedback usefulness—and indicators of psychological well-being and distress. The findings underscore the importance of designing AI educational tools that support, rather than supplant, adolescent self-regulation. As AI technologies continue to permeate educational settings globally, ensuring that these tools foster self-regulatory competencies represents a crucial pathway for protecting adolescent mental health and promoting adaptive development.

References

1. Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning*. – Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019. – 240 p.
2. Zawacki-Richter O., Marín V.I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. – 2019. – Vol. 16, No. 1. – P. 1-25.
3. Seldon A., Abidoye O. *The Fourth Education Revolution: Will Artificial Intelligence Liberate or Infantilise Humanity?* – Buckingham: University of Buckingham Press, 2018. – 280 p.
4. Steinberg L. *Adolescence*. 12th ed. – New York: McGraw-Hill Education, 2020. – 528 p.
5. Zimmerman B.J. Attaining self-regulation: A social cognitive perspective // *Handbook of Self-Regulation* / M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (eds.). – San Diego: Academic Press, 2000. – P. 13-39.
6. Dent A.L., Koenka A.C. The relation between self-regulated learning and academic achievement across childhood and adolescence: A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. – 2016. – Vol. 28, No. 3. – P. 425-474.
7. Du Boulay B. Artificial intelligence as an effective classroom assistant // *IEEE Intelligent Systems*. – 2016. – Vol. 31, No. 6. – P. 76-81.
8. Roll I., Wylie R. Evolution and revolution in artificial intelligence in education // *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. – 2016. – Vol. 26, No. 2. – P. 582-599.
9. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L.B. *Intelligence Unleashed: An Argument for AI in Education*. – London: Pearson, 2016. – 62 p.
10. Huppert F.A. Psychological well-being: Evidence regarding its causes and consequences // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. – 2009. – Vol. 1, No. 2. – P. 137-164.
11. Selwyn N. *Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education*. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 160 p.
12. OECD. *PISA 2022 Results: Creative Minds, Creative Schools*. Vol. III. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 312 p.
13. Pintrich P.R. A conceptual framework for assessing motivation and self-regulated learning in college students // *Educational Psychology Review*. – 2004. – Vol. 16, No. 4. – P. 385-407.
14. Azevedo R., Cromley J.G., Winters F.I., Moos D.C., Greene J.A. Adaptive content and process scaffolding: A key to facilitating students' self-regulated learning with hypermedia // *Psychological Test and Assessment Modeling*. – 2005. – Vol. 47, No. 1. – P. 106-140.
15. Masten A.S. Ordinary magic: Resilience processes in development // *American Psychologist*. – 2001. – Vol. 56, No. 3. – P. 227-238.
16. Duckworth A.L., Seligman M.E.P. Self-discipline outdoes IQ in predicting academic performance of adolescents // *Psychological Science*. –

2005. – Vol. 16, No. 12. – P. 939-944.

17. Broadbent J., Poon W.L. Self-regulated learning strategies and academic achievement in online higher education learning environments: A systematic review // *Internet and Higher Education*. – 2015. – Vol. 27. – P. 1-13.

18. Pintrich P.R., Smith D.A.F., Garcia T., McKeachie W.J. Reliability and predictive validity of the Motivated Strategies for Learning Questionnaire (MSLQ) // *Educational and Psychological Measurement*. – 1993. – Vol. 53, No. 3. – P. 801-813.

19. Goodman R. The Strengths and Difficulties Questionnaire: A research note // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 1997. – Vol. 38, No. 5. – P. 581-586.

20. Ang R.P., Huan V.S. Academic

Expectations Stress Inventory: Development, factor analysis, reliability, and validity // *Educational and Psychological Measurement*. – 2006. – Vol. 66, No. 3. – P. 522-539.

21. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling*. – 1999. – Vol. 6, No. 1. – P. 1-55.

22. Ryan R.M., Deci E.L. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. – New York: Guilford Press, 2017. – 756 p.

23. Voyer D., Voyer S.D. Gender differences in scholastic achievement: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*. – 2014. – Vol. 140, No. 4. – P. 1174-1204.

Ху Руохань

докторант,

Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Республика Казахстан, г. Алматы

САМОРЕГУЛИРУЕМОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ЗАЩИТНЫЙ ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В этом исследовании исследуется роль саморегулируемого обучения (SRL) как защитного фактора для психологической адаптации подростков в образовательных учреждениях, основанных на искусственном интеллекте (ИИ). Было проведено перекрестное обследование 387 подростков (в возрасте 13-17 лет) с использованием проверенных инструментов, измеряющих стратегии SRL, психологическое благополучие, академический стресс и использование инструментов обучения с использованием искусственного интеллекта. Моделирование структурными уравнениями показало, что SRL в значительной степени опосредует взаимосвязь между характеристиками среды обучения ИИ и результатами психологической адаптации. Полученные данные свидетельствуют о том, что развитие навыков саморегуляции может защитить подростков от психологических рисков, связанных с интенсивным обучением, основанным на технологиях.

Ключевые слова: саморегулируемое обучение, психологическая адаптация, искусственный интеллект, подростки, учебная среда, академический стресс, благополучие.

Li Yuan

Master's Student, Belarusian National Technical University, Belarus, Minsk

RESEARCH ON THE INFLUENCING FACTORS AND CULTIVATION PATH OF STUDENTS' PROFESSIONAL SELF-REALIZATION IN CHINESE NORMAL UNIVERSITIES

Abstract. *This research studies what motivates students for professional self-realization at normal universities in China. It argues that professional self-realization is a process, while many view it as a result of teacher education. Using relevant studies, it examines students' professional growth, focusing on occupational cognition, professional mission, practicum quality, developmental differences, educational practice ability, and institutional support. It also suggests an integrated cultivation path, including value guidance, reflective curriculum reform, progressive practicum, differentiated mentoring, and long-term developmental evaluation. This research aims to contribute to the reform of teacher education and the cultivation of quality teachers.*

Keywords: *professional self-realization, normal universities, professional identity, teacher education, cultivation path.*

Introduction

Professional self-realization commences when student teachers take initiative to complete training tasks instead of simply performing booked activities, leading to educational subjects with professional significance, practical expertise, intrinsic, and self-driven engagement. In Chinese normal universities, this has greater meaning compared to other fields because it is first and foremost assumed that teacher education is training graduates to be employable, and then, training teachers to be self-sustaining professionals who can develop in the nexus of evolving and complex educational systems. Thus professional self-realization is not simply a concern of being able to teach, rather, it is being able to appreciate and understand teaching as a valuable, deserving, and responsible life activity.

Most of the existing literature has approached this concern through interrelated concepts of professional identity, engagement, self-efficacy, and teacher education. This is a valid rationale because of the challenges that come with observing professional self-realization, as it should be possible to notice the development of professional identity and pedagogical agency. A student who values teaching, feels of able to do so, and is intellectually and emotionally, and invested in learning to teach is in a way, moving toward professional self-realization. It is for the above reasons that the current discourse considers professional self-realization as a sophisticated outcome of identity, motivation, reflection, and practice interrelatedness.

Influencing factors of students' professional self-realization

An essential point of departure is how student teachers consider the profession and the learning activities related to the same. In cases where teaching is viewed as a stable profession, the participation in teacher education might be instrumental. Students are also likely to put effort in a long-term manner when it is viewed as a significant area of intellectual and moral action. According to Zhang et al. (2016), professional identity of Chinese preservice teachers was associated with performance of the education programme via task value belief and learning motivations, which implies that the performance of teacher education perceived by students defines how much and in which direction the development of their professional identity occurs [1, p. 573]. This connection is significant as self-realization is not commenced at the employment point; it is commenced when the students begin to attribute real values to becoming teachers.

The professional self-realization is also formed under the influence of social and psychological conditions in which students study. Instruction of teachers is not a solitary mental activity. It is played out in support, recognition, expectation, and emotional adjustment networks. When students get affirmed by teachers, peers and institutions they have more chances of seeing a problem as developmental challenges and not a sign of inadequacy. Chen et al. (2020) demonstrated that academic self-efficacy and social support had a

significant correlation with professional identity in preservice special education teachers in China [2, p. 374]. This observation suggests that professional self-realization cannot be created by a single individual effort. It is also moderated by the presence or absence of a feeling of social support and psychological competency within the teacher education context of the students.

This process is provided with a more definite developmental design in teaching practicum. Student teachers in classroom experience are put in a situation that requires the bringing together of educational knowledge, personal expectation and institutional reality. Practicum often is the first place where the students find out that their perceived professional identity is able to take the stress of real teaching. But practice does not necessarily make a difference. It is a developmental influence that is determined by the quality of guidance, the level of meaningful involvement, and the confidence that the student holds with regards to dealing with instructional activities. Cai et al. (2022) discovered that teaching internship influenced preservice teacher professional identity both directly and indirectly via self-efficacy and learning engagement [3, p. 1070763]. This implies that the practicum value is not merely exposed schools per se, but rather the degree to which exposure to schools allows students to feel themselves more and more capable as educational players.

The developmental difference further creates professional self-realization with time. The formation of teachers is not a straight line and not all students react in the same way to the same education. Some build a consistent professional commitment at an early age, whereas others are variable as they experience the complexity of the classroom, academic stress, or the mismatch between idealized teaching and institutional reality. This unevenness cannot be considered as spontaneous noise. It belongs to the logic of development of the professional growth itself. According to a four-wave longitudinal study by Chen et al. (2023), the professional identity of Chinese preschool teacher preservice evolved through time, and took various paths [4, p. 104071]. This finding is very applicable to the current subject since professional self-realization should be viewed as a dynamic and differentiated process and not a standardized training product.

Pedagogical belief is also a shaping influence on the way students view themselves as future

teachers. It is not just a question of whether student teachers are in principle supportive of education that what they believe about teaching, learning, and relationships in education are coherent. These beliefs influence students in the way they make sense of practice, react to feedback, and comprehend their own pedagogical stance. In a mediated mediation model, Li and Khairani (2025) discovered that pedagogical beliefs and social support were also significantly linked to teacher professional identity in China among preservice teachers [5, p. 104856]. This implies that professional self-realization is enhanced as students are not just copying the teaching methods, but they are constructing a more reflective and conceptualized idea of what teaching is, and how it is to be practiced.

Even the identity transformation process is something that should be taken seriously. Professional self-realization cannot be achieved simply through accumulating positive attitudes. It entails rebranding oneself in new discourses, relations and duties. Student teachers must transition to a role of a learner at a university and become inexperienced members of the teaching profession. The process of that transition is frequent and tense, negotiating and redefining. Huang and Wang (2021) approached the transformation of professional identity of pre-service teachers by considering the positioning theory and emphasized the significance of discursive and relational repositioning in professional growth [6, p. 1-18]. In the perspective of self-realization, this observation is useful since it reveals that being a teacher is not just a question of learning how to do it, but also a question of occupying a new social and moral stance.

Educational practice ability is where inner commitment and outward capability come to a junction. The students might appreciate the profession, respect the good teacher and continue with the course work, but still have poor professional self-realization because they are unable to apply the dispositions in effective teaching practice. Professional self-realization thus needs to be embodied in practice. Professional identity and learning engagement were found to be closely correlated with the educational practice ability of normal university students by Peng et al. (2025) [7]. This conclusion is particularly significant since it shows that inner professional development and practical teaching ability are not to be developed separately. A developmental model that honours

one and discounts the other will not do much to create truly self-actualized future teachers.

Professional self-realization of students cultivation path

There should be a more proper cultivation route starting with professional formation that is value-oriented. The education of Chinese normal university teachers must express the idea that teaching is a vocation that has societal meaning, moral imperative, and growth. This formation cannot solely be based on abstract exhortation. It must be incorporated in orientation programmes, teacher ethics education, school observation, pedagogical case discussion and long term facilitation of the student to relate personal aspiration to educational responsibility. There is also a need to have reflective curriculum design. Students should have guided time to analyze their wishes to teach, as well as how they perceive the relationship in education and the type of teacher they would desire to be. This process should then be furthered by progressive practicum connecting early observation, microteaching, supported internship, and post-practicum reflection into a coherent progression. Differentiated mentoring is also necessary as the students proceed through teacher formation at unequal rates of confidence, support and commitment. On the institutional level, universities ought to develop assessment mechanisms that acknowledge reflective maturity, practice-based development, and pedagogical accountability to complement academic achievement. This trend is in line with the national policy. The CPC Central Committee and the State Council (2024) also stressed the necessity to continue the tradition of educators and enhance the development of a high-quality professional teaching force in the new era, which offers a powerful policy platform to consider professional self-realization as one of the key goals of teacher education reform [8].

Conclusion

The issue of professional self-realization in Chinese normal universities must be seen as a developmental attainment and not as a given outcome of joining teacher education. It manifests itself by the interaction of value belief, learning motivation, social support, self-efficacy, practicum quality, pedagogical belief, developmental variation, and educational practice ability. The main question is not whether students successfully finish the teacher education, but whether they come to occupy the position of teacher clearly, competently, and committed. To this end, teacher

education cannot be reduced to a model of transmission of knowledge, but can be an integrated developmental model where values, reflection, practice, mentoring and institutional support complement each other. It is only under these circumstances that Chinese normal universities will be able to produce future teachers who are not only qualified, but also professionally based, educationally accountable, and able to develop themselves long-term.

References

1. Zhang Y., Hawk S.T., Zhang X., Zhao H. (2016). 'Chinese preservice teachers' professional identity links with education program performance: The roles of task value belief and learning motivations', *Frontiers in Psychology*, No. 7, P. 573. doi:10.3389/fpsyg.2016.00573.
2. Chen X., Zou H., Luo Y., Ye Z. (2020). 'Academic self-efficacy, social support, and professional identity among preservice special education teachers in China', *Frontiers in Psychology*, No. 11, P. 374. doi:10.3389/fpsyg.2020.00374.
3. Cai Z., Zhu J., Tian S. (2022). 'Preservice teachers' teaching internship affects professional identity: self-efficacy and learning engagement as mediators', *Frontiers in Psychology*, No. 13, P. 1070763. doi:10.3389/fpsyg.2022.1070763.
4. Chen C., Ji S., Jiang J. (2023). 'How does professional identity change over time among Chinese preservice preschool teachers? Evidence from a four-wave longitudinal study', *Teaching and Teacher Education*, No. 125, P. 104071. doi:10.1016/j.tate.2023.104071.
5. Li Y., Khairani A.Z. (2025). 'Social support, pedagogical beliefs and teacher professional identity among preservice teachers in China: A moderated mediation analysis', *Teaching and Teacher Education*, No. 154, P. 104856. doi:10.1016/j.tate.2024.104856.
6. Huang X., Wang C. (2021). 'Pre-service teachers' professional identity transformation: A positioning theory perspective', *Professional Development in Education*, P. 1-18. doi:10.1080/19415257.2021.1942143.
7. Peng Y., An X., Li Z., Wu M. (2025). 'The relationship between professional identity, learning engagement, and educational practice ability of normal university students: analysis based on variable-centered and person-centered approaches', *Studies of Psychology and Behavior*, No. 23(4). doi:10.12139/j.1672-0628.2025.04.014.

8. CPC Central Committee and State Council (2024). Opinions on carrying forward the spirit of educators and strengthening the building of a high-quality professional teaching workforce in

the new era. Beijing: People's Republic of China. Available at: https://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/202408/t20240826_1147269.html.

Ли Юань

магистрант, Белорусский национальный технический университет, Беларусь, г. Минск

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОРЕАЛИЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ, И ПУТЕЙ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В КИТАЙСКИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Аннотация. В данном исследовании анализируются факторы, стимулирующие студентов к профессиональному самореализации в педагогических университетах Китая. Установлено, что профессиональная самореализация представляет собой процесс, тогда как многие рассматривают её как результат подготовки преподавателей. На основе соответствующих исследований анализируется профессиональное развитие студентов с акцентом на профессиональное познание, профессиональную миссию, качество практики, индивидуальные различия в развитии, способность к образовательной практике и уровень институциональной поддержки. Также предлагается интегрированный путь подготовки преподавателей, включающий формирование ценностного ориентира, рефлексивную реформу учебных программ, поэтапные практики, дифференцированное наставничество и долгосрочную оценку развития. Цель данного исследования — внести вклад в реформу подготовки педагогических кадров и формирование высококвалифицированных учителей.

Ключевые слова: профессиональное самореализование, нормальные университеты, профессиональная идентичность, педагогическое образование, путь подготовки кадров.

АГОШКОВА Валентина Фёдоровна

воспитатель,

МДОУ «Центр развития ребёнка – детский сад № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

НЕКРАСОВА Наталья Викторовна

воспитатель,

МДОУ «Центр развития ребёнка – детский сад № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОНСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития конструктивной деятельности у детей дошкольного возраста в условиях активной информатизации общества. Авторы обосновывают необходимость ранней подготовки будущих инженеров – начиная с дошкольного возраста – и выявляют типичные трудности, с которыми сталкиваются дошкольники в процессе конструирования (отсутствие навыков планомерного конструирования, сложности работы с образцами и схемами, низкая инициативность и самостоятельность).

Ключевые слова: дошкольники, конструктивная деятельность, техническое творчество, педагогическая модель, авторские сказки, проблемная ситуация, системное направление.

Современное общество характеризуется активной информатизацией и компьютеризацией всех сфер жизни. В этих условиях государство испытывает острую потребность в высококвалифицированных специалистах, обладающих высокими интеллектуальными возможностями.

Подготовка будущих инженеров должна начинаться не в вузах, а значительно раньше – в дошкольном возрасте. «...Дети должны получить возможность раскрыть свои способности, подготовиться к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире», – сказал Д. А. Медведев.

Анализ педагогической практики показывает, что интерес детей к конструированию часто носит произвольный характер, нет способности к планомерному, пошаговому конструированию. Дошкольники не могут пользоваться образцами и графическими моделями, затрудняются создавать сооружения, поделки по схеме, читать условные обозначения. Постройки однообразны и бедны по своему содержанию. Дети очень редко проявляют инициативность и самостоятельность в работе.

Цель исследования – разработать и апробировать педагогическую модель использования авторских сказок для развития конструктивной деятельности дошкольников. Авторы считают,

что деятельность будет носить развивающий характер, если создать проблемную ситуацию, связанную со сказочными героями, которые оказываются в трудном положении и им необходима помощь со стороны детей.

Значимость использования сказок в развитии конструктивной деятельности находит свои подтверждения в исследованиях педагогов: Л. А. Венгера, З. В. Лиштван, Н. Н. Поддьякова, Л. А. Парамонова.

Работа по данной проблеме привела к педагогической находке – созданию цикла авторских сказок для развития конструктивной деятельности у детей дошкольного возраста, который составлен согласно тематическому планированию, учитывая возрастные особенности дошкольников.

Авторские сказки используются не только в организованной образовательной деятельности, но и в режимных моментах, в самостоятельной деятельности детей, досугах, развлечениях. Реализуются во всех образовательных областях.

Образовательная модель с использованием авторской сказки для развития конструктивной деятельности определяет следующие системные направления:

1. «Педагог-ребёнок».
2. «Педагог-родитель-ребёнок».

3. «Педагог-педагог».

Реализуя системное направление «педагог-ребёнок» в процессе взаимодействия с детьми применяем авторские сказки согласно тематике. Так, например, дети средней группы в ходе организованной образовательной деятельности познакомились с содержанием таких сказок, как «Три весёлых гнома», «Бабушка Матрена и её животные», «Сказка о синей машинке» и другими. В каждой сказке ставилась перед детьми проблема. Дети самостоятельно выявляли пути решения данных проблем. В процессе конструирования по образцу при помощи авторских сказок дети научились сооружать несложные постройки разных размеров, соизмерять постройки между собой, отбирать детали по форме, запоминать последовательность её выполнения.

Во время прогулки тоже используются различные виды конструктора. Дети с большим удовольствием делают постройки из песка, дополняя их другими постройками из конструктора. Для большей активности детей в процессе конструирования заранее знакомим их с авторской сказкой, из которой дети узнают, кому в этот раз они помогут. Всё это способствует развитию технического творчества, поддерживает инициативу дошкольников.

В старшей группе задача усложнялась. Дети сами уже предлагали идеи для конструирования. Поддерживая детскую инициативу детей, мотивируя их на дальнейшую деятельность, знакомим с содержанием сказки по выбранной теме. В данной возрастной группе дошкольники конструировали по условию, используя конструкторы «полидрон – элементарная математика» и «полидрон – гигант». В старшей группе дети уже самостоятельно придумывали продолжение и финал сказки. В процессе конструирования по условиям с применением авторских сказок формируются обобщенные способы анализа конструируемых объектов с точки зрения этих условий, что существенно обогащает представления детей об этих объектах.

В совместной деятельности взрослого и ребенка в центре «Детской книги», на основе известных сказок, предлагали детям составить свою сказку с использованием алгоритма. Дети самостоятельно сочиняли сказки. Данные авторские сказки направлены на развитие творческого мышления, воображения, конструктивной и поисково-исследовательской деятельности.

В подготовительной к школе группе дети умеют строить по представлению, образцу, схеме. Свои знания дети применяют в самостоятельной деятельности в студии технического творчества «RoboKids». Воспитанники сами уже умеют выбирать нужные детали конструктора, умеют создавать сложные постройки в виде сферы. В подготовительной группе дети с интересом и без затруднений придумывают продолжение и конец сказки. Таким образом, у детей формируется способность к прогнозированию возможных действий героев в сказке, завершению сюжета; способность представлять в воображении образы героев, место действия. Дети совершенствуют умение самостоятельно создавать конструкцию без опоры на образец, пошагово комментировать ход работы, анализировать свою постройку, этапы её создания.

Проводя организованные детские развлечения, педагоги так же используют конструирование и авторскую сказку. В подготовительной к школе группе у детей сформировано полноценное умение конструировать, и сказка стимулирует развитие сюжетной линии игры. Дети создают несколько конструкций, объединенных одним сюжетом, умеют презентовать каждый свою постройку. Дошкольники научились создавать разнообразные подвижные конструкции по картинкам и чертежам.

Для реализации системного направления «Педагог-родитель – ребенок» авторами был проведён ряд мероприятий, направленных на ознакомление и обучение родителей теоретическим и практическим аспектам применения авторской сказки для развития конструктивной деятельности детей: видео консультации по применению авторских сказок в развитии конструктивных способностей детей; проводились конкурсы «Лучшая авторская сказка» в рамках, которых были организованы выставки детско-родительского творчества «Конструируем вместе». Данная система направлена на активизацию интереса родителей к конструированию, повышение педагогической грамотности родителей по данной теме.

В ходе реализации направления «педагог-педагог» были разработаны видео консультации для педагогов по использованию авторской сказки для развития конструктивной деятельности. Проведены мастер-классы, составлены консультации. Работа в данном направлении способствовала повышению компетентности педагогов в развитии дошкольников

конструктивной деятельности с использованием различных видов конструкторов.

Мониторинг динамики развития конструктивной деятельности дошкольников показал эффективность представленной системы работы. Использование авторской сказки: расширяет возможности для роста технического потенциала; способствует развитию конструктивной деятельности; позволяет реализовать требования ФГОС ДО и ФОП ДО.

У детей сформировались:

- навыки пошагового конструирования;
- умение работать по образцу, схеме и условию;
- способность к самостоятельному творчеству и прогнозированию;
- интерес к техническому творчеству.

Родители стали активнее участвовать в образовательном процессе, а педагоги повысили свою компетентность в области развития конструктивной деятельности.

Литература

1. Богуславская З.М. Конструирование для детей старшего дошкольного возраста. / Богуславская З.М – М.: Знание, 2012. – 73 с.
2. От рождения до школы: основная общеобразовательная программа дошкольного образования / под ред. Н.Н. Вераксы, Т.С. Комаровой, М.А. Васильевой, В.В. Гербовой. – М.: Мозаика – Синтез, 2016 – 412 с.
3. Волосовец Т.В., Карпова Ю.В., Тимофеева Т.В. Парциальная образовательная программа дошкольного образования «От Фрёбеля до робота: растим будущих инженеров»:

учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Вектор, 2018. 79 с.

4. Венгер Л.А. Путь к развитию творчества. / Венгер Л.А. – Дошкольное воспитание, 2008 – 112 с.
5. Давидчук А.Н. Развитие у дошкольников конструктивного творчества. – 2-е изд., доп. / Давидчук А.Н – М.: Просвещение, 2010. – 118 с.
6. Дятлова, Н.В. Развитие конструктивной деятельности детей старшего дошкольного возраста / Н.В. Дятлова // Молодой ученый. – 2016. – № 14. – С. 536-537. URL: <https://moluch.ru/archive/118/32529/> (дата обращения: 09.02.2018).
7. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. – СПб.: Речь, 2004. – 310 с.
8. Парамонова Л.А. Конструирование как средство развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста. Теория, практические рекомендации, конспекты занятий для слушателей курсов повышения квалификации и читателей, интересующихся темой детского конструирования. / Парамонова Л.А. – Дошкольное образование, 2008. – 233 с.
9. <https://zen.yandex.ru/media/id/5ae1567357906af28ad4b474/opyt-raboty-s-konstruktorom-polidron-iz-pedagogicheskoi-praktiki-5fe704a59c06f6134f3365d8>.
10. https://yandex.ru/video/preview/?filmId=16466407517398278254&parent-reqid=1611651224865163-198672313916102689100217-prestable-app-host-sas-web-yp-116&path=wizard&text=видеоинструкции+по+полидронам&wiz_type=vital.

AGOSHKOVA Valentina Fedorovna

Educator,

MDOU "Child Development Center – Kindergarten No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

NEKRASOVA Natalia Viktorovna

Educator,

MDOU "Child Development Center – Kindergarten No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

THE USE OF THE AUTHOR'S FAIRY TALE FOR THE DEVELOPMENT OF CONSTRUCTIVE ACTIVITY IN PRESCHOOL CHILDREN

Abstract. *The article is devoted to the problem of the development of constructive activity in children of pre-school age in the context of active informatization of society. The authors substantiate the need for early training of future engineers - starting from preschool age – and identify typical difficulties that preschoolers face in the design process (lack of systematic design skills, difficulties working with samples and diagrams, low initiative and independence).*

Keywords: *preschoolers, constructive activity, technical creativity, pedagogical model, author's fairy tales, problematic situation, systemic direction.*

ИЛЬЧЕНКО Елена Александровна

воспитатель первой квалификационной категории,
МБОУ «Айдарская СОШ им. Б. Г. Кандыбина», Россия, Белгородская область, с. Айдар

ЗУБОВА Наталья Николаевна

воспитатель первой квалификационной категории,
МБОУ «Айдарская СОШ им. Б. Г. Кандыбина», Россия, Белгородская область, с. Айдар

КУЗНЕЦОВА Олеся Геннадьевна

воспитатель первой квалификационной категории,
МБОУ «Айдарская СОШ им. Б. Г. Кандыбина», Россия, Белгородская область, с. Айдар

РОЛЬ ИГРЫ В ПРОЦЕССЕ РАННЕЙ ПРОФОРИЕНТАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. В последнее время вопросы ранней профориентации дошкольников стали особенно актуальными. Организация логопедической работы позволяет начать подготовку детей с ограниченными возможностями здоровья к выбору будущей профессии и познакомить их с различными видами труда взрослых на ранних этапах. Методическая разработка «Мой путь» направлена на формирование у дошкольников с ограниченными возможностями здоровья положительного эмоционального отношения к профессиональному миру и представлений о мире труда и профессий. Достижение этой цели осуществляется через взаимодействие учителя-логопеда, родителей и других специалистов.

Ключевые слова: дошкольники с ограниченными возможностями здоровья, профориентация, игровая методическая разработка.

Проблема индивидуализации образования дошкольника, ознакомление с трудом взрослых, профессиями является одной из важнейших в условиях дошкольного образовательного учреждения. Знакомство с миром профессий будет успешным, если ребенок испытывает радость, положительные эмоции. Раннее начало подготовки ребенка к выбору будущей профессии заключается в знакомстве с различными видами труда. Каждый воспитанник с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) должен получить своевременную квалифицированную помощь.

В методической разработке рассматривается организация работы с детьми дошкольного возраста через игровые методы в рамках индивидуального образовательного маршрута, направленного на ознакомление с трудом взрослых и различными профессиями. Представлена модель совместного образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с использованием индивидуального

игрового образовательного маршрута под названием «Мой путь». Основное внимание уделено практическому игровому материалу, который способствует эффективному освоению детьми новых знаний и навыков.

Данная система объединяет деятельность всех педагогов ДОУ, делая жизнь ребенка в детском саду более содержательной и целенаправленной. Она учитывает возрастные и индивидуальные особенности воспитанников. Игровой наглядный материал представлен в виде заданий с иллюстрациями. Работа с пособием способствует решению образовательных задач: ребенок учится высказывать свое мнение, сосредотачиваться на ответах, выполнять практические действия. Он работает в удобном темпе и при необходимости получает помощь.

Система предназначена для учителей-логопедов, воспитателей дошкольных образовательных организаций, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья, а

также для родителей, которые хотят поддержать развитие своих детей.

При создании персонального плана обучения мы опирались на ключевые идеи и принципы, разработанные в общей и коррекционной педагогике и психологии. Изучение особенностей индивидуального развития проводилось как в российских, так и в зарубежных научных школах.

Фундаментальные подходы к всестороннему развитию детей были заложены такими выдающимися учеными, как Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин и Ш. А. Амонашвили. Особое внимание в работах Л. С. Выготского уделяется закономерностям аномального развития, в частности, тому, как происходит качественное формирование личности ребенка с особыми образовательными потребностями.

В свою очередь, научные труды А. Н. Леонтьева подчеркивают исключительную важность специального, коррекционного образования для детей, имеющих трудности в развитии. При этом акцент делается на уникальности и неповторимости каждого ребенка.

При разработке индивидуального образовательного маршрута для дошкольников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) можно опираться на следующие концепции, теории и положения:

1. Теория поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин). Согласно этой теории, формирование умственных действий должно проходить поэтапно, начиная с практических действий и заканчивая внутренними, умственными. Это особенно важно при работе с детьми, имеющими трудности в обучении, так как позволяет им постепенно осваивать новые навыки и знания.

2. Теория деятельности (А. Н. Леонтьев). Эта теория утверждает, что деятельность человека определяется его мотивами и целями. В контексте работы с дошкольниками с ОВЗ, важно учитывать их интересы и потребности при выборе методов и форм работы. Это помогает сделать образовательный процесс более мотивирующим и эффективным.

3. Концепция развивающего обучения (Л. В. Занков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов). Согласно этой концепции, обучение должно быть направлено не только на усвоение знаний, но и на развитие познавательных способностей и мышления. Для дошкольников с ОВЗ это

означает использование методов и приёмов, которые способствуют развитию их внимания, памяти, мышления и речи.

4. Системный подход в коррекционной педагогике. Этот подход предполагает рассмотрение ребёнка с ОВЗ как единой системы, включающей в себя все аспекты его развития (физическое, психическое, социальное). При разработке индивидуального образовательного маршрута важно учитывать все эти аспекты и подбирать методы и приёмы, которые будут способствовать комплексному развитию ребёнка.

5. Теория социализации (П. Л. Бергер, Т. Лукман). В работе с дошкольниками важно учитывать процесс их социализации, включая знакомство с окружающим миром, в том числе с миром труда и профессий. Это помогает детям не только адаптироваться в обществе, но и формирует у них положительное отношение к различным видам деятельности.

6. Индивидуальный подход в обучении. Учёт индивидуальных особенностей каждого ребёнка с ОВЗ позволяет адаптировать методы и формы работы, делая их более эффективными. Индивидуальный подход может включать в себя адаптацию учебных материалов, изменение темпа обучения, использование специальных методов и приёмов.

7. Теория игровой деятельности (Д. Б. Эльконин). Игра является важным средством обучения и развития для дошкольников. Использование игровых методов и приёмов помогает сделать образовательный процесс более интересным и мотивирующим для детей с ОВЗ. Это способствует лучшему усвоению знаний и навыков.

8. Концепция инклюзии в образовании. Работа с дошкольниками с ОВЗ должна учитывать принципы инклюзии, то есть включения детей с особыми потребностями в общий образовательный процесс. Это требует разработки индивидуальных образовательных маршрутов, которые будут учитывать особенности каждого ребёнка и способствовать его успешной интеграции в общественную жизнь.

Представляем вашему вниманию уникальную разработку для поддержки детей с особыми образовательными потребностями в их первом знакомстве с миром профессий. Этот подход, названный «Мой путь», призван

сделать процесс ранней профориентации увлекательным и эффективным.

В основе методики лежит игровое пособие, включающее в себя красочные картины формата А4. Каждое занятие открывает перед ребенком новую дорогу, нарисованную на такой картине. Вместе с дорогой появляется и игровой персонаж, а также набор дополнительных картинок, которые служат для ребенка стимулом к действию.

Во время индивидуальных коррекционных занятий логопед предлагает ребенку различные задания. Успешное выполнение каждого задания вознаграждается – ребенок получает возможность приклеить на свою дорожку картинку, которая символизирует его мотивацию и прогресс. Каждая из этих дорожек имеет свое уникальное название, делая путешествие ребенка по миру профессий еще более персонализированным.

Все направления работы, цели и задачи, а также необходимое методическое обеспечение, логопед черпает из индивидуального образовательного маршрута каждого воспитанника, а именно из раздела, посвященного содержанию коррекционной работы, речевому развитию и профориентации.

Что касается других аспектов развития ребенка, таких как социально-коммуникативное, художественно-эстетическое, познавательное и физическое развитие, то здесь в дело вступают другие специалисты детского сада. Они разрабатывают соответствующие направления работы и подбирают игровой материал, дополняя общую картину развития ребенка.

Важно отметить, что мы учитываем индивидуальные особенности каждого ребенка с ОВЗ. Если ребенок не успевает пройти всю дорожку за одно занятие, мы продолжаем движение по ней на последующих встречах. Это позволяет не только закрепить пройденный материал, но и постепенно вводить новые задачи, обеспечивая плавное и комфортное освоение программы.

Ребенок должен понять, принять и пройти осознанно путь коррекционной работы, максимально присвоив знания и опыт данной деятельности.

В начале каждого занятия ребенок выбирает дорожку самостоятельно. Дорога – мотивация ребенка выполнять определенные действия, задания, согласно разделу ИОМ «Речевое

развитие. Профориентация», который состоит из направлений работы, цели, задач и игрового материала. Все предложенные направления можно отработать на одной дорожке, либо составить на каждое направление свой маршрут.

Приведем пример. Ребёнок 5-6 лет с ОВЗ (тяжелые нарушения речи). Направление: знакомство с профессиями.

Цель: формирование у ребенка понимания о труде взрослых и профессиях в соответствии с параметрами возрастной нормы.

Мой путь «Кем быть?».

Игры и упражнения: «Что делают взрослые?», «Кто где работает?», «Отгадай по описанию», «Что для чего?», «Один – много», «Большой – маленький», «Назови части предмета», «Что нужно для работы?», «Кто это делает?», «Идем в магазин», «Бабушка заболела», «В парикмахерской» и т. д. [2, с. 66].

Направление: общая моторика, моторика пальцев рук. Мой путь «Учимся, играя» [5, с. 3]. Мой путь «Наши пальчики играют» [5, с. 4].

Цель: формировать координацию. общих движений и тонких движений пальцев рук.

Игры и упражнения на координацию речи с движением тела: «Поезд и машинист», «Малыры», «Профессии», «Мы в профессии играем», «Если хочешь стать..., делай так».

Игры и упражнения на развитие мелкой моторики пальцев рук: пальчиковая гимнастика «Кем стать?», «На работу», «Шофер» и т. д.

Направление: фонематический слух. Мой путь «Звуковая дорожка» [6, с. 3].

Цель: развитие слухового внимания.

Игры и упражнения: «Найди ошибку», «Поймай – скажи», «Скажи правильно», «Перечисли профессии на выбранный звук» и т. д.

Направление: слоговая структура слова. Мой путь «Такие разные слова» [4, с. 9].

Цель: обучение произношению слов разной слоговой структуры при употреблении существительных, глаголов, определений единственного и множественного числа.

Игры и игровые упражнения: «Узнай кто это?», «Конец слова за тобой». «Найди и назови». «Кого (чего?) не стало?», «Подскажи словечко», «Раздели на слоги».

Направление: лексико-грамматический строй. Мой путь «Очень важные слова» [2, с. 69].

Цель: обогащение словарного запаса, формирование навыков словоизменения, словообразования, формирование навыка составления

предложений разной конструкции, умение составлять рассказ о труде взрослых, профессии.

Игры и игровые упражнения: «Кому что нужно для работы?», «Кто что делает», «Продолжи предложение». «Кто лишний? Почему?», «Путаница», «Сложные слова», «Где работает мой папа?», «Чем занимается моя мама», «Профессии». «Кем буду я».

Когда малыш успешно справляется со всеми поставленными задачами в рамках своего индивидуального образовательного маршрута, его ждет приятный сюрприз – на специальной «дорожке успеха» появляются мотивирующие картинки.

Это означает, что на занятии были достигнуты важные цели и решены задачи по нескольким направлениям, в частности, по развитию речи и профориентации. В знак этого успеха, большая, формата А4, картинка будет вклеена в альбом, который ребенок будет использовать для домашних занятий с родителями. К этой картинке будут прилагаться рекомендации для родителей: интересные игры и упражнения, которые помогут закрепить пройденный материал.

Важно отметить, что для каждого ребенка с особыми образовательными потребностями подбирается уникальная игровая мотивация и наглядные материалы для коррекционных занятий. Это гарантирует, что путь обучения будет индивидуальным и полностью соответствовать возможностям каждого ребенка.

Благодаря такому подходу, логопед, родители и сам ребенок наглядно видят результаты своих совместных усилий и работы с методическим пособием на протяжении всего периода коррекционной деятельности.

«Мой путь» – это не просто игра, а настоящее методическое пособие, разработанное для того, чтобы помочь детям с особыми образовательными потребностями (ОВЗ) на ранних этапах познакомиться с миром профессий. Мы

верим, что каждый ребенок, независимо от своих особенностей, заслуживает возможности найти свой уникальный путь и раскрыть свой потенциал.

Со стороны родителей – повышение заинтересованности на этапе ранней профориентации ребенка с ОВЗ.

С помощью игрового методического пособия «Мой путь» специалисты могут создавать для каждого ребенка с ОВЗ свой собственный, особенный образовательный путь. Это не просто следование стандартам ФГОС, а реальная возможность раскрыть потенциал ребенка, помочь ему определиться с будущей профессией уже в раннем возрасте и вырастить сильную, развитую личность.

Литература

1. Беляева Е.В. Вклад Л.С. Выготского в развитие коррекционной педагогики. Молодой ученый. 2016.
2. Леонтьев А.Н. Развитие целостной личности ребёнка. «Амрита-Русь». 2023 г.
3. Глухов В.П. Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. М., 2002.
4. Овчинникова Т.С. Артикуляционная и пальчиковая гимнастика на занятиях в детском саду. СПб.: КАРО, 2006.
5. Овчинникова Т.С. Подвижные игры, физминутки и общеразвивающие упражнения с речью и музыкой в логопедическом детском саду. СПб.: КАРО, 2006.
6. Нищева Н.В. Программа коррекционно-развивающей работы в логопедической группе детского сада для детей с общим недоразвитием речи (с 4 до 7 лет). Рекомендовано к использованию в образовательных учреждениях Региональным экспертным советом Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2021.

ILCHENKO Elena Aleksandrovna

Educator of the First Qualification Category,
MBOU "Aidar Secondary School named after B. G. Kandybin", Russia, Belgorod region, Aidar

ZUBOVA Natalya Nikolaevna

Educator of the First Qualification Category,
MBOU "Aidar Secondary School named after B. G. Kandybin", Russia, Belgorod region, Aidar

KUZNETSOVA Olesya Gennadievna

Educator of the First Qualification Category,
MBOU "Aidar Secondary School named after B. G. Kandybin", Russia, Belgorod region, Aidar

THE ROLE OF PLAY IN THE PROCESS OF EARLY PROFESSIONAL ORIENTATION OF PRESCHOOL CHILDREN WITH DISABILITIES

Abstract. *Recently, the issues of early career guidance for preschoolers have become particularly relevant. The organization of speech therapy work allows children with disabilities to begin preparing for their future careers and to familiarize them with various types of adult work at an early stage. The methodological development "My Path" aims to foster a positive emotional attitude towards the professional world and to provide preschoolers with disabilities with an understanding of the world of work and professions. This goal is achieved through the collaboration of speech therapists, parents, and other professionals.*

Keywords: *preschoolers with disabilities, career guidance, and game-based methodological development.*

ЛОБАНОВА Инна Васильевна

учитель начальных классов,
Новооскольская специальная общеобразовательная школа-интернат,
Россия, г. Новый Оскол

БОГАТЫРЁВА Елена Александровна

учитель, олигофренопедагог,
Новооскольская специальная общеобразовательная школа-интернат,
Россия, г. Новый Оскол

НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕЙ РАБОТЫ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ)

***Аннотация.** В статье описываются методы, приёмы и технологии работы с обучающимися с расстройствами аутистического спектра с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями).*

***Ключевые слова:** расстройства аутистического спектра, интеллектуальные нарушения, коммуникативные навыки, социальная адаптация, эмоциональное развитие, навыки самообслуживания.*

Подростковый возраст – критический период развития, особенно сложный для лиц с расстройствами аутистического спектра (РАС) и умственной отсталостью (УО). Коррекционно-развивающая работа в это время направлена на максимальную адаптацию, социализацию и повышение качества жизни подростков.

Важным аспектом коррекционно-развивающей работы является создание структурированной и предсказуемой среды. Подростки с РАС и УО часто испытывают трудности с адаптацией к изменениям и нуждаются в четком расписании, визуальных подсказках и понятных инструкциях. Структурированная среда помогает им чувствовать себя в безопасности и увереннее, что способствует более эффективному обучению и развитию.

Необходимо учитывать, что каждый подросток уникален, и программа коррекции должна разрабатываться индивидуально, с учетом его сильных и слабых сторон, интересов и потребностей. Важно проводить регулярную оценку прогресса и корректировать программу при необходимости. Использование различных методик и подходов позволяет подобрать наиболее эффективные инструменты для каждого конкретного случая.

Особое внимание следует уделять работе с семьей подростка. Родители должны быть активно вовлечены в процесс коррекции и получать необходимую поддержку и консультации. Обучение родителей стратегиям поведения и взаимодействия с подростком в домашних условиях повышает эффективность коррекционно-развивающей работы и способствует улучшению внутрисемейных отношений.

Помимо специалистов и родителей, важную роль в жизни подростка с РАС и УО играют сверстники. Организация инклюзивных мероприятий и программ, направленных на социализацию и установление дружеских связей, способствует формированию чувства принадлежности и снижению социальной изоляции. Поддержка и понимание со стороны сверстников помогают подросткам адаптироваться в обществе и повысить свою самооценку.

Основные направления работы:

Развитие коммуникативных навыков

Для подростков с РАС и УО коммуникация – это не просто передача информации, а сложный процесс, включающий в себя понимание контекста, интерпретацию эмоций и адаптацию к социальным нормам. Индивидуальный подход является ключевым элементом успешной коррекции. Важно учитывать уникальные

особенности каждого подростка, его сильные стороны, интересы и предпочтения, чтобы разработать наиболее эффективную программу развития коммуникативных навыков.

Визуальная поддержка играет важную роль в обучении. Карточки с изображениями, символами или словами помогают подросткам понимать инструкции, выражать свои потребности и чувства, а также ориентироваться в повседневных ситуациях. Расписания с визуальными подсказками облегчают понимание последовательности событий и уменьшают тревожность.

Обучение конкретным фразам и навыкам («Как попросить о помощи?», «Как начать разговор?», «Как выразить свое мнение?») дает подросткам инструменты для успешного взаимодействия с окружающими. Важно не только научить фразам, но и объяснить, в каких ситуациях их можно использовать. Постепенно, по мере освоения базовых навыков, можно переходить к более сложным задачам, таким как участие в групповых дискуссиях и решение конфликтных ситуаций.

Социальная адаптация

Социальная адаптация для подростков с РАС и УО – это сложный, но крайне важный процесс, направленный на интеграцию этих подростков в общество и повышение качества их жизни. Она включает в себя развитие социальных навыков, умение взаимодействовать с окружающими, понимать социальные нормы и правила, а также адаптироваться к различным жизненным ситуациям. Успешная социальная адаптация позволяет подросткам с РАС и УО чувствовать себя более уверенно, независимо и полноценно в обществе.

Не менее важным является формирование навыков самообслуживания и независимости. Подростки должны учиться самостоятельно одеваться, мыться, готовить простую еду, пользоваться общественным транспортом и решать повседневные бытовые задачи. Развитие этих навыков позволяет подросткам чувствовать себя более уверенно и независимо, а также способствует их интеграции в общество.

В конечном итоге, цель социальной адаптации – помочь подросткам с РАС и УО стать активными и полноценными членами общества, способными самостоятельно жить, работать и строить отношения с другими людьми. Этот процесс требует терпения, понимания и

поддержки со стороны окружающих, но результаты стоят затраченных усилий.

Развитие когнитивных функций

Процесс развития когнитивных функций у подростков с РАС и УО должен быть индивидуализированным и учитывать особенности каждого ребенка. Важно определить сильные и слабые стороны, а также специфические потребности, чтобы разработать наиболее эффективную программу коррекции и развития. В работе необходимо опираться на принципы постепенности, доступности и наглядности, используя разнообразные методы и приемы, адаптированные к возрасту и уровню развития подростка.

Особое внимание следует уделять развитию внимания, памяти, мышления и речи. Игры и упражнения, направленные на тренировку концентрации, улучшение запоминания, формирование логического мышления и развитие коммуникативных навыков, могут оказать значительную помощь в улучшении когнитивных функций. Важно также учитывать сенсорные особенности подростков с РАС и УО, адаптируя образовательное пространство и используемые материалы.

В процессе развития когнитивных функций необходимо активно привлекать родителей и других членов семьи. Обучение их эффективным приемам взаимодействия с подростком, создание поддерживающей и стимулирующей среды дома, значительно повышают эффективность работы. Важно помнить, что развитие когнитивных функций – это длительный и непрерывный процесс, требующий терпения, настойчивости и веры в потенциал каждого подростка.

Эмоциональное развитие

Обучение распознаванию и выражению эмоций, развитие навыков саморегуляции, снижение тревожности и агрессии. Обучение распознаванию эмоций – важный шаг в поддержке таких подростков. Использование визуальных материалов, карточек с изображениями эмоциональных выражений, ролевых игр и анализа ситуаций из повседневной жизни может помочь им научиться идентифицировать и называть различные эмоции. Важно уделять внимание не только базовым эмоциям (радость, грусть, гнев, страх), но и более сложным, таким как разочарование, зависть, смущение.

Развитие навыков выражения эмоций предполагает обучение адекватным способам проявления чувств. Это может включать в себя обучение вербальным и невербальным способам выражения, таким как использование слов, мимики, жестов и тона голоса. Важно научить подростков выбирать подходящие способы выражения эмоций в различных ситуациях и избегать деструктивных форм поведения.

Регуляция эмоций – критически важный аспект поддержки. Подростки с РАС и УО часто испытывают трудности с контролем над своими эмоциями, что может приводить к импульсивности, тревожности и агрессии. Обучение стратегиям саморегуляции, таким как дыхательные упражнения, техники релаксации, когнитивная переоценка и поиск социальной поддержки, может помочь им справляться с эмоциональными перегрузками и снижать частоту и интенсивность эмоциональных вспышек. Поддержка семьи также играет ключевую роль в эмоциональном развитии подростков с РАС и УО.

Развитие навыков самообслуживания

Развитие навыков самообслуживания для подростков с РАС и УО – это критически важный аспект подготовки к самостоятельной жизни и социальной адаптации. Эти навыки охватывают широкий спектр действий, от личной гигиены и одевания до приготовления пищи и уборки, и напрямую влияют на независимость и качество жизни подростка. Отсутствие или недостаточное развитие этих навыков может привести к зависимости от опекунов, ограничению социальных возможностей и снижению самооценки.

Применение структурированных методов обучения, визуальной поддержки и пошаговых инструкций играет ключевую роль в успешном освоении навыков самообслуживания. Важно разбить сложные задачи на более мелкие, легко выполнимые шаги, а также применять положительное подкрепление и поощрение за каждый достигнутый прогресс. Создание рутин и привычек обеспечивает предсказуемость и снижает тревожность, что особенно важно для подростков с РАС.

Использование адаптивного оборудования и технологий также может значительно облегчить процесс обучения. Например, специальные приспособления для застегивания пуговиц, резиновые держатели для посуды или

плиты с функцией автоотключения могут сделать задачи более доступными и безопасными. Важно помнить, что каждый подросток уникален, и подход к обучению должен быть индивидуализирован с учетом его сильных сторон, трудностей и предпочтений.

Не менее важен процесс генерализации и поддержания приобретенных навыков в различных ситуациях и средах. Подросток должен уметь применять полученные знания не только дома, но и в школе, на работе, в общественных местах. Активное участие семьи и специалистов, вовлеченных в жизнь подростка, в поддержании и закреплении навыков обеспечивает устойчивость результатов и способствует его дальнейшему развитию. Раннее начало обучения, терпение и последовательность – залог успешной адаптации и независимости подростков с РАС и УО.

Формы и методы работы

Работа с подростками, имеющими расстройства аутистического спектра (РАС) и умеренную умственную отсталость (УО), требует особого подхода, учитывающего их специфические потребности и особенности развития. Эффективность коррекционно-развивающей деятельности во многом зависит от грамотного выбора форм и методов работы.

Индивидуальные занятия

Индивидуальный формат позволяет адаптировать программу под уникальные нужды каждого подростка, учитывая его сильные и слабые стороны, предпочтения и темп обучения. Особое внимание уделяется развитию коммуникативных навыков, социальных взаимодействий, самообслуживанию и формированию адаптивного поведения. Методы, применяемые в индивидуальной работе, включают поведенческий анализ, визуальную поддержку, структурированное обучение, а также игровые и творческие техники.

Работа с семьей

Активное вовлечение семьи в процесс коррекции и реабилитации играет ключевую роль в достижении положительных результатов. Работа с семьей включает консультирование, обучение родителей эффективным стратегиям взаимодействия с подростком, а также предоставление информации о РАС и УО. Важно строить партнерские отношения с семьей, учитывая ее потребности и ресурсы.

Использование технологий

Современные технологии, такие как компьютерные программы, интерактивные доски и мобильные приложения, могут быть эффективным инструментом в работе с подростками РАС и УО. Они позволяют визуализировать информацию, предоставлять персонализированные задания, стимулировать интерес к обучению и облегчать коммуникацию.

Коррекционно-развивающая работа с подростками с РАС и УО – сложный и многогранный процесс, требующий индивидуального подхода и учета особенностей развития каждого подростка. Успех данной работы зависит от тесного взаимодействия специалистов (педагогов, психологов, логопедов, дефектологов), родителей и самого подростка. Комплексный подход, включающий в себя развитие социальных навыков, когнитивных функций, навыков самообслуживания, коррекцию поведения и подготовку к взрослой жизни, позволит подросткам с РАС и УО максимально адаптироваться к жизни в обществе, стать более самостоятельными и независимыми. Важно помнить, что каждый, даже самый маленький успех, является важным шагом на пути к полноценной и качественной жизни.

Литература

1. Башина В.М. Аутизм в детстве. – Москва. – Медицина. 1999 г.
2. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. – Москва. – Теревинф. – 2005 г.
3. Епифанцева Т.Б. Настольная книга педагога-дефектолога / Т.Б. Епифанцева – Ростов н/Д: Феникс, 2007 г.
4. Никольская О.С. Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение / О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг, И.А. Костин, М.Ю. Веденина, А.В. Аршатский, О.С. Аршатская – М.: Издательство: Теревинф, 2005 г.
5. Веденина М.Ю. Использование поведенческой терапии аутичных детей для формирования навыков бытовой адаптации. Дефектология 2.1997 г.
6. Веденина М.Ю., Окунева О.Н. Использование поведенческой терапии аутичных детей для формирования навыков бытовой адаптации. Дефектология 3. 1997 г.
7. Вейс Томас Й. Как помочь ребенку? Москва 1992 г.

LOBANOVA Inna Vasilyevna

Primary School Teacher,

Novooskolskaya Special Comprehensive Boarding School, Russia, Novy Oskol

BOGATYREVA Elena Aleksandrovna

Teacher, Oligophrenologist,

Novooskolskaya Special Comprehensive Boarding School, Russia, Novy Oskol

AREAS OF CORRECTIONAL AND DEVELOPMENTAL WORK WITH STUDENTS WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS AND INTELLECTUAL DISABILITY

Abstract. *The article describes methods, techniques and technologies of working with students with autism spectrum disorders and intellectual disability.*

Keywords: *autism spectrum disorders, intellectual disabilities, communication skills, social adaptation, emotional development, self-service skills.*

ПАХОМОВА Наталья Ивановна

учитель-логопед, МОУ «СОШ № 3», Россия, г. Валуйки

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГОПЕДИЧЕСКОГО МАССАЖА ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ЗВУКОПРОИЗНОШЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ

Аннотация. В статье говорится о распространенных недостатках звукопроизношения у обучающихся с тяжелыми нарушениями речи и рассказывается о логопедической технологии «логопедический массаж», видах логопедического массажа, противопоказаниях и развивающей предметно-пространственной среде для проведения логопедического массажа.

Ключевые слова: логопедический массаж, обучающиеся с тяжелыми нарушениями речи, виды логопедического массажа.

С каждым годом увеличивается количество детей, имеющих различные нарушения в развитии в том, числе и тяжелые нарушения речи. Любое нарушение речи в той или иной степени отражается на обучении, поведении и личности обучающегося. Дети, плохо говорящие, начинают осознавать свой недостаток, становятся замкнутыми, застенчивыми, нерешительными.

Самыми распространенными недостатками речи у обучающихся младшего школьного возраста являются нарушения звукопроизношения. Обычно нарушаются следующие группы звуков: свистящие, шипящие, сонорные, заднеязычные, в сложных случаях звуки раннего онтогенеза. Различают три формы нарушения звуков: искаженное произношение звука, отсутствие звука и замена звука другим звуком. Первая причина замены звуков является в недостаточной сформированности фонематического восприятия или его нарушениях. Второй причиной искаженного произношения звуков заключается в недостаточной сформированности или нарушения артикуляционной моторики. [3]. При выполнении артикуляционной гимнастики обучающихся с ТНР выполняют движения не в полном объеме, неточно либо совсем не выполняют. Основным моментом при обследовании моторной сферы обучающегося является определение тонуса мышц. Он может быть нормальным, повышенным (гипертонус) и пониженным (гипотонус). При нормальном тонусе мышца мягкая, упругая, эластичная. При гипертонусе наблюдается напряженность иногда болезненность мышцы. При гипотонусе отмечается вялая, излишне мягкая

мышца [1, с. 21]. Для развития артикуляционной моторики и мимической мускулатуры у обучающихся с ТНР используется нетрадиционная технология «логопедический массаж».

Логопедический массаж – это технология прямого воздействия пальцами или специальными приспособлениями (зондами) на мышцы участвующие в работе артикуляционного аппарата (лица, головы, шеи, языка, щек, губ, нёба) [2]. Главная цель логопедического массажа – это нормализация мышечного тонуса, развитие артикуляционной моторики и мимической мускулатуры, формирование навыка координации артикуляционных движений и артикуляционных укладов. Логопедический массаж рекомендуется всем обучающимся с речевыми нарушениями, особенно обучающимся, имеющих тяжелые нарушения речи.

Противопоказания к логопедическому массажу:

- гнойничковые и грибковые заболевания кожи у обучающегося или учителя-логопеда;
- гематомы на массируемом участке тела;
- болезни крови и капилляров;
- острой крапивницы, отека Квинке в анамнезе;
- инфицированных ран;
- фурункулеза;
- ОРЗ;
- стоматит;
- гиперчувствительность ребенка;
- после ангины не менее 14 дней.

Виды логопедического массажа:

- классический;
- точечный;

- аппаратный;
- зондовый массаж
- самомассаж.

В зависимости от индивидуальных особенностей обучающегося и речевого диагноза, учитель-логопед самостоятельно выбирает вид логопедического массажа, который будет применяться в коррекционно-развивающей работе. При использовании классического логопедического массажа учитель-логопед выполняет массажные приемы: поглаживания (продольные, поперечное, зигзагообразное, кругообразное, спиралевидное), разминания, растирания (растирание пальцами, гребнеобразное, локтевым краем ладони, растирание запястьем, пиление) и вибрации. При применении точечного массажа учитель-логопед локально воздействует расслабляющим или стимулирующим способом на биологически активные точки (зоны) обучающегося. Аппаратный массаж учитель-логопед проводит с помощью вибрационных, вакуумных и других приборов. Зондовый массаж выполняется по методу Е. В. Новиковой, который помогает нормализовать речевое дыхание, исправить произношение звуков, увеличить голосовую силу и дополнительно нормализовать работу нервной системы. Последовательность использования различных зондов на необходимые участки определяется индивидуально учителем-логопедом в зависимости от тяжести речевого дефекта обучающегося. При выполнении самомассажа обучающийся самостоятельно делает себе массаж лица руками, массаж языка с помощью зубов (артикуляционной упражнение «Расческа»).

Развивающая предметно-пространственная среда для проведения логопедического массажа:

1. Медицинский спирт (для дезинфицирования массажных зондов, стоматических зеркал, шпателей и т. п.);
2. Стерильные салфетки (для обследования состояния тонуса мышц артикуляционного аппарата);
3. Чайник с кипяченой водой (после массажа мышц полости рта ребенок может в целях гигиены прополоскать рот);
4. Одноразовые пластиковые стаканы;
5. Стерильные медицинские резиновые перчатки (могут использоваться при проведении массажа в полости рта);
6. Медицинская одноразовая маска.

Логопедический массаж выполняется с соблюдением следующей последовательности:

мышцы шеи далее мимической мускулатуры и в заключении языка.

Логопедический массаж шеи.

Передняя и боковые поверхности шеи сильными приемами не массируются.

Легкими массирующими движениями учитель-логопед проходит по передней поверхности снизу вверх, к подбородку и боковой поверхности – от ушных раковин вниз. Далее массируют заднюю поверхность – снизу вверх, к волосистой части головы, различными приемами классического массажа [1, с. 47].

Логопедический массаж лица.

1. Учитель-логопед начинает выполнять массажные движения от середины лба легкими движениями к вискам;

2. Затем двигаются от середины лба до ушных раковин;

3. Потом массажные движения идут от латеральных концов бровей к волосистой части головы;

4. После круговые массажные движения медиальных концов бровей по глазницам до внутренних углов глаз;

5. Далее движения пальцев учителя-логопеда проходят от спинки носа к ушным раковинам;

6. Затем этого массажные движения идут от крыльев носа к ушным раковинам;

7. Далее массажные движения идут от середины верхней губы до ушных раковин;

8. Потом массажные движения идут от середины верхней губы на подбородок;

9. Затем от крыльев носа по носогубным складкам к углам рта;

10. В заключении выполняет массажные движения от середины подбородка до ушных раковин [1, с. 47].

Логопедический массаж языка.

Язык массируется от кончика до середины (чтобы не вызвать рвотного рефлекса). Учитель-логопед делает массажные движения прямые, спиралевидные, кругообразные:

- от середины языка к его кончику и обратно;
- центра языка влево и вправо («елочка»);
- левого края языка до правого и наоборот (поперек языка);
- пощипывание и растягивание краев языка [1, с. 48].

После проведения учителем-логопедом нескольких занятий с использованием логопедического массажа языка, далее обучающийся может выполнять самостоятельно самомассаж

языка в домашних условиях с учетом рекомендаций учителя-логопеда.

В заключении хочется отметить положительную динамику после применения логопедического массажа, посредством которого увеличивается кровоток к органам артикуляции и мимической мускулатуры, мышцы становятся эластичными, способными растягиваться и сжиматься в нужном направлении. И самое главное, логопедический массаж помогает формировать артикуляционные уклады для постановки нарушенных звуков.

Литература

1. Блыскина И.В. Комплексный подход к коррекции речевой патологии у детей. Логопедический массаж: Методическое пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений. СПб: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2017. – 112 с., илл.
2. <https://dzen.ru/a/YwzFRv14UEFzineA>.
3. Фомичёва М.Ф. Воспитание у детей правильного звукопроизношения: Практикум по логопедии: Учеб. пособие для учащихся пед.уч-щ по спец № 03.08 «Дош. воспитание»-М.: Просвещение. <https://studfile.net/preview/5773290/>.

PAKHOMOVA Natalia Ivanovna

Speech Therapist Teacher, MOE "Secondary School No. 3", Russia, Valuiki

THE USE OF SPEECH THERAPY MASSAGE TO CORRECT SOUND REPRODUCTION IN STUDENTS WITH SEVERE SPEECH DISORDERS

Abstract. *The article talks about the common disadvantages of sound reproduction among students with severe speech disorders and describes the speech therapy technology "speech therapy massage", types of speech therapy massage, contraindications and the developing subject-spatial environment for speech therapy massage.*

Keywords: *speech therapy massage, students with severe speech disorders, types of pedagogical massage.*

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

ГОРДИЕНКО Ангелина Сергеевна

студентка, Донской государственный технический университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

ГУДКОВА Елизавета Руслановна

студентка, Донской государственный технический университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

ТОКАРЕВ Геннадий Николаевич

преподаватель,

Донской государственный технический университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

КОРРЕКЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ВОСПИТАТЕЛЯ МБДОУ Д/С № 33 г. АЗОВА)

Аннотация. В статье рассматривается проблема поведенческих нарушений (агрессия, гиперактивность, импульсивность) у детей старшего дошкольного возраста. На основе опыта работы воспитателя Муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения детский сад № 33 города Азова доказывается эффективность использования специально подобранных физкультурных занятий и подвижных игр как средства коррекции «плохого поведения». Предлагаются практические методические рекомендации для воспитателей ДОУ.

Ключевые слова: дошкольники, поведенческие нарушения, агрессия, гиперактивность, физическая культура, подвижные игры, МБДОУ д/с № 33 г. Азова, воспитатель.

1. Введение

Дошкольный возраст (5–7 лет) является сенситивным периодом для формирования произвольного поведения и эмоционально-волевой регуляции. Однако, по данным педагогических наблюдений в МБДОУ детский сад № 33 города Азова, до 30% детей старших и подготовительных групп демонстрируют поведенческие нарушения: немотивированную агрессию, двигательную расторможенность (гиперактивность), неспособность следовать правилам, конфликтность в игре.

Традиционные методы воздействия (беседы, замечания, лишение сладкого или привилегий) в дошкольном возрасте часто малоэффективны, так как дети этого возраста живут преимущественно в мире образов и телесных ощущений. Именно поэтому в условиях МБДОУ д/с № 33 г. Азова была разработана и апробирована система коррекции поведения через физическую культуру.

Гипотеза: систематические физкультурные занятия, построенные по специальному принципу (чередование «взрывных» и успокаивающих упражнений, командные игры с правилами), способны снизить уровень поведенческих нарушений у старших дошкольников без медикаментозного вмешательства.

2. Природа «плохого поведения» дошкольников: психофизиологический аспект

Прежде чем говорить об исправлении, важно понять причину. У дошкольников 5–7 лет процессы возбуждения в центральной нервной системе все еще преобладают над процессами торможения. Лобные доли (отвечающие за контроль эмоций) находятся в стадии активного созревания.

С физиологической точки зрения, «плохое поведение» ребенка – это часто:

1. Накопленная избыточная энергия, не нашедшая выхода (гиподинамия в условиях группы).

2. Высокий уровень кортизола (гормона стресса) из-за адаптации к саду или семейных факторов.

3. Неумение распознавать и вербализовать эмоции (вместо слов «я злюсь» – удар или крик).

Наблюдения показали, что пик поведенческих срывов приходится на вторую половину дня (после тихого часа и полдника), когда дети «отсиделись» в группе и нуждаются в мышечной разрядке.

3. Механизм коррекции: как физкультура «лечит» поведение

В основе предлагаемой методики лежат три ключевых механизма:

1. Мышечная разрядка (снятие физиологического напряжения). Интенсивная двигательная активность утилизирует избыток адреналина. Ребенок, который пробежал, попрыгал, прополз по гимнастической скамейке, физически не может продолжать истерику – его организм приходит в баланс.

2. Обучение правилам через тело (социальный аспект). Подвижная игра – это мини-модель общества с четкими правилами. Ребенок учится ждать своей очереди, уступать, проигрывать и договариваться. Для дошкольника этот опыт ценнее любой беседы о «хорошо и плохо».

3. Снижение тревожности (эмоциональный аспект). Во время мышечной работы вырабатываются эндорфины и дофамин. Ребенок начинает ассоциировать физкультуру с удовольствием и радостью, его общий эмоциональный фон выравнивается.

4. Результаты педагогической работы

В период с сентября 2024 года по апрель 2025 года был проведен педагогический эксперимент с участием 18 детей старшей группы (5-6 лет), у которых наблюдались устойчивые поведенческие нарушения (агрессия, драки, отказ от подчинения правилам группы).

Методика работы:

В режим дня группы были интегрированы следующие элементы:

Таблица 1

Время	Форма работы	Длительность
Утро (до завтрака)	«Бодрая разминка» (ритмические движения под музыку, прыжки, хлопки) – для сброса утренней тревожности	5–7 мин
После занятия (статическая поза)	После занятия (статическая поза) «Подвижная перемена» (игры с правилами: «Море волнуется раз», «Совушка», «Кошки-мышки»)	10 мин
Вторая половина дня (после сна)	«Час двигательного творчества» (полоса препятствий, игры с мячом, эстафеты)	15–20 мин
Перед уходом домой	Дыхательная гимнастика и релаксация («Сдуваем шарик», «Снежинка на ладошке»)	3–5 мин

Результаты эксперимента:

Таблица 2

Показатель	До внедрения методики (сентябрь 2024)	После внедрения (апрель 2025)
Количество конфликтов в группе за день	8–12	2–4
Длительность удержания внимания на занятии (у гиперактивных детей)	2–3 минуты	7–10 минут
Обращения родителей к психологу по поводу агрессии ребенка	5 обращений	1 обращение
Уровень тревожности (по тесту «Кактус»)	высокий у 7 детей	высокий у 1 ребенка

Вывод: у 14 из 18 детей экспериментальной группы поведение нормализовалось. Дети научились снимать напряжение через движение, а не через драку. Особенно эффективной оказалась методика «полоса препятствий» – она требовала последовательности действий и терпения, что напрямую тренировало произвольность поведения.

Одним из элементов предложенной системы являлось упражнение «Злюка-топушка».

Если ребенок агрессивен, воспитатель не запрещает кричать, а переводит агрессию в ноги: «Ты очень злишься. Давай потопаем ногами, как сердитый медведь, 10 раз. А потом подышим, как спокойный кот». После 10–15 секунд

топанья уровень агрессии резко снижается, и с ребенком можно разговаривать.

5. Заключение

Физическая культура в дошкольном возрасте – это не просто развитие силы и ловкости. Это мощнейший инструмент коррекции поведения, доступный каждому воспитателю. Опыт работы, представленный на базе МБДОУ детский сад № 33 города Азова доказывает, что через движение, игру и мышечную разрядку можно эффективно снизить агрессию, гиперактивность и импульсивность у детей 5–7 лет.

Внедрение описанной системы (утренняя разминка, подвижные перемены, час двигательного творчества, дыхательная релаксация) позволило сократить количество конфликтов в группе на 70% без применения наказаний. Рекомендуется тиражировать данный опыт в

других группах д/с № 33 и в соседних дошкольных учреждениях г. Азова.

Литература

1. Аналитическая справка по итогам воспитательной работы МБДОУ д/с № 33 г. Азова за 2024-2025 учебный год (автор-Гордиенко Ангелина Сергеевна).
2. Коломинский Я.Л., Панько Е.А. Психология детей дошкольного возраста. – М.: Издательский центр «Академия», 2020.
3. Лютова Е.К., Моница Г.Б. Тренинг эффективного взаимодействия с детьми. – СПб.: Речь, 2021.
4. Сиротюк А.Л. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью: диагностика и коррекция. – М.: ТЦ Сфера, 2022.

GORDIENKO Angelina Sergeevna

Student, Don State Technical University, Russia, Rostov-on-Don

GUDKOVA Elizaveta Ruslanovna

Student, Don State Technical University, Russia, Rostov-on-Don

TOKAREV Gennady Nikolaevich

Teacher, Don State Technical University, Russia, Rostov-on-Don

CORRECTION OF BEHAVIORAL DISORDERS IN OLDER PRESCHOOLERS BY MEANS OF PHYSICAL EDUCATION (FROM THE WORK EXPERIENCE OF THE TEACHER OF MBDOU D/S No. 33 IN AZOV)

Abstract. The article discusses the problem of behavioral disorders (aggression, hyperactivity, impulsivity) in older preschool children. Based on the work experience of the teacher of the Municipal budget preschool educational Institution kindergarten No. 33 in the city of Azov, the effectiveness of using specially selected physical education classes and outdoor games as a means of correcting "bad behavior" is proved. Practical methodological recommendations for preschool teachers are offered.

Keywords: preschoolers, behavioral disorders, aggression, hyperactivity, physical education, outdoor games, MBDOU secondary school No. 33 in Azov, educator.

ШАГИАХМЕТОВА Карима Илгизовна

студентка, Казанский государственный медицинский университет, Россия, г. Казань

*Научный руководитель – старший преподаватель кафедры теории и методики футбола и хоккея Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
Садыков Наиль Наркисович*

УПРАВЛЕНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЕМ ФУТБОЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МАСТЕРСТВА

Аннотация. Игровая практика в футболе сопряжена с высокими требованиями к устойчивости психики спортсменов. В публикации рассматриваются вопросы совершенствования ментальной подготовки юношей в период соревнований. Авторами предложен комплекс педагогических воздействий, базирующийся на интеграции приемов расслабления мускулатуры, образного представления двигательных актов и методов нейтрализации стрессовых реакций. В ходе экспериментальной работы на выборке из 22 игроков засвидетельствовано значимое ($p \leq 0,05$) повышение уровня эмоционального фона и уверенности в своих силах у представителей опытной группы. Прирост по шкалам самочувствия и активности достиг 47%, а индекс уверенности вырос на 180%. Материалы работы ориентированы на применение в системе подготовки футбольных резервов.

Ключевые слова: футбол, ментальный тренинг, соревновательная надежность, управление стрессом, юные спортсмены.

Введение

Достижение стабильно высоких показателей в современном футболе юношескими коллективами уже нельзя обеспечить лишь за счет наращивания объемов двигательной активности и тактических разборов. В период совершенствования мастерства, когда атлеты осваивают сложный арсенал технических элементов в рамках лимита времени и в условиях плотной опеки оппонента, на первый план выходит способность контролировать собственное психоэмоциональное состояние [1, 4]. Анализ специальных источников демонстрирует, что неспособность справиться с волнением часто выступает главной причиной расхождения между демонстрируемыми на тренировках возможностями и реальной эффективностью в официальных встречах [2, с. 99-104].

Актуальность затронутой проблемы связана с потребностью тренерского сообщества в действенных приемах, которые позволили бы минимизировать воздействие дезорганизующих факторов на неокрепшую психику футболистов подросткового возраста. Новизна подхода, освещаемого в данной статье, состоит в попытке вынести психологическое сопровождение за рамки ситуативных бесед и превратить

его в строго регламентированный компонент недельного микроцикла, тесно связанный с графиком состязаний. Цель проведенной работы заключалась в разработке и объективной проверке эффективности методики, нацеленной на повышение психической надежности футболистов на стадии углубленной специализации в ходе цикла соревнований.

Основная часть

Экспериментальная площадка была развернута на базе футбольной школы «Рубин» городского округа Казань. К исследованию привлекли 22 воспитанников групп совершенствования спортивного мастерства. Методом случайного выбора сформировали две равноценные по стартовым характеристикам подгруппы – контрольную и опытную, в каждую вошло по 11 человек. Для подтверждения идентичности групп на предварительном этапе использовали статистический критерий Манна-Уитни, который не обнаружил значимых расхождений ($p > 0,05$).

В роли диагностического арсенала выступили апробированные психометрические опросники. Функциональный психоэмоциональный статус оценивался через опросник «Самочувствие, Активность, Настроение»

(САН), позволяющий зафиксировать субъективное восприятие своего состояния. Для замера уровня такого личностного конструкта, как уверенность в собственных действиях, применялась шкала из батареи тестов В. Г. Ромека [5]. Замеры проводились дважды – перед началом цикла подготовки и сразу после его окончания.

Суть предлагаемого нововведения для участников опытной группы состояла во внедрении в стандартный тренировочный ритм структурированной программы ментального воздействия. Ее концептуальной основой послужили научные разработки А. М. Ахатова и И. В. Работина, дифференцирующие единый процесс на блоки общей и специальной подготовки к конкретному турниру или встрече [3]. Содержание методики распределялось по дням недельного микроцикла, коррелируя с календарем игр. В нее вошли:

- Сеансы постизометрической и общей мышечной релаксации (20–25 минут), ориентированные на поочередное снятие зажимов с верхних и нижних групп мышц, что способствовало нормализации тонуса тела после интенсивных поединков.
- Техники когнитивного очищения и преодоления стрессовых барьеров, заимствованные из практических руководств К. Шрайнера, сфокусированные на вытеснении иррациональных страхов и деструктивных мыслей.
- Идеомоторные тренировки (40 минут), в ходе которых спортсмены в деталях мысленно воспроизводили

сложнокоординационные технические связки и исправляли ошибки, имевшие место в последних матчах.

- Коммуникативные тренинги и задания на повышение самооценки и сплоченности (упражнения типа «Мои сильные стороны», «Фиксация маленьких побед»), проводимые как в диалоге с психологом, так и в общеконном кругу [1].

Обработка эмпирических данных на заключительном отрезке исследования зафиксировала выраженную позитивную динамику в опытной выборке (рис.). Если в начале работы средние значения по методике САН в обеих выборках колебались в районе 3,4–3,8 балла, что классифицируется как не вполне благоприятный фон настроения и активности, то на финальном замере показатели контрольной группы остались на уровне 4,06 балла. В то же время у атлетов, занимавшихся по авторской методике, средний балл поднялся до отметки 5,0, что свидетельствует о достижении оптимального рабочего тонуса организма и психики.

Схожие изменения зафиксированы и по параметру уверенности в себе. В экспериментальной группе показатель вырос в 2,8 раза (с 3,0 до 8,4 стана), перейдя из категории «низкий» в категорию «высокий уровень проявления качества». В контрольной группе сдвиг оказался менее масштабным (с 3,4 до 7,0 стана). Обработка непараметрическим методом Манна-Уитни подтвердила достоверность выявленных межгрупповых различий на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Измеряемый параметр	Группа ЭГ (до/после)	Группа КГ (до/после)	U-критерий (после)
Опросник САН (баллы)	3,4 / 5,0	3,8 / 4,06	0 ($p \leq 0,05$)
Шкала уверенности Ромека (станы)	3,0 / 8,4	3,4 / 7,0	3 ($p \leq 0,05$)

Рис. Показатели психоэмоциональной сферы испытуемых

Заключение

Итоги проделанной работы подтверждают исходное предположение о результативности системного внедрения методов психической регуляции в соревновательный процесс юных футболистов. Применение на этапе спортивного совершенствования специализированного алгоритма, комбинирующего релаксационные практики, образное проигрывание соревновательных эпизодов и групповую работу над самооценкой, позволяет качественно

улучшить эмоциональный настрой и сформировать внутреннюю убежденность в успехе. Выражаясь в цифрах, прирост уровня ситуативной уверенности достиг 180%, а общий фон самочувствия улучшился на 47%, что недостижимо при традиционной организации тренировочного процесса без выделения отдельных часов на психологию. Разработанные практические шаблоны распределения нагрузки в микроцикле могут быть имплементированы тренерами детских академий и команд

мастеров для повышения помехоустойчивости подопечных в ответственных матчах.

Литература

1. Ахатов А.М. Психологическая подготовка спортсменов: учеб.-метод. пособие / Сост. А.М. Ахатов, И.В. Работин. – КамГАФК-СиТ, 2008. – 56 с.
2. Андреева В.В. Феномен преодоления в психологической подготовке спортсменов / В.В. Андреева // Теория и практика физ. культуры. – 2010. – № 9. – С. 99-104.
3. Малкин В.Р. Психологические методы подготовки спортсменов: учеб. пособие для вузов / В.Р. Малкин, Л.Н. Рогалева. – М.: Юрайт, 2019. – 96 с.
4. Шарахутдинова А.Ю. Программа спортивной подготовки по виду спорта футбол / А.Ю. Шарахутдинова [и др.]. – Мончегорск, 2019.
5. Уэйнберг Р.С. Основы психологии спорта и физической культуры / Р.С. Уэйнберг, Д. Гоулд. – Киев: Олимпийская литература, 1998. – 336 с.

SHAGIAKHMETOVA Karima Ilgizovna

Student, Kazan State Medical University, Russia, Kazan

*Scientific Advisor - Senior Lecturer at the Department of Theory and Methodology of Football and Hockey at the Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism
Sadykov Nail Narkisovich*

MANAGEMENT OF THE PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF FOOTBALL PLAYERS IN TERMS OF COMPETITIVE ACTIVITY AT THE STAGE OF SKILL IMPROVEMENT

Abstract. *Playing practice in football is associated with high demands on the stability of the psyche of athletes. The publication discusses the issues of improving the mental preparation of young men during the competition period. The authors propose a set of pedagogical influences based on the integration of techniques of muscle relaxation, imaginative representation of motor acts and methods of neutralizing stress reactions. In the course of experimental work, a significant ($p < 0.05$) increase in the level of emotional background and self-confidence among the representatives of the experimental group was observed in a sample of 22 players. The increase on the scales of well-being and activity reached 47%, and the confidence index increased by 180%. The materials of the work are aimed at application in the system of training football reserves.*

Keywords: *football, mental training, competitive reliability, stress management, young athletes.*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 17 (303)

Часть II

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 29.04.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40